

МОДНЫЕ КНИГИ

ДЕВОЧЕК

Франсис Бернетт

Манифестный сад

Annotation

Тяжело остаться без родителей, особенно когда тебе всего десять лет, окружающие тебя не любят и ты тоже ненавидишь чуть ли не весь белый свет. Кажется, ничего хорошего в этой жизни уже не будет. Но будто сама судьба протягивает героине книги спасительную руку и выводит на тропинку в прекрасный Таинственный сад.

Воспитание чувств – так кратко можно охарактеризовать роман американской писательницы Ф. Бернетт «Таинственный сад».

- [Фрэнсис Бернетт](#)

-
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)

- [Глава XXVI](#)
- [Глава XXVII](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Фрэнсис Бернетт
ТАИНСТВЕННЫЙ САД

Глава I

СИРОТА

Когда Мэри Леннокс только что появилась в Мисселтуэйт Мэноре – Йоркширском поместье дяди, выглядела она прескверно, да и вела себя не очень-то хорошо. Вообразите надменную девочку десяти лет с худеньким злым лицом и тщедушным телом, добавьте к этому болезненную желтизну кожи, и вы без труда поймете, почему никого в Мисселтуэйте ее присутствие не порадовало.

До недавнего времени Мэри жила в Индии. Там ее с самого рождения преследовали болезни. Отец Мэри, чиновник Британского правительственного департамента, тоже часто болел, а в промежутках с головой погружался в работу. Мать Мэри, в противоположность мужу и дочери, славилась здоровьем, красотой и общительностью. Она часто повторяла, что без общества интересных и веселых людей не выдержала бы в Индии даже дня. Миссис Леннокс совсем не хотела обременять свою жизнь детьми. Когда же Мэри все-таки появилась на свет, ее тут же препоручили заботам няни-индуски, или, по-местному, Айе. Няне было весьма доходчиво объяснено, что чем реже ребенок будет попадаться на глаза Мэмсахибе (госпоже), тем больше оценят ее работу. С тех пор девочку держали на расстоянии от родителей. Мэри росла, стала ходить, заговорила, мало-помалу превращалась во вполне сознательное существо, но родители так и не приблизили ее к себе.

Боясь гнева хозяйки, слуги разрешали девочке делать все, что угодно, только бы та не скандалила. Это не замедлило принести плоды. К шести годам Мэри стала настоящим тираном и понукала слугами, как могла. Молодая гувернантка, которую родители выписали для Мэри из Англии, уволилась через три месяца. Другие гувернантки требовали расчета гораздо скорее. Если бы Мэри в конце концов вдруг не захотелось самой научиться грамоте, вероятнее всего, она вообще не смогла бы читать и писать.

Так длилось из года в год все девять лет ее жизни, пока не наступило утро, которое Мэри встретила в особенно дурном настроении. Жара стояла ужасная. А вместо привычной Айи на зов девочки пришла какая-то совсем незнакомая служанка.

– Убирайся! Не хочу тебя видеть! – рассердилась девочка. – Беги и быстро позови ко мне Айю!

Незнакомая служанка в страхе пригнула голову и принялась очень вежливо объяснять, что Айя, к великой жалости, сейчас просто никак не может прийти к Мисси Сахиб. Такой ответ разъярил девочку еще больше.

– Убирайся! Убирайся, тебе сказали! – завизжала она и изо всей силы пнула служанку в живот.

– Айя никак не может прийти к Мисси Сахиб, – кротко повторила женщина и вышла из комнаты.

Утро складывалось явно необычно. Распорядок домашней жизни словно разом куда-то исчез, и знакомые слуги – тоже. Незнакомые кое-где еще попадались, но и они вели себя странно: растерянно бродили из угла в угол и явно чего-то боялись. К Мэри никто больше не подходил. Подождав еще некоторое время, она первый раз в жизни оделась без помощи Айи и вышла в сад. Она устроилась у подножия веранды и стала делать «клумбу понарошке». Насыпав кучку земли, девочка утыкала ее большими цветами ярко-красного цвета. Потом уселась перед своей «клумбой» на корточках и сердито забормотала под нос то, что, по ее мнению, надо высказать Айе, как только та снова придет.

– Свинья, дочь свиней! Свинья, дочь свиней! Свинья, дочь свиней! – смакуя каждое слово, повторяла Мэри самое оскорбительное ругательство в Индии.

Вдруг с веранды послышались голоса. Девочка подняла голову и увидела мать в обществе молодого офицера, который недавно приехал из Англии. Мэри так редко встречалась с матерью, что, подобно всем слугам в доме, называла ее не иначе, как Мэмсахибой. Эта высокая, стройная, хорошенькая и веселая женщина приводила дочь в полный восторг. Мэмсахиба всегда так потрясающе одевалась! Платья у нее были сплошь из легких, как воздух, тканей, и Мэри думала, что и сама Мэмсахиба вся состоит из кружев. Сегодня кружев на матери было даже больше обычного, только почему-то она совсем не смеялась. Испуганно поглядев на офицера, она спросила:

– Неужели все и впрямь так ужасно?

– Ужасно, – глухо отозвался молодой человек. – Хуже, пожалуй, и не придумаешь, миссис Леннокс. Вам еще две недели назад нужно было уехать в горы.

– Да знаю, знаю, что нужно, – в отчаянии заломила руки Мэмсахиба. – И осталась-то я только из-за этого званого ужина. Я...

Договорить она не смогла. Из помещения для слуг раздались такие истошные крики, что миссис Леннокс вздрогнула и с силой схватила за руку офицера.

– Что это? – донесся до Мэри ее испуганный шепот.

– Видимо, кто-то умер, – ответил молодой человек. – Значит, эпидемия дошла и до ваших слуг.

– Как? – еще тише проговорила миссис Леннокс. – Мне никто не сказал об этом.

Она повернулась и быстро вошла в дом. Молодой офицер последовал за ней. А вскоре вокруг стали твориться страшные вещи, и Мэри все узнала.

Небывалая эпидемия холеры охватила весь город. Люди умирали один за другим. Ая заболела минувшей ночью. Она скончалась как раз в тот момент, когда миссис Леннокс стояла на веранде с молодым офицером. До полудня еще трое слуг Ленноксов разделили участь несчастной. Остальные в панике разбежались.

О Мэри никто не вспомнил. Затаившись в детской, она со страхом ждала своей участи. Она то плакала, то засыпала. Болезнь свирепствовала по-прежнему. Об этом Мэри догадывалась по воплям, от которых кровь стыла в жилах. Лишь раз за все это время девочка покинула детскую. Она проголодалась и вышла в столовую. Обед почему-то стоял небраным. На тарелках лежала недоеденная пища, перевернутые стулья валялись на полу. Похоже, люди внезапно выскочили из-за стола и куда-то исчезли. Мэри поела печенья и фруктов. Потом запила их. Сладкий сок темно-красного цвета ей очень понравился. Она не знала, что это вино, и удивилась, когда начала засыпать на ходу. Едва дойдя до детской, она легла и сразу уснула. Стоны и плач по умирающим оглашали округу, но девочка ничего не слышала. Она проснулась лишь на рассвете. Полная тишина окутала дом. Мэри не знала, что и подумать. С тех пор как она себя помнила, в бунгало Ленноксов с раннего утра до глубокой ночи всегда стоял шум. А теперь Мэри чувствовала себя так, словно ей кто-то уши заткнул. Ни единого возгласа, ни единого звука. «Наверное, все уже перестали болеть, и теперь отдыхают», – решила наконец девочка. Она по-прежнему оставалась в кровати. Ведь она знала: как только слуги проснутся, к ней обязательно кого-то пришлют.

Лениво скользя глазами по стенам детской, Мэри попыталась представить себе, какой будет ее новая Ая. Эта девочка ни к кому не испытывала настоящей любви. Ей даже в голову не пришло пожалеть об умершей Аие. Наоборот, она сейчас радовалась, что теперь к ней приставят другую женщину. Потому что Ая знала слишком уж мало хороших сказок, и Мэри с ней было скучно.

Но время шло, а к Мэри так никто и не подошел, и тишина в доме

стояла такая же, как раньше. Девочка снова начала злиться. Мало того что пока все были больны, ей пришлось одной сидеть в детской, так даже сейчас никто о ней не вспомнил! Тут в комнате послышался шорох. Словно кто-то легонько водил ногтем по циновке, которой был устлан пол. Девочка свесила голову с подушки. По циновке ползла маленькая змея. Глаза ее блестели словно два черных камушка. Мэри не испугалась. Она сразу почувствовала, что эта змея целиком поглощена своими заботами. Змея и впрямь старательно искала выход из комнаты. Юркнув в щель под дверь, она мгновенно исчезла.

В комнате опять стало тихо. «Неужели никто еще до сих пор не проснулся? – больше прежнего удивилась Мэри. – Как будто в доме нет никого, кроме меня и змейки». Не успела она об этом подумать, как во дворе раздались шаги. Это явно были какие-то люди. Только вот странно, что у двери их никто не встретил. Они беспрепятственно вошли внутрь и, тихо переговариваясь, осмотрели весь дом. Они открывали дверь за дверью, но в комнатах никого не было.

– Видимо, все погибли, – горестно произнес мужской голос. – Ах, какая была красивая женщина! И ребенок ее, наверное, тоже погиб. Вы слышали, Барни, что у них был ребенок? Они почему-то его никому не показывали.

Мгновение спустя в детскую вошли двое. Мэри со свирепым видом стояла посреди комнаты, и, увидев ее, мужчины от неожиданности невольно отступили на шаг. Одного из них, офицера высокого роста, Мэри вспомнила. Он однажды беседовал с папой.

– Барни! – изумленно взглянул он на спутника. – Ребенок! Один! В этом кошмаре! Вот уж действительно, кому Бог не даст умереть... Ты кто? – спросил он у Мэри.

– Мэри Леннокс, – сердито ответила та, – а это не «кошмар», а наше бунгало! Сперва тут началась холера, а потом я заснула, а теперь ко мне никто не приходит. Почему про меня все забыли? – И она топнула ногой от обиды.

– Ну, конечно, это та самая девочка, – сказал задумчиво высокий полковник. – Видно, в панике о ней просто никто не вспомнил.

– Почему в панике никто обо мне не вспомнил? – снова топнула ногой Мэри.

Молодой человек по имени Барни наклонился к ней, поглядел с такой грустью, словно вот-вот заплачет.

– Никто о тебе не вспомнил, потому что тут никого не осталось, – объяснил он.

Так Мэри узнала, что папа и Мэмсахиба заразились холерой и умерли. Это случилось сегодня ночью, пока она крепко спала, а сейчас их уже успели похоронить. Большинство слуг тоже умерло, а те, которых болезнь пощадила, сбежали. По всей видимости, они были настолько напуганы, что о Мэри даже не вспомнили. Вот и осталась она одна в опустевшем доме.

Глава II

МЭРИ-ВСЕ-НАОБОРОТ

Мэри отвели в дом какого-то английского священника. «Пока поживешь тут, а там будет видно», – сказали ей, и с тех пор она просто мечтала как можно скорее уехать в «новый дом». У священника ей не нравилось абсолютно все. И бедно обставленное бунгало, и дети, которые ходили в старой и некрасивой одежде, и, главное, тут не было слуг-индусов, которые готовы исполнить любой приказ. Другая девочка, попав в положение Мэри, наверняка оплакивала бы родителей и собственную судьбу. Ведь она осталась в этом мире совершенно одна. Но Мэри слишком мало была знакома с папой и мамой, чтобы горевать об утрате. Собственная участь ее тоже не слишком заботила. Подобно всем избалованным детям, она просто не представляла себе иной жизни, чем в родительском доме, и ждала, когда наконец окажется там, где у нее будет столько же свободы и столько же слуг, как раньше.

К детям священника Мэри относилась с таким презрением, что вскоре они перестали играть с ней. Но этим дело не кончилось. На второй день знакомства Безил, который казался девочке самым ужасным из всех пятерых детей в доме, придумал ей очень обидное прозвище. Сначала он начал лезть к Мэри с советами, когда она играла в цветочную клумбу понарошку. Безил уставился на нее своими голубыми глазами и сказал:

– Я бы на твоём месте насыпал вон там горку камней. Тогда у тебя получится настоящий японский садик.

Безил склонился над девочкой. Он хотел показать, как складывают каменные горки в японских садах, но Мэри истошно заверещала:

– Уходи! Не нужны мне мальчишки! Вечно ты всюду суешься со своим гадким курносым носом! Уходи! Уходи! Уходи!

И Мэри с такой яростью принялась топтать ногами, словно хотела получше утрамбовать землю в своем саду понарошку.

Безил очень обиделся, но отвечать на грубость не стал. Богатый опыт общения с собственными сестрами ему подсказывал: если хочешь задеть девочку как следует, лучше всего ее подразнить. Вот почему он громко захохотал и начал петь песенку:

Мэри-все-наоборот,

Ах, как садик твой растет!
Колокольчики, ракушки,
Нюхотки, а в них – лягушки!

Он распевал во все горло, пока не подросли братья и сестры. Они тут же подхватили куплет и спели несколько раз подряд хором. С тех пор никто из них не называл Мэри иначе, как Мэри-все-наоборот. Это приводило девочку в ярость. Но, в отличие от слуг в доме родителей, дети священника ее совсем не боялись. Чем больше она вопила и топала ногами, тем громче они распевали обидную песенку. Наконец однажды днем Безил сказал ей:

– В конце недели тебя от нас увезут домой. Знаешь, как мы все рады!

– Я тоже, – ответила Мэри. – А где будет мой дом?

– Она даже не знает, где дом! – с презрением проговорил Безил. – Твой дом, конечно же, в Англии. Там живет наша бабушка. В прошлом году к ней ездила сестра Мейбл. Но ты-то едешь не к своей бабушке. У тебя вообще ее нету. У тебя там есть только дядя, и звать его мистер Арчибальд Крейвен.

– Ничего о нем никогда не знала, – сердито буркнула девочка.

– Ясно, не знала, – кивнул Безил. – Ты вообще ничего такого не знаешь. И остальные девчонки – тоже. А я вот слышал. Мои папа с мамой разговаривали о твоём дяде. Он живет в огромном заброшенном доме очень старой постройки за городом. Туда даже близко никто не подходит. Такой уж твой дядя злой, что подходить никому не велит. Но даже если бы он разрешил, все равно к нему никто бы не сунулся. Потому что злые и горбатые вроде него вообще никому не нужны.

– Врешь! Врешь! Врешь! Не верю тебе! – крикнула Мэри и заткнула пальцами уши.

Но все-таки слова Безила запали ей в душу. А несколько позже жена священника, миссис Кроуфорд, подтвердила, что через несколько дней Мэри отправится к дяде – мистеру Арчибальду Крейвену, который живет в Мисселтуэйт Мэноре. Услышав это, девочка так побледнела, что сердобольная миссис Кроуфорд спешно ободрила ее поцелуем, а мистер Кроуфорд, стоявший рядом, ласково потрепал по плечу. Мэри в ответ лишь поморщилась. Нежности этих людей были ей совсем не нужны и никак не облегчали ее положения.

В тот день, оставшись наедине с мужем, миссис Кроуфорд с неподдельным сочувствием проговорила:

– Бедняжка Мэри! Надо же, мама была такая красивая, а она просто дурнушка. И характер ужасный. Наши дети прозвали ее Мэри-все-

наоборот. С их стороны это, конечно, не слишком учтиво. Но я не решилась даже сделать им замечание. Попробуй-ка, вытерпи все ее грубости. Конечно, если бы красавица мать уделяла ребенку чуть больше внимания, Мэри хоть чему-нибудь могла научиться. А теперь, – горестно вздохнула жена священника, – никто и не догадается, что Мэри ее дитя. Ее, бедную, совсем забросили. Даже когда началась эпидемия, просто забыли в детской. Полковник Макгрю говорит, что чуть дара речи не лишился от удивления, когда увидел ее посреди комнаты...

В конце недели Мэри отправилась в длительное путешествие через океан вместе с женой одного офицера, которая везла в Англию двух собственных детей, чтобы устроить их там в школу-пансион. На корабле Мэри вела себя не лучше обычного, и несчастная женщина облегченно вздохнула лишь в тот момент, когда корабль причалил в Лондоне.

– Надеюсь, с возрастом она станет получше, дети ведь часто меняются, – добродушно заметила она, сдавая Мэри с рук на руки экономке мистера Крейвена.

– В таком случае ей надо будет сильно меняться, а в Мисселтуэйте это навряд ли выйдет, – мрачно отозвалась толстая экономка с красными щеками и пронизывающим взглядом. – Не очень-то ценное приобретение эта девочка, – продолжала она. – А нам все хозяин твердил, что мать ее просто красавица. Оно, может, и так, только вот по дочке не видно.

Разговор этот происходил в холле маленькой частной гостиницы. Мэри стояла поодаль, рассматривая в окно кэбы, автобусы и прохожих. Женщины думали, что она их не слышит, но ошиблись. Она расслышала все и теперь пыталась понять, что ждет ее в новом доме, каков ее дядя и почему его называют «горбуном»? В Индии она горбунов никогда не видела. Может быть, там их просто не было. И вдруг Мэри первый раз в жизни подумала, что всегда была как бы ничьей, даже когда у нее был дом и папа с мамой еще не умерли. Остальные дети, которых она знала, принадлежали своим папе и маме. А у нее, Мэри, никого не было, кроме слуг. Она ощутила страшное одиночество. «Ну почему я всегда всем не нравлюсь? – с тоской размышляла она. – Даже слуги меня не любили. И этой толстой, противной дядиной экономке я тоже не нравлюсь!»

Увы, рядом не нашлось никого, кто бы ей смог объяснить, что не любят ее, в основном, потому, что сама она всех считает противными и всем на свете дерзит. Вот и миссис Мэдлок, дядину экономку, она возненавидела с первого взгляда. Ей не понравилось в этой женщине все – и грубое лицо, и черные глаза, которые словно пронзали насквозь, и вульгарное лиловое платье, и капор с бархатными цветочками.

Когда на другой день они отправились в Йоркшир, Мэри старалась держаться от экономки как можно дальше. Ей было стыдно даже представить себе, что кто-то из прохожих подумает, будто она знакома с такой некрасивой женщиной. Вот почему в вагон Мэри вошла высоко задрав голову, будто ехала совершенно одна.

Миссис Мэдлок все это прекрасно видела. Но она была не из тех, кого волнуют выходки всяких вздорных девчонок. О, она не собирается потакать Мэри. Так миссис Мэдлок и сказала себе. Приезд этой девочки в Лондон вообще шел вразрез с ее личными планами. Дочь ее сестрицы Марии как раз собралась выходить замуж, и миссис Мэдлок нужно было помогать им со свадьбой. В Лондон ей ехать совсем не хотелось. Но стоило ей возразить хозяину, и она мигом бы потеряла великолепное место. Уж миссис Мэдлок-то знала: если надеешься удержаться в Мисселтуэйт Мэноре, не стоит даже самую малость перечить мистеру Арчибальду Крейвену. И не только перечить: она даже ни о чем спросить его не осмеливалась.

Мистер Крейвен просто вызвал ее и бесстрастным, как всегда, голосом объяснил:

– Капитан Леннокс и его жена умерли в Индии от холеры. Он был братом моей жены. Теперь я опекун их маленькой дочери. Завтра она прибывает в Лондон. Вы поедете ее встретить и привезете сюда.

Вот и все. И теперь миссис Мэдлок тряслась в купе вместе с этим неприятным ребенком. Мэри забилась в угол и застыла как изваяние. Читать ей было нечего, в окно смотреть не хотелось, и она сидела, мрачно уставившись в одну точку. Миссис Мэдлок в жизни не видела ничего подобного. Сидеть с таким безучастным видом и безо всякого дела! Через некоторое время экономка не выдержала и резко сказала:

– Мне, наверное, следует рассказать, куда я тебя везу. Ты хоть что-нибудь о своем дядюшке слышала?

– Нет, – тихо отозвалась Мэри.

– Неужто твои мама с папой совсем не говорили о нем? – удивилась миссис Мэдлок.

– Нет! – довольно злобно буркнула девочка.

Она вспомнила, что папа с мамой ей вообще ничего никогда не рассказывали, за исключением каких-нибудь пустяков. От обиды Мэри еще плотнее сжала и без того тонкие губы и сделала вид, что ее совершенно не интересует, какой там еще ее дядя. Миссис Мэдлок, однако, эта уловка не проняла. Смерив девочку пронзительным взглядом, она хмыкнула и, лишь совсем чуть-чуть помолчав, продолжала:

– Думаю, мне все-таки надо тебе кое-что рассказать. Ты, дорогая моя,

едешь в очень странное место, и мой долг тебя подготовить.

Экономка думала, что такие слова кого угодно расшевелят. Но на лице Мэри по-прежнему не отражалось ровно никаких чувств. Эта девочка была словно специально создана для того, чтобы удивлять миссис Мэдлок. Все же, набрав побольше воздуха в легкие, она продолжала:

– Там огромное поместье, но оно мрачновато. Дядя твой, мистер Крейвен, всей этой мрачностью даже гордится. Странно, но факт. Домина и правда жуть как старинный. От роду ему шестьсот лет, и стоит он на краю вересковой пустоши. В нем, считай, сто комнат, не меньше, но почти все они заперты. А картин всяких, мебели и других разных старинных вещей там целая уйма. Всему этому тоже лет очень много. Вокруг дома – большущий парк, и сады, и деревья такие старые, что у некоторых ветви склоняются к самой земле.

Экономка умолкла и некоторое время сидела с задумчивым видом, словно припоминая, не забыла ли чего рассказать. – Нет, – решительно изрекла она наконец. – Больше, сколько ни ломай голову, ничего интересного там не найдешь.

Но Мэри и того, что она услышала от миссис Мэдлок, было вполне достаточно. Все это настолько не походило на Индию, что девочка поневоле заинтересовалась. Но чем сильнее увлекали ее слова миссис Мэдлок, тем больше напускала она на себя равнодушие. Это была одна из самых неприятных привычек Мэри Леннокс. Впрочем, стойкая экономка и тут не сдалась.

– Ну, и что ты по этому поводу думаешь? – спросила она.

– Ничего, – буркнула Мэри в ответ. – Я об этих местах вообще никогда не слышала.

– Ну, прямо не девочка, а старушка, – усмехнулась экономка. – Неужто тебе и впрямь все равно?

– А какая вам разница, все мне равно или нет? – со столь же скучающим видом проговорила Мэри.

– Вот тут ты, пожалуй, права, – кивнула миссис Мэдлок. – Там, куда я везу тебя, ничего такого в расчет не берется. И зачем только ему держать тебя в Мисселтуэйт Мэноре? Разве что так проще всего поступить. Уж он не больно о тебе станет печься. Это уж будь спокойна. Он никогда ни о ком не заботится. У него... – Она на секунду задумалась, а потом продолжала: – Вообще-то хозяин у нас горбатый. Из-за этого у него вся жизнь наперекосяк. Смолоду он был желчным, и все богатство ему было без пользы, пока он вдруг не женился.

Услыхав о женитьбе, Мэри невольно подалась вперед. Она и не

думала, что у дяди, кроме какого-то там горба, есть еще и жена. Экономка сразу заметила, что ей все-таки удалось вызвать у этой странной девочки любопытство.

– Его жена была такой милой, хорошенькой, – продолжала она. – Пожелай она только, твой дядя бы для нее на край света отправился. Никто и предположить не мог, что она пойдет замуж за горбуна. А она взяла и пошла, и тогда все вокруг стали болтать, что это из-за его денег. Только все было совсем не так. Потому что, когда она умерла...

– Умерла! – вырвалось горестное восклицание у Мэри.

Она вспомнила французскую сказку «Рике с хохолком» о бедном горбуне и прекрасной принцессе, и ей стало вдруг очень жаль мистера Арчибальда Крейвена.

– Умерла! – подтвердила миссис Мэдлок. – После этого дядя твой стал совсем странный. Похоже, его вообще теперь ничего не волнует. И людей он видеть не хочет. По большей части он где-то в отъезде. А как возвращается в Мисселтуэйт, запретя в западном крыле, где у него личные комнаты, и никого, кроме Питчера, не допускает к себе. Питчер – это, чтобы ты знала, старик. Он заботится о хозяине с тех пор, когда тот был еще ребенком, и знает все его прихоти.

Мэри никогда не думала, что такое может случиться с живыми людьми. Старый дом с комнатами, в которых никто не живет. Вересковые пустоши. Несчастный человек с горбатой спиной... Все это напоминало какую-то страшную сказку из толстой книжки. Девочка совсем приуныла. Она еще глубже забилась в угол, и тут по окнам вагона вдруг начал хлестать косой дождь. Это было вполне созвучно настроению Мэри. Она с грустью размышляла о красивой жене мистера Крейвена. Если бы она не умерла, в старинном доме, наверное, было бы весело. Миссис Крейвен одевалась бы в легкие платья из кружев, такие же, как у мамы Мэри, ездила бы на всякие веселые приемы и званые ужины, и дядя Арчибальд никогда не грустил бы. Но, увы, его красавицы жены уже не существовало на этом свете!

– Не надейся сразу увидеться с ним, – вторглась миссис Мэдлок в невеселые размышления Мэри. – Десять против одного, что он уедет куда-нибудь, так и не показавшись тебе. И не жди, что кто-то будет вокруг тебя прыгать и развлекать. Придумывай сама себе игры и сама о себе заботься. В такой уж ты дом попала, моя дорогая. Тут тебя только сразу предупредят, куда соваться не следует. В садах и в парке веди себя как угодно, но в доме... Там заведен строгий порядок, и дядя твой, мистер Крейвен, его нарушать никому не позволит.

– Нужен мне его гадкий дом, чтобы в него соваться, – сварливо ответила Мэри.

Дядя Арчибальд оказался таким же противным, как все остальные, а значит, совсем не заслуживал ее жалости. Мэри отвернулась к окну и следила, как стекло захлестывают все новые потоки дождя. Наконец от однообразия у нее зарябило в глазах. Еще мгновение, и она крепко заснула.

Глава III

ВЕРЕСКОВАЯ ПУСТОШЬ

Мэри спала долго. За это время поезд несколько раз останавливался. Миссис Мэдлок купила на одной из станций курицу и холодной говядины. Когда Мэри проснулась, они поели и выпили горячего чая. Дождь припустил еще сильнее. Плащи у людей на перроне заблестели от потоков воды. После чая миссис Мэдлок пришла в замечательное расположение духа. Когда проводник зажег в купе фонари, ей стало совсем уютно, и она задремала. Мэри с большим интересом следила за капором экономки, потому что он понемногу съезжал у нее с головы. Мэри с вождением ждала мига, когда капор свалится. Но до этого ей не удалось досмотреть. Веки у Мэри сомкнулись, и она вновь заснула.

Она открыла глаза, когда было совсем темно. Поезд снова стоял, а миссис Мэдлок трясла ее за плечо.

– Ну и соня же ты, оказывается, – говорила экономка. – Давай, давай, поторапливайся. Мы приехали в Туэйт. Но мы еще далеко от дома. Теперь придется ехать по пустоши. Ну поднимайся же на ноги!

Мэри встала и, шатаясь, побрела к выходу. Миссис Мэдлок собрала все пожитки и последовала за ней. Мэри и в голову не пришло предложить ей помощь. В Индии слуги всегда таскали вещи хозяев, и девочке это казалось совершенно естественным.

Станция была маленькой. Похоже, никто, кроме Мэри и экономки, тут с поезда не сошел. Едва они показались на перроне, к ним приблизился начальник станции.

– Значт, врнулась, – с сильным йоркширским акцентом проговорил он и ласково улыбнулся. – А это с тбой тот самый рбенок?

– Девчка. Она и есть, – тоже внезапно начав проглатывать звуки на йоркширский манер, ответила экономка. – А твей жны здравье-т как?

– Счас вроде плучше, – успокоил начальник станции. – Крета тбя уже ждет.

Карета стояла на маленькой площади по другую сторону железнодорожной платформы. Мэри сразу заметила, что это дорогой экипаж, и лакей, который подсаживал ее внутрь, тоже одет был с иголочки. Подсадив экономку и Мэри, лакей захлопнул дверцу, уселся рядом с кучером, и карета тронулась. Экипаж оказался очень уютным. «Как хорошо

спать на таком мягком сиденье», – подумала девочка. Но она достаточно выспалась в поезде.

Устроившись поудобнее, она стала глядеть в окно. Ей хотелось хоть в общих чертах запомнить дорогу от станции до того странного места, в которое едет. Мэри не отличалась застенчивостью или робостью. Но от дома, в котором почти все сто комнат заперты, можно было ждать любых неприятностей. Поэтому Мэри решила не только внимательно следить за дорогой, но и осведомилась у экономки:

– Миссис Мэдлок, а что это за пустошь такая?

– Взгляни минуточек через десять в окно, и сама увидишь, – ответила та. – Нам целых пять миль тащиться по Миссельской пустоши, прежде чем доберемся до дома. Конечно, многого тебе в темноте не высмотреть, но, думаю, кое-что углядишь.

Не тратя времени на дальнейшие расспросы, Мэри прижалась носом к стеклу и стала ждать. Каретные фонари пятнами выхватывали из тьмы то дома, то деревья. Станция уже была позади. Теперь они ехали по улицам какого-то селения. Мэри успела разглядеть белые домики, таверну, церковь, пасторский дом и магазинчик. Там в витрине были выставлены конфеты, игрушки и еще какие-то другие вещи, которые Мэри совсем не заинтересовали.

За дереушкой началась большая дорога. По обочинам замелькали кусты и деревья. Это продолжалось довольно долго и порядком наскучило Мэри. Но только она отвела глаза от окна, карету качнуло, и лошади замедлили ход. Казалось, они начали подниматься в гору. Мэри снова прильнула к стеклу. Сперва она видела те же кусты и деревья. Затем они разом исчезли. Сколько Мэри ни вглядывалась, она не видела ничего, кроме темной бездны да двух пятен света, которые отбрасывали каретные фонари.

– Ну, теперь уж мы точно в пустоши, – сказала миссис Мэдлок.

Мэри пригляделась внимательней. Желтый свет выхватывал грунтовую дорогу. Она шла сквозь низкие заросли и кустарник. Ни одного высокого дерева вокруг. И ветер с воем гуляет во тьме.

– А это, случайно, не море? – испытующе поглядела Мэри на экономку.

– Нет, – покачала головой та. – Но это и не горы, и не поля тоже. Это много-много миль диких пустошей. На них растет только вереск, утесник и раkitник. И больше совсем ничего. А живут тут только дикие пони и овцы.

– А звук у этой пустоши совсем как у моря, – задумчиво проговорила девочка. – И ветер на море так же свистит.

– Ветер так всегда сквозь кусты воет, – начала объяснять миссис

Мэдлок. – По мне, так тоскливее этих мест трудно сыскать. Но многие от них прямо в восторге. Особенно как зацветет вереск.

Они все ехали и ехали сквозь темную бездну, и, казалось, этому не будет конца. Дождь прекратился, но ветер по-прежнему выл и свистел, и пустошь отвечала ему какими-то странными звуками. Карета то поднималась вверх, то ныряла вниз. Мэри заметила, что несколько раз они проезжали по мостикам, под которыми бурлили темные потоки воды. Фонари кареты освещали дорогу, а по бокам была тьма, и Мэри казалось, что они пересекают океан по узкой полоске суши.

– Что-то мне тут не нравится, – в страхе шептала она. – Совсем не нравится.

Наконец Мэри почувствовала, что сейчас закричит от ужаса. Но она не привыкла выказывать такие чувства и лишь сжала и без того тонкие губы.

Дорога вновь пошла вверх. Мэри тут же заметила мерцающий огонек впереди. Не укрылся он и от внимания миссис Мэдлок.

– У меня прямо душа запела, – заулыбалась она. – Это ведь лампа из нашей сторожки. Теперь, Мэри, мы с тобой можем надеяться, что выпьем через некоторое время по чашечке чая.

Скоро Мэри действительно убедилась, что надеяться на чай можно только «через некоторое время». Миновав сторожку и ворота, они поехали по аллее. Кроны деревьев тут смыкались сплошным навесом. Казалось, карета попала в какой-то длинный и темный коридор. Когда он наконец кончился, Мэри увидела огромный приземистый дом. Сперва он казался совершенно темным. Лишь выйдя из кареты на мощный камнями двор, Мэри заметила в окне на втором этаже тусклый свет.

Входная дверь являла собой зрелище монументальное и величественное. Она была сделана из массивных дубовых панелей, обита широкими полосами железа, между которыми тускло поблескивали медные шляпки старинных гвоздей. За дверью простирался огромный холл. Он был едва освещен. Портреты на стенах и фигуры рыцарей в латах приняли в полутьме пугающие очертания, и Мэри не захотелось рассматривать их. Стоя на каменном полу посреди этого огромного холла, она чувствовала себя маленькой, одинокой и очень несчастной.

Возле слуги, отворившего дверь, стоял аккуратный старик с седой шевелюрой.

– Вам велено проводить ее в комнаты, – глядя на экономку, глухо проговорил он. – Он завтра утром уедет в Лондон. Видеть ее он не захотел.

– Хорошо, мистер Питчер, – ответила экономка. – Вы только говорите, что требуется, а я уж справлюсь.

– Следите получше, чтобы не тревожить его и чтобы он не видел ничего раздражающего. Тогда вами будут довольны, – строго напутствовал мистер Питчер.

Экономка заверила, что именно так и собирается поступать. После этого Мэри провели вверх по широкой лестнице, вдоль по широкому коридору, потом – опять вверх по лестнице, которая была куда уже первой, и еще через другой коридор, и еще через один... Наконец она оказалась в комнате с ярко пылавшим камином. На столике был накрыт ужин.

– Ну вот, – объявила миссис Мэдлок. – Теперь ты на месте. Эту комнату хозяин отвел тебе и соседнюю – тоже. Вот тут и живи. А по остальным комнатам старайся не слишком слоняться. Очень прошу хорошо запомнить!

Так Мэри и очутилась в Мисселтуэйт Мэноре. Никогда в жизни она еще не чувствовала себя настолько «наоборот».

Глава IV

МАРТА

Утром Мэри разбудили шаги. Открыв глаза, она увидела молодую служанку. Девушка нагнулась над ковриком перед камином и с шумом выгребала золу. Мэри немного понаблюдала за ней, потом обвела глазами комнату. Комната показалась ей необычной и мрачноватой. На стенах висели гобелены со сценами лесной охоты. Там под сенью деревьев стояли мужчины в охотничьих костюмах, лошади, собаки и великолепно одетые дамы. Башни замка виднелись вдали. Мэри так долго разглядывала охотничьи сцены, что под конец ей стало казаться, что она сама стоит в этом лесу вместе с нарядными дамами и мужчинами. Когда гобелены наскучили ей, Мэри поглядела в окно, которое выходило на пустошь. Там и впрямь не было ни одного дерева, а трава и низкий кустарник колыхались под ветром, как море.

– Что это там? – показывая на окно пальцем, спросила она служанку.

– Это-т? – проглатывая звуки на йоркширский манер, отозвалась та.

– Ну да, вон там, за окном, – уточнила Мэри.

– Эт пустошь, – ответила девушка. – Нравится?

– Нет! – уверенно отвечала Мэри. – Она какая-то отвратительная!

– Просто ты еще не привыкла, – сказала девушка с таким сильным акцентом, что Мэри поморщилась. – Ой, ты уж меня извини! – спохватилась служанка. – Сколько раз миссис Мэдлок предупреждала меня следить, как я говорю. Иначе, твердит миссис Мэдлок, тебя никто и понять-то не сможет, Марта.

И, старательно выговаривая слова, Марта повторила:

– Это из-за того, что ты еще не привыкла. Пустошь спервоначалу всем кажется чересчур голой и неудобной. Зато как приглядишься, тебе уж точно понравится.

– А тебе-то самой нравится? – испытующе поглядела на нее Мэри.

– Да, – начищая до блеска решетку камина, отозвалась Марта. – Обожаю эти места. И совсем тут не голо и не отвратительно. А весной, как начинают цвести вереск и утесник с раakitником, пустошь становится прямо невестой на выданье. Такой аромат меда стоит! И воздуху столько! Пчелы жужжат, жаворонки заливаются! Ну музыка, да и только! Да приплати мне хоть тысячу фунтов, ни за что не поеду жить далеко от

пустоши!

С каждым словом эта служанка удивляла Мэри все больше и больше. В Индии слуги вели себя совсем по-другому. Они были послушны и подобострастны. Хозяевам они то и дело отвечивали почтительные поклоны, называли их «милостивыми господами» и «защитниками бедных». Им и в голову не могло прийти обращаться к хозяевам словно к равным. Когда от слуг в Индии что-нибудь требовалось, им просто приказывали. Говорить им «пожалуйста» или «спасибо» тоже не было принято. Сердясь на Айю, Мэри награждала ее пощечинами, и это считалось в порядке вещей.

И вот, внимательно глядя на Марту, Мэри вдруг поняла, что эту девушку она ударить бы никогда не решилась. Пухлое лицо Марты излучало радушие. И глаза у нее были очень добрые. Но чувствовалось, что она совершенно в себе уверена и ничем не снесет молча обиды.

– Какая-то ты не такая служанка, – задумчиво проговорила Мэри.

– Да я и сама знаю! – весело засмеялась Марта. – Будь в Мисселтуэйте хозяйка, как в других таких же домах, меня ничем бы не взяли сюда даже в младшие горничные. Разве что в судомойки, да и то навряд. Уж слишком я простовата. И говорю по-йоркширски, а не как принято у господ. Но тутошний дом, хоть и очень шикарный, но все здесь немного не так. Хозяйки вообще нет, и хозяина словно бы нету. Весь дом на попечении мистера Питчера и миссис Мэдлок. А мистер Крейвен или вовсе здесь не живет, или живет, но ни о чем таком вроде домашних дел и порядка даже слушать не хочет. Миссис Мэдлок по доброте душевной мне и дала тут работу. Но она мне тоже сказала: «Никогда не смогла бы тебя сюда взять, Марта, будь тут все, как в нормальных богатых домах».

– Ты теперь, что же, будешь моей служанкой? – с чисто колониальной надменностью осведомилась девочка.

– Я работаю у миссис Мэдлок, – уверенно проговорила Марта и вновь принялась за каминную решетку. – А миссис Мэдлок работает у мистера Крейвена, – продолжала она. – Значит, я не твоя служанка, а просто горничная в этом доме. Но если тебе будет нужно, кое в чем помогу. Только вряд ли тебе слишком уж моя помощь понадобится.

– Как это не слишком понадобится? – возмутилась Мэри. – А кто меня одевать будет?

Марта выронила тряпку из рук и, не вставая с колен, изумленно воззрилась на девочку.

– Ты что, сама одеться не можешь?

– Конечно нет! – сердито ответила Мэри. – Еще чего, одеваться самой!

У меня для этого Айя была!

– Значит, придется теперь научиться, – нисколько не оробела горничная. – По-моему, как раз пора. И возраст у тебя подходящий, чтобы привыкнуть о себе позаботиться. Моя матушка всегда говорит: «Прямо удивляюсь, Марта, как это в богатых семействах дети не все в дураков вырастают! Потому как их и одевают, и моют, и выгуливают чуть не на привязи, будто щенков». Так вот говорит моя матушка, и сдается мне, что она права.

Слова горничной показались девочке верхом дерзости, и она возмущенно воскликнула:

– У нас в Индии говорят по-другому!

– Да уж по тебе вижу, что по-другому, – не оробела и на этот раз Марта. – Верно, слишком в твоей Индии много черных, а настоящих белых – совсем чуть-чуть. Я как прослышала, что к нам из Индии девочка едет, вообразила, будто ты тоже черная.

Мэри от возмущения резко поднялась с подушек.

– Да как ты посмела! – захлебнулась она от ярости. – Как ты только подумать могла, что я местная! Ты – дочь свиньи!

– Ты на кого намекаешь? – грозно осведомилась Марта. – Не советую тебе так заноситься. И распускать язык на всякие выражения маленькой леди вроде тебя не надо. А против черных я плохого ничего не имею. В разных там книгах про них написано, что они страсть какие религиозные. И еще там пишут, что черный – такой же обыкновенный человек и даже каждому из нас брат. А я ни одного чернокожего ни разу не видела. Вот и обрадовалась. Думаю: «Эта девочка из Индии станет моим первым чернокожим человеком на свете!» Вот я сегодня утром, когда пришла разжигать камин, и прокралась тихонько к твоей постели, отогнула одеяло и стала глядеть. Но там, вместо чернокожей девочки, лежала всего-навсего ты, – разочарованно махнула рукой служанка. – И ничего интересного я не увидела. Ну какой толк, что ты из Индии, если лицо у тебя и все другое, как у всех остальных, только гораздо желтее!

– Как ты посмела подумать, что я похожа на местных! – еще сильнее разозлилась девочка. – Местные – это вообще не люди! Они просто слуги для того, чтобы все делать и кланяться. Ты ничего не знаешь про Индию! И вообще ни про что не знаешь!

Марта слушала, не отводя от Мэри изумленного взгляда, и это вконец выбило девочку из колеи. Как же все было тут не похоже на привычный ей мир! Мэри вдруг стало себя очень жалко, и, бросившись ничком на кровать, она заревела.

Марта склонилась над кроватью и ласково провела ладонью по волосам девочки.

– Не надо, не надо плакать, – умиротворяюще проговорила она. – Я ведь и впрямь не слишком-то знаю про твою эту Индию. Ты уж меня извини, мисс Мэри.

Кроткая эта речь с йоркширскими интонациями самым благотворным образом подействовала на Мэри. Она всхлипывала все реже и реже и наконец затихла.

– Ну а теперь поднимайся, – сказала Марта, когда девочка совсем успокоилась. – Миссис Мэдлок велела подавать тебе завтрак и все остальное в соседнюю комнату. Там у тебя теперь вроде детской, ну и столовая тоже. Давай, давай, вылезай из кровати. Так и быть, помогу уж тебе одеться. Особенно если пуговица на спине и какие другие трудности.

Когда Мэри наконец встала, Марта открыла платяной шкаф. Но она вынула из него совершенно не ту одежду, в которой девочка прибыла из Индии.

– Не мое, – сумрачно заключила Мэри. – У меня было все черное.

Но, оглядев белое пальто из толстой шерсти и светлое платье, она добавила:

– Эта одежда лучше моей.

– Именно в ней ты и будешь ходить, – внесла полную ясность Марта. – Мистер Крейвен велел миссис Мэдлок прикупить тебе в Лондоне новой одежды. «Не могу, – говорит, – допустить, чтобы этот ребенок бродил в черном, будто потерявшаяся душа. Тут и без того слишком мрачно. Так что, уж будьте любезны, миссис Мэдлок, купить для ребенка что-нибудь посветлее». А матушка моя, как я ей про это хозяйское приказание изложила, сразу и говорит: «Знаю, о чем мистер Крейвен подумывал. Сама страсть не жалую черного». А матушка моя в таких делах очень уж понимает.

– И я ненавижу черные вещи! – тряхнула головой Мэри Леннокс.

Дальнейшее было в одинаковой степени поучительно и для горничной, и для Мэри. Марта часто застегивала одежду на младших братьях и сестрах. Но никто из них не вел себя при этом столь безучастно, как Мэри. Она застыла на месте, словно руки и ноги у нее вовсе не двигались.

Едва Марта справилась с платьем, Мэри как ни в чем не бывало протянула ей ногу.

– Ты что, и обуваться сама не умеешь? – изумилась девушка.

– Меня всегда обувала Айя. Это такой обычай, – объяснила Мэри.

Ссылаться на «обычай» Мэри Леннокс научилась у слуг-индусов. Если

им приказывали сделать то, чего их предки не делали, они возражали: «Такого обычая нет!» Услыхав это, хозяин, если он был хоть немного знаком с местными нравами, тут же смирялся, ибо настаивать все равно не имело смысла. Одевать дочку сахибов с головы до ног – «обычай был», и Мэри теперь просто не понимала, чему так удивляется Марта. Впрочем, будь эта девушка по-настоящему опытной горничной из хорошего дома, она бы отнеслась ко всему спокойнее. Ведь и в Англии слуги расчесывали детям хозяев волосы, расстегивали и застегивали ботинки на пуговицах или подбирали за ними разбросанные по полу вещи.

Но Марта не знала всех этих тонкостей. Она выросла в йоркширской деревне с целым выводком сестер и братьев, которые сызмалства не только все делали сами, но и приглядывали за младшими. Никому из них даже в голову не могло прийти, что кто-то им должен прислуживать. Вот почему еще прежде, чем Марта повела Мэри завтракать, та отчетливо поняла, что в Мисселтуэйт Мэноре придется привыкать к совершенно иным «обычаям».

– Побывать бы тебе у меня в дому, – втолковывала ей Марта. – Нас там двенадцать, а папаша приносит в неделю только шестнадцать шиллингов. Вот моя матушка и крутится каждый день, чтобы каши хватило на всех. Хорошо еще, братья с сестрами все дни напролет бродят по пустоши. Матушка говорит, их там воздух питает, и они делаются здоровыми, вроде как пони от доброй травы. А Дикену нашему, ему уж двенадцать сравнялось, и у него в пустоши даже свой личный пони имеется.

– Где же он его взял? – заинтересовалась девочка.

– В пустоши. Этот пони был тогда совсем маленьким жеребенком и расхаживал со своей мамашей. А Дикен стал прикармливать малыша то корочкой хлеба, а то травой, какая послаще. Ну, пони и привязался к нему. Теперь даже разрешает, чтобы Дикен ездил на нем верхом. Дикен у нас добрый. Его вообще все животные любят.

Мэри Леннокс уж давно мечтала завести какое-нибудь свое животное. Но у нее пока ничего не получалось, поэтому Дикен вызывал у нее все большее любопытство. Куда меньше заинтересовала ее вторая комната. Марта почему-то назвала эту комнату «детской», но Мэри она показалась попросту скучной. По стенам висели потемневшие от времени картины в золотых рамах, мебель из дуба была тяжелой и глаз не радовала. Правда, на столе дымился обильный завтрак, но у Мэри всегда был плохой аппетит. Взглянув с отвращением на тарелку с кашей, она сказала:

– Не буду!

– Кашу не будешь? – ушам своим не поверила Марта.

- Нет! – подтвердила девочка.
- Да ты только попробуй, какая вкусная. Если не любишь так, полей ее патокой или посыпь сахарком.
- Не буду я никакой каши! – брезгливо поморщилась девочка.
- Ох! – схватилась за голову Марта. – Просто смотреть не могу, как добрая еда пропадает. Да окажись мои братишки и сестры за этим столом, тут в пять минут ничего не осталось бы.
- Это еще почему? – высокомерно спросила Мэри.
- Да потому что им почти никогда не доводится досыта набить животы, – объяснила служанка. – Они всегда у нас голодны, почище, чем юные ястребы или лисята.
- Голодны? – переспросила девочка с таким видом, словно речь шла о чем-то совершенно немыслимом. – Со мной никогда не бывало такого.
- Тогда тебе полезно попробовать, – с возмущением откликнулась Марта. – Когда я гляжу на всяких там за столом, которые только таращатся на хорошее мясо и без аппетита жуют, у меня прямо готово терпение лопнуть. Если бы сейчас все отсюда перелетело бы в животы Дикена, Фила, Джейн и остальных моих братцев с сестричками, вот они были бы рады!
- Возьми и отнеси им, я все равно есть не буду, – предложила Мэри.
- Ну уж нет! – твердо проговорила служанка. – Чужого мы никогда не берем. И свободного дня сегодня у меня нету. У меня вообще выходной только раз в месяц. Вот тогда я иду домой и сама делаю все по хозяйству, чтобы матушка могла передохнуть хоть денек за сто лет.
- Мэри выпила чаю и, лениво куснув несколько раз поджаренный хлебец, сказала, что завтракать больше не будет.
- Тогда одевайся теплее и беги поиграть на улицу, – ответила Марта. – Глядишь, надышишься воздухом и аппетит нагуляешь к обеду.
- Мэри подошла к окну. В саду было много больших деревьев, тропинок и клумб, но так как стояла зима, все выглядело довольно уныло.
- Очень нужно в такой плохой день выходить на улицу, – заупрямилась девочка.
- Но тогда ты весь день просидишь дома, – принялась уговаривать Марта. – Не думаю, что тут тебе очень весело будет.
- Мэри огляделась по сторонам. В этих двух скучных комнатах делать и впрямь было нечего.
- Ладно уж, пойду посмотрю ваш сад, – кивнула она. – Кто пойдет со мной на прогулку?
- Чего? – недоуменно уставилась на нее Марта.
- Ну, гулять со мной у вас кто обязан? – повторила вопрос Мэри.

– Никто! – внесла ясность служанка. – У нас тут гуляют сами, как все нормальные люди. Оно конечно, при братьях с сестрами ты бы могла выходить вместе с ними. Но у тебя-то их нет. А наш Дикен, к примеру, и без того любит бродить совсем одинока по пустоши. Потому, верно, и с пони сумел подружиться, что никто ему не мешал. А там еще есть и овцы, и птицы, которые его признают и едят у него прямо из рук, а Дикен мне все твердит, как это, мол, здорово. Он, добрая душа, хоть в доме еды и не густо, всегда припасет хоть немного хлеба или сухариков для всех своих любимцев из пустоши.

Услыхав снова о Дикене, Мэри заторопилась на улицу. Конечно, она понимала, что, скорее всего, не повстречает в садах ни одного дикого пони и ни единой овцы. Но, наверное, там будут птицы, а птицы тут другие, чем в Индии, и разглядеть их поближе довольно забавно.

Марта помогла ей надеть высокие ботинки из толстой кожи, пальто, шляпку и проводила до выхода в сад.

– Если пойдешь в ту калитку, – ткнула девушка пальцем в сторону живой изгороди, – как раз очутишься в садах. Когда лето, там цветов растет просто уйма, но сейчас навряд что найдешь из цветущего, потому как зимой у нас с этим плохо. Но все равно погляди.

Марта умолкла и с минуту в нерешительности переминалась с ноги на ногу.

– Ну уж, пожалуй, я все-таки тебе скажу! – наконец выпалила она. – Один из этих садов заперт. Целых десять лет туда ни ноги не ступало.

– Почему, Марта? – не смогла сохранить обычного равнодушия Мэри. К ста закрытым дверям прибавлялся еще запертый сад, и это, естественно, разбудило ее любопытство.

– Все из-за миссис Крейвен, – вздохнула Марта. – Это ведь был ее сад. А как она умерла, бедняжка, мистер Крейвен повелел запереть туда дверь, а ключ велел закопать в землю. Ой! – услышав резкий звон колокольчика, спохватилась она. – Миссис Мэдлок меня зовет. Ну, я побежала.

Девушка скрылась в доме, а Мэри побрела по тропинке к калитке, проделанной в живой изгороди. Сейчас она могла думать только о таинственном саде, в котором уже десять лет никто не бывал. Несмотря на зимнюю пору, оголившиеся деревья и пожухлую траву под ногами, запертый сад представлялся Мэри полным цветов. И фруктовые деревья там, наверное, все в цвету. А среди зеленой листвы сидят и поют чудесные птицы. Просто обязательно нужно найти калитку, от которой зарыли ключ! Как только Мэри это удастся, она уж отыщет способ проникнуть внутрь.

Миновав калитку, девочка оказалась в огромном саду с широкими

лужайками и петляющими тропинками, по обеим сторонам от которых тянулся кустарник. Вокруг было множество цветочных клумб и каких-то причудливых выстриженных растений. А в самом центре сада плескался пруд со старинным фонтаном из серого камня, но и тут все было позимнему уныло и пусто. Листва с кустов и деревьев давно облетела, фонтан не работал, а на клумбах не осталось даже самого захудалого цветка. Но ведь и сад этот не был заперт. Откуда же тут чудеса? Задерживаться тут дольше не имело смысла, и Мэри проследовала дальше.

Тропинка вывела ее к стене, густо увитой плющом, в центре которой виднелась дверь зеленого цвета. Мэри еще не знала, что в Англии за такими дверями обычно располагаются сад и огород для кухни. Девочка легонько толкнула дверь. Она сразу открылась, и Мэри разочарованно вздохнула. Она снова пришла не туда.

Но ей все-таки стало любопытно, что находится за зеленой дверью, и она вошла. Сад и огород для кухни был огорожен со всех сторон высокой стеной из камня. В стене напротив той, сквозь которую только что прошла Мэри, виднелась еще одна дверь. За ней оказался еще один сад, а потом – еще один. Все они были обнесены каменными оградами, и Мэри казалось, будто она ходит по каким-то странным комнатам без потолков. Фруктовые деревья тут были посажены вплотную к стенам, чтобы удобнее собирать плоды. На грядках росли зимние овощи. А над некоторыми посадками высились застекленные парники. Пройдя последний сад-комнату, Мэри уперлась в глухую стену.

– Скучно и совсем некрасиво, – тихо проворчала она и пошла обратно.

Когда она попала во второй сад, из двери напротив показался пожилой человек с лопатой через плечо. Увидав Мэри, он сперва опешил от удивления, затем не слишком радушно приветствовал ее взмахом руки. Мэри внимательно на него поглядела. Лицо пожилого человека было угрюмо и желчно. Впрочем, и Мэри по обыкновению не выказала сколько-нибудь видимого удовольствия от этой встречи.

– Куда это я попала? – мрачно осведомилась она.

– Огородов не видела, что ли? – точно таким же тоном отозвался старик.

– А там дальше что? – показала Мэри пальцем на дверь в противоположной стене.

– И там огород. И за ним, – отрывисто проговорил садовник. – А после фруктовый сад.

– А мне туда можно? – спросила девочка.

– Иди, если хочешь, – ответил мужчина и отвернулся.

Мэри пошла по дорожке и открыла еще одну зеленую дверь. За ней оказались такие же теплицы и грядки, как там, где она побывала до встречи с садовником. В стене этого огорода тоже была зеленая дверь. Мэри толкнула ее. Дверь не подалась. «Заперта!» – пронеслось в голове у девочки. Чтобы окончательно убедиться в этом, она сильнее нажала на ручку. Дверь со скрипом открылась. Опять неудача! Перед Мэри был еще один сад с огородом. И снова четыре каменные стены. Только ни в одной из них дверей больше не было. Но тут Мэри вспомнила, что у входа стена не кончалась. Значит, за садом, в котором она сейчас стоит, есть что-то еще.

Мэри подняла голову. С той стороны над стеной виднелись кроны деревьев. На одной из них восседала птичка с ярко-красной грудкой. Мэри никогда таких птиц не видела, и она ей очень понравилась. Птичка, в свою очередь, очень внимательно поглядела на Мэри и вдруг начала весело петь, словно звала девочку за собой. Мэри вдруг улыбнулась. Ведь ей так же, как и другим, были нужны любовь и друзья. А она, с тех пор как попала сюда, чувствовала себя особенно одинокой. Тут все пока было странно и непонятно. И дом, и пустошь, и неуютный по-зимнему сад. Она стояла и слушала птичку, пока та не улетела. И тут Мэри Леннокс, которая никогда никого не любила, неожиданно для самой себя подумала, как было бы хорошо увидеться с этой птичкой еще. Потом ее мысли вновь обратились к покинутому саду. На что же он все-таки похож? И как в него можно пробраться? Мэри просто не понимала этого мистера Арчибальда Крейвена. Ну зачем ему понадобилось закапывать ключ? Если он так обожал жену, то почему теперь ее сад ненавидит?

«Ничего, я сама у него спрошу, как только увижу», – решила Мэри. Но она тут же вспомнила, что ни разу в жизни еще никому не нравилась. И ей тоже никто не нравился. И с дядей они, скорее всего, сразу же не полюбят друг друга. И разговаривать он с ней не станет. И она с ним – тоже. И, конечно же, она не спросит у него о Таинственном саде, а он ничего не ответит.

Мэри вновь взглянула на дерево, где недавно сидела птичка. «Так она же, наверное, в Таинственном саду и живет! – вдруг осенило ее. – Сад огорожен стеной, а войти ниоткуда нельзя». Мэри задумчиво зашагала обратно. Ей очень был нужен старый садовник. Дойдя до первого огорода, она снова его увидела. Садовник усиленно вскапывал землю. Мэри приблизилась и молча наблюдала за ним. Он сразу заметил девочку, но не выказал никакой радости. Лицо его и за работой сохраняло угрюмость.

– А я прошла все другие сады, – первой нарушила молчание Мэри.

– Ну и чего? – равнодушно отозвался садовник.

– И фруктовый сад видела, – продолжала девочка.

– Там вроде как тоже у дверей нет собаки, – хмуро проговорил тот. – Так что укусить тебя было некому.

– Только оттуда нельзя пройти в другой сад, – покачала головой девочка.

Садовник вдруг перестал копать и, выпрямившись, мрачно воззрился на Мэри.

– В какой такой другой сад? – рявкнул он.

– Ну там же с другой стороны тоже сад, – не испугалась его собеседница. – А двери никакой нет. Я видела над оградой деревья. И еще там пела птичка с красненькой грудкой.

Как только она это сказала, старик расплылся в улыбке. Словно какой-то волшебник, проходя мимо, сдул с него мрачность. И Мэри первый раз в жизни подумала, что люди выглядят намного приятнее, когда улыбаются.

Старик повернулся в сторону фруктового сада и засвистел почти так же красиво, как красногрудая птичка. Мэри с удивлением на него поглядела. Она и не думала, что в этом грубом садовнике живут такие красивые звуки! Мгновение спустя она удивилась еще сильнее. Над головой ее мелькнула какая-то тень, и красногрудая птичка опустилась у самых ног старика садовника.

– Видала? – весело подмигнул Мэри садовник. – Явился. Где же тебя носило, бродяга? – нагнулся он к птичке. – В этом году я тебя еще не встречал. Никак, уже обхаживаешь подружку? Ты, я гляжу, у меня молодой да ранний.

Пернатый его собеседник склонил набок крохотную головку и так выразительно поглядывал то на него, то на Мэри, что казалось, понимает каждое слово. Во всяком случае, в обществе садовника он чувствовал себя вполне хорошо и, похоже, ничуть не боялся.

Как только садовник умолк, птичка запрыгала по взрыхленной земле и принялась с немислимой скоростью выклевывать зерна и насекомых. Мэри следила за ней, и ее все сильнее охватывало совершенно новое чувство. Она еще не знала, что проникается нежностью к этой веселой птичке с крохотным пухлым телом, изящным клювом и такими хрупкими лапками, что было попросту непонятно, как на них можно так ловко прыгать.

– Она что, всегда прилетает, когда вы свистите? – спросила садовника Мэри.

– Всегда! – с гордостью потрянул головой тот. – Мы с ним знакомы с тех пор, как он только начал летать. Он тогда вылетел из родного гнезда в другом саду, перепорхнул через нашу стену, а улететь обратно сил не

хватило. Вот он и прожил несколько дней у нас. Тогда-то мы и подружились. А как он обратно перелетел, там уже его выводка не было. Видать, ему одиноко там стало в пустом гнезде, он ко мне и вернулся.

– А почему вы птичку все время «он» называете? – не поняла Мэри.

– Да потому что это самец. А порода его – малиновка. И зовут Робин. Малиновки – самые дружелюбные из всех птиц. Видишь, он у меня какой любопытный? – повернулся садовник к птичке, которая снова внимательно на него поглядела – Клюет, клюет, а сам все время ко мне прислушивается. Знает, что о нем говорят. А вообще малиновки привязываются к человеку не хуже собак. Если, конечно, обращаться с ними умеешь.

И старик с такой гордостью и любовью взглянул на Робина, точно это, по крайней мере, был его сын.

– Он у меня такой, – посмеиваясь, продолжал садовник. – Любит послушать, что люди о нем говорят. И всюду суется. В жизни не видел еще такой любопытной птицы. Начнешь какие посадки делать, он мигом летит поглядеть. Все вокруг обойдет, поклюет. Могу поручиться, он знает о нашем хозяйстве побольше, чем мистер Крейвен. Потому что мистеру Крейвену ни до чего тут нет дела. А Робин у нас вроде как главный садовник.

«Главный садовник» тут же запрыгал от радости. Время от времени он скашивал на Мэри черный блестящий глаз, и девочке казалось, что он хочет как можно больше узнать о ней.

– А его братья и сестры куда улетели? – заинтересовалась она.

– Кто же их знает? – пожал плечами садовник. – У птиц не заведено жить с родителями. Вырос – и вон из гнезда. Вот и разлетаются они кто куда. А этот оказался умнее других. Сразу смекнул, что с другом жить веселей.

Мэри подошла совсем близко к Робину и посмотрела ему прямо в глаза.

– Знаешь, я ведь тоже совсем одинокая, – поделилась она.

Старый садовник сдвинул кепку на самый затылок, и Мэри увидела, что он совсем лысый.

– Никак, ты та самая девочка, которую хозяину прислали из Индии?

Мэри кивнула.

– Тогда тебе точно уж одиноко, – согласился старик. – Боюсь, тут тебе будет нелегко с этим справиться.

Он взял лопату и снова принялся вскапывать темную жирную землю. Птичка прыгала следом и увлеченно клевала.

– А как вас зовут? – спросила Мэри.

– Бен Уэзерстафф, – перестав копать, ответил садовник. – Я тоже, признаться тебе, одинокий, – невесело усмехнулся он. – Разве что вот этот дружок прилетит. – И старый Бен ласково посмотрел на Робина.

– А у меня совсем нет друзей, – очень тихо сказала девочка. – И никогда не было. Даже Айя меня не любила, и никто со мной не играл.

Жители Йоркшира славятся прямоотой. Они как на духу выкладывают собеседнику все, что о нем думают. Старый Бен Уэзерстафф был настоящим йоркширцем из пустоши. И поэтому он тут же заявил:

– Ну и похожи же мы с тобой! Будто из одного куска ткани скроены. И собой оба не шибко пригожи, верно? Как говорится, и с виду кисло, и в нутрях не сладко. Да и нрав у тебя моего не лучше.

Небольшая, но выразительная эта речь прозвучала для Мэри подлинным откровением. Никто ей не говорил ничего подобного. Родителям было некогда, а слуги ее боялись. Они только кланялись и потакали всем ее прихотям. О внешности своей Мэри и вовсе никогда не задумывалась. Неужели она и впрямь выглядит так же ужасно, как старый Бен? А если и нрав у нее не лучше... Стоило Мэри только подумать об этом, и ей сделалось совсем неуютно.

И тут за ее спиной послышалась песня малиновки. Девочка обернулась. Птица сидела на ветке яблони и выводила чудесные трели.

– Ну, видала, какой молодец! – восторженно засмеялся Бен.

– Как вы думаете, для кого он поет? – с робкой надеждой спросила девочка.

– Для тебя, разумеется, – без тени сомнения ответил садовник. – Ясное дело, он хочет с тобой завести знакомство. Видать, понравилась ты ему.

– Ты будешь со мной дружить? – вплотную подойдя к яблоне, спросила Мэри, и голос у нее дрогнул. – Правда, будешь?

Ни один из прежних знакомых Мэри сейчас попросту не признал бы ее. Куда только девались ее угрюмость и грубость? Она говорила с малиновкой таким нежным голосом, какого, кажется, и предположить нельзя было у этой сухой нелюдимой девочки. Даже садовник, и тот удивился.

– Вот ты, оказывается, какой можешь быть! – почесал он затылок. – Ты сейчас говорила с Робинем словно наш Дикен, когда он со своими зверями из пустоши заводит беседу. А я-то уж думал, в тебе ничего детского нет.

– Дикен? – переспросила с трепетом девочка. – Вы его знаете?

– Кто ж его тут не знает! – ответил садовник. – Куда ни отправишься, везде его можно встретить. Каждая ягода и каждый цветок у него в друзьях. По-моему, даже жаворонки от него гнезд не прячут, а лисы зовут поглядеть

на своих детенышей.

Мэри хотела поподробнее расспросить старого Бена о Дикене, но в это время Робин перестал петь и вспорхнул с ветки. Мэри внимательно следила за ним.

– Глядите, глядите, мистер Уэзерстафф! – крикнула она, заметив, что птица перелетела через каменную ограду. – Он снова вернулся туда, куда нет прохода.

– Да он там и в прошлом году жил, – спокойно отозвался садовник. – Сперва он в этом саду на свет появился, а теперь, видать, выбрал подружку среди малиновок. Их там меж кустов роз просто тьма.

– Кустов роз? – заинтересовалась Мэри. – Там что, розы есть?

– Десять лет назад были, – буркнул Бен Уэзерстафф и снова принялся за работу.

– Мне так хотелось бы их увидеть! – мечтательно проговорила Мэри. – Должна же туда вести какая-то дверь.

Старый Бен вонзил лопату в землю по самый черенок.

– Десять лет назад дверь была, а теперь нету, – нехотя ответил он, и лицо его вновь стало хмурым.

– Нету? – не поверила Мэри. – Разве так может быть?

– Может! – сквозь зубы прорычал старый Бен. – И вообще, этот сад – не твоего ума дело. Советую тебе хорошенько запомнить. А теперь иди. Некогда мне больше с тобой водить время.

Он с трудом вытащил из земли лопату, положил ее на плечо и, не произнеся больше ни слова, побрел в сторону.

Глава V

ПЛАЧ В КОРИДОРЕ

Каждый новый день в Мисселтуэйт Мэноре казался Мэри в точности похожим на предыдущие. Едва открыв глаза, она видела Марту. Горничная стояла на коленях перед камином и разводила огонь. Затем Мэри завтракала в детской, где по-прежнему не было ничего интересного. После завтрака она разглядывала в окно пустошь. В какую сторону ни посмотри, пустошь тянулась до самого горизонта. Больше десяти минут Мэри у окна не выдерживала ни разу. Потеплее одевшись, она бежала в сад. Там дул пронзительный ветер с пустоши, и, чтобы согреться, Мэри почти все время носилась по дорожкам. Она и сама не знала, сколь благотно на нее влияют эти прогулки. Свежий воздух и бег разгоняли ей кровь, и день ото дня желтизна на ее лице все больше сменялась румянцем, и даже в глазах появился блеск.

Прошло еще какое-то время, и однажды утром Мэри проснулась от голода. Когда Марта позвала ее завтракать, тарелка с кашей не вызвала у нее привычного отвращения. Схватив ложку, она принялась есть и не останавливалась, пока не опустошила тарелку.

– Сегодня ты завтракаешь прямо как человек, – удовлетворенно покачала головой Марта.

– Наверное, просто каша какая-то вкусная, – отозвалась смущенно девочка, которая сама не понимала, что с ней творится.

– Каша, какая обычно, – возразила горничная. – Это все воздух пустоши. Он всегда так воздействует. У моих братишек и сестреночек тоже от пустоши аппетит, да только заполнить желудки им нечем. А у тебя и аппетит, и еда. Вот и радуйся. Продолжай играть целый день в саду. И мяса нагуляешь, и у лица цвет появится лучше некуда.

– А я там не играю, – серьезно проговорила Мэри. – Там играть не во что.

– Не во что? – возмущенно переспросила Марта. – Так не бывает. Видно, ты просто играть не умеешь. Поглядела бы ты на наших ребят. Они играют и камнями, и палками. Позорче смотри вокруг и всегда отыщешь что-нибудь интересное.

Мэри к совету Марты прислушалась. Правда, она смотрела по сторонам больше не для игры. Ей не давал покоя Таинственный сад.

Несколько раз Мэри выслеживала Бена Уэзерстаффа. Она подходила к нему и пыталась завести разговор, но старик неизменно давал ей понять, что он чересчур занят и не может тратить попусту время. Однажды Мэри дождалась, пока старый Бен сел отдохнуть. Но, едва завидев ее, он вскочил с земли, взял лопату и быстро ушел.

После этого случая Мэри оставила старого Бена в покое. Если он ей не хочет помочь, она и без него справится! Она все чаще и чаще обходила стены садов. Вдоль них шла дорожка с цветочными клумбами по краям, а стены были густо увиты плющом. Приглядевшись внимательней, Мэри заметила, что на коротком отрезке стены плющ гораздо гуще и зеленей, чем в других местах. Похоже, его тут давно не подранивали. Но почему? Мэри в задумчивости разглядывала длинную ветку плюща, которая раскачивалась на ветру. Вдруг сверху послышались звонкие трели. Мэри подняла голову. На стене красовался маленький друг Бена Уэзерстаффа. Робин пел и, наклонив набок головку, весело поглядывал одним глазом на девочку.

– Ах, это ты! – обрадовалась она.

Ей, которая так не любила выражать своих чувств, почему-то сейчас не казалось смешным или странным говорить с этой птицей. И, словно поняв ее, Робин ответил на своем языке. Он принялся прыгать по стене и отчаянно щебетать, будто делился чем-то очень для себя важным. И Мэри прекрасно его понимала. Он желал ей доброго утра, говорил, что ветер сегодня совсем не сильный и солнце ласково светит. В такую прекрасную погоду самое время от души порезвиться. И друг Бена Уэзерстаффа еще веселее запрыгал по стене. Он словно приглашал Мэри последовать его примеру. Так она, впрочем, и поступила. Они немного попрыгали – Робин по стене, а Мэри внизу. Потом Робин полетел вдоль каменной ограды, а девочка побежала за ним по земле. Мэри все бежала и бежала вперед. Лицо ее покраснелось, глаза заблестели. Сейчас она казалась почти привлекательной.

– Какой ты хороший! Хороший! Хороший! – кричала она в упоении Робину. – Ну ничего! Сейчас я тебя догоню!

Мэри даже пробовала свистеть и чирикать, но из этого у нее совсем ничего не вышло. Впрочем, новый ее приятель и без того был счастлив. Заставив Мэри еще немного побегать, он вспорхнул на верхушку дерева, устроился поудобнее и громко запел. Тут Мэри вдруг вспомнила, что в их первую встречу он сидел на том же дереве. Только Мэри тогда стояла с другой стороны, и ограда там была выше. Теперь же она заметила, что позади дерева растет что-то еще, а дальше – еще, и у нее больше не

оставалось сомнений.

– Вот я и нашла сад, в который никто не может войти, – тихо, но уверенно проговорила она.

Мэри пошла вперед. Она не сводила глаз со стены, но ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего дверь, не обнаружила. Тогда она тщательно исследовала стену за огородом. Входа не оказалось и там.

– Очень странно, – покачала головой девочка. – Вообще-то Бен Уэзерстафф тоже сказал, что в сад никакой двери нет. Но если ее нет, тогда от чего же мой дядя закапывал ключ? И как сюда раньше входила его жена?

Тут крылась какая-то настоящая тайна, и Мэри становилось все интересней и интересней. Она уже совсем не жалела, что ее привезли в Мисселтуэйт Мэнор. Об Индии она думала все реже и реже, и, в основном, с неприязнью. Там ее так изматывала жара, что заниматься ничем не хотелось. А теперь ветер с пустоши освежил ей голову, и фантазия заработала.

Этот день она почти весь провела на улице. А к ужину так проголодалась, что уплетала за обе щеки. Марта сидела вместе с ней за столом и болтала без умолку. А Мэри уже привязалась к горничной и чувствовала себя очень уютно от ее болтовни.

Когда с ужином было покончено, Мэри уселась на коврик перед камином и попросила Марту посидеть с ней еще. Марта не возражала. Мэри жила в Индии, где полно чернокожих, и это наделило ее в глазах горничной чуть ли не сверхъестественными качествами. Вот почему, едва получив приглашение, она поудобнее устроилась на коврике рядом с девочкой. И тогда Мэри спросила:

– А почему мистер Крейвен стал так ненавидеть сад?

– Значит, ты все-таки стала думать об этом саде! – отозвалась Марта. – Ну, прямо себя узнаю. Я как впервые историю ту услышала, она у меня целый месяц из головы все не лезла.

– Ну, скажи, Марта, почему он стал этот сад ненавидеть? – не дала ей уйти от ответа Мэри.

Марта подогнула под себя ноги.

– Вон ветер как куролесит вокруг всего дома, – начала она о другом. – Попробовала бы ты сейчас выйти в пустошь, нипочем на ногах бы не устояла.

Мэри сперва не поняла, что делает ветер. Слова «куролесит» она не знала. Однако, прислушавшись, разобралась: Марта, наверное, имела в виду глухой рев, который то отдалялся, то нарастал. Будто великан бился в окна и стены дома и никак не мог попасть внутрь. Тут Мэри вспомнила,

какие толстые стены у этого дома и как высоко от земли находятся окна, и ей стало очень уютно. Ведь рядом сидела Марта, а в камине жарко светились угли.

– Но почему мистер Крейвен стал этот сад ненавидеть? – в третий раз повторила девочка. Она чувствовала, что Марта знает ответ, и не собиралась сдаваться.

Горничная глубоко вздохнула.

– Только учти, – заговорщицки прижала она палец к губам. – Миссис Мэдлок сразу предупредила меня. Этот запертый сад, говорит, не тема для разговоров, Марта. В этом доме вообще о многом говорить запрещается. Так уж мистер Крейвен тут распорядился. Он сказал, что его дела ни одного слуги в доме вообще не касаются. Но я тебе все-таки расскажу, – совсем понизила голос Марта. – Ты как-никак его родственница, а потому должна знать. Без этого сада мистер Крейвен нипочем бы не стал таким, как сейчас. А обустроила сад миссис Крейвен. Она, как сыграли свадьбу, тут же принялась все в нем сажать и безумно свой сад обожала. Они вместе с мистером Крейвеном за всем там сами ухаживали. И другие садовники, кроме старого Бена, туда не пускались ни под каким видом. А влюбленная эта парочка там целые часы проводила. Уединятся и читают книгу или просто беседуют. Миссис Крейвен совсем ведь еще молодая была. Там в саду росло одно дерево. У него ветка вверху выгибалась, ну прямо кресло, и только. Миссис Крейвен насадила вокруг этого дерева роз, а сама устраивалась в этом кресле из ветки и любовалась. И однажды ветка не выдержала. Миссис Крейвен упала на землю, да так сильно, что на следующий день умерла. Мистер Крейвен впал в такую тоску, что врачи поначалу боялись, как бы сам он не умер. Но он только запретил всем ходить в этот сад. И говорить о нем тоже не разрешает. Вот тебе вся история, мисс Мэри. Теперь наконец поняла, отчего дядя твой этот сад ненавидит?

Мэри ничего не ответила. Она молча смотрела на горящий камин, слушала ветер, который «куролесил» все громче и громче, и сердце у нее сжималось от жалости к мистеру Арчибальду Крейвену и его молодой жене. Так, вслед за здоровым румянцем и аппетитом к Мэри пришло умение сострадать. Поистине воздух пустоши действовал на нее благотворно. Она начинала жить.

Вначале Мэри слышала лишь завывание ветра, затем уловила новые звуки. Словно совсем близко заплакал ребенок. Конечно, ветры иногда умеют плакать голосами детей, но этот плач явно доносился изнутри дома.

– Слышишь? – внимательно поглядела Мэри на Марту. – Кто это

плачет?

Марта почему-то отвела взгляд.

– Да ну, – махнула она рукой. – В этих краях ветер то смеется, то плачет, и еще много чего...

– Нет, Марта, это не ветер, – уверенно возразила Мэри. – Думаешь, я не слышу? Плачут в доме, а не на улице. Наверное, чуть дальше по коридору. Что там может такое быть?

Именно в этот момент кто-то отворил дверь вниз. Ветер с улицы ринулся в коридор и распахнул настежь дверь комнаты Мэри. От неожиданности Марта и Мэри вскочили на ноги. И тут же снова раздался плач. Теперь он звучал гораздо отчетливей.

– Ну, что я тебе говорила! – с видом победительницы воскликнула Мэри. – Это не ветер, а человек плачет! И голос совсем не взрослый.

Но Марта снова повела себя как-то странно. Вместо того чтобы прислушаться, она подлетела к двери, с шумом ее захлопнула, а потом заперла на ключ. Но, несмотря на шум, поднятый горничной, Мэри услышала, как в коридоре захлопнулась еще одна дверь. Плач немедленно прекратился. Ветер тоже перестал куролесить, и наступила полная тишина.

– Говорила тебе, это ветер плачет, – настаивала на своем Марта. – Ну а если не ветер, так маленькая Бетти Баттеруорт. Это наша судомойка, у нее сегодня весь день болят зубы.

Но Мэри заметила, что голос Марты звучит неуверенно. Горничная явно что-то скрывала.

Глава VI

И ВСЕ-ТАКИ ТАМ КТО-ТО ПЛАКАЛ!

На следующее утро дождь лил вовсю, и ветер по-прежнему бился в окна и стены дома. Позавтракав, Мэри выглянула на улицу. Небо заволокли темные тучи, а пустошь тонула в тумане. О прогулке в такую погоду нечего было даже и думать.

– А что делают у тебя дома на пустоши, когда на улице такой дождь? – спросила Мэри у Марты.

– Что делают, говоришь? – отозвалась та. – Стараются друг другу не попадаться под ноги. В доме и так уйма народа. А в дождливые дни нас будто еще вдвое больше становится. Уж на что наша матушка существо добродушное, но даже она, когда дождь идет, не выдерживает, кричит на нас. Ну, тут те, кто постарше, уходят в коровник и там затевают игру. А Дикен, тот молодец. Ему и дождь не помеха. Гуляет себе, словно ему на голову не вода льет, а яркое солнышко светит. Он говорит, ненастье в пустоши интересней ясной погоды. Такого насмотришься, что только держись. В один из дождей Дикен нашел лисенка. Лисенок чуть не потонул в своей норке, а Дикен выловил его и домой притащил за пазухой. С тех пор у нас и живет. А еще раз Дикен пошел гулять в дождь, а вернулся с едва живым вороненком. Дикен его отходил, и с тех пор ворон стал у него как бы ручной. За черноту Дикен прозвал его Уголек. Теперь Уголек вырос и повсюду за ним летает. Ну прямо собака, только на крыльях.

Мэри очень внимательно слушала. Жизнь Мартинового семейства ее занимала все больше и больше. А самыми интересными казались ей мама Марты и Дикен. Потому что у Дикена были свои животные, а когда Марта говорила о матушке, Мэри словно ощущала тепло домашнего очага.

– Если бы у меня появился ворон или лисенок, – с грустью проговорила девочка, – я могла бы с ним играть. Но у меня совсем никого нет.

– А ты вязать не умеешь? – с задумчивым видом спросила Марта.

– Нет, – покачала головой Мэри.

– А шить?

– Тоже нет.

– А читать?

– Умею.

– Почему же не считаешь чего-нибудь или в письме не поупражняешься? – удивлялась горничная. – Ты уже достаточно подросла для ученья.

– Но мне читать совсем нечего, – объяснила Мэри, – все мои книги остались там, в Индии.

– Жалко, – посочувствовала Марта. – Слушай! – вдруг осенило ее. – Попросила бы ты миссис Мэдлок. Думаю, она тебя пустит в библиотеку. А там всяких книг полно.

Мэри немедленно приняла решение. Миссис Мэдлок ей не нужна. Она даже Марту не станет спрашивать, где находится библиотека, потому что хочет ее разыскать сама. Мэри уже поняла, что может беспрепятственно бродить по этому дому. Встретить кого-нибудь в коридорах тут было почти невозможно. В отсутствие хозяина слуги вели праздную жизнь. Большую часть времени они сидели в просторной комнате, которая располагалась в подвале прямо за кухней. Там же их пять раз в день обильно кормили, и особенно веселыми получались подобные трапезы в те дни, когда миссис Мэдлок по каким-то причинам отсутствовала. На Мэри миссис Мэдлок тоже обращала не слишком много внимания. Правда, она почти каждый день заходила проверить, все ли в порядке. Но не спрашивала, чем Мэри занята, и не предлагала что-нибудь для нее сделать. Поначалу девочка удивлялась, а потом решила, что в Англии, наверное, «такой обычай» и все дети тут должны о себе заботиться сами.

Пока Марта тщательно подметала пол возле камина, Мэри успела наметить план действий. Ни у какой миссис Мэдлок она, конечно, разрешения спрашивать не будет. Она вообще не понимала, зачем это делать. Даже если бы миссис Мэдлок встретила ее случайно, она и то не сказала бы, куда направляется. Чтение Мэри тоже не слишком прельщало. Научившись грамоте, она едва одолела несколько книг. Зато поиски библиотеки могли вылиться в настоящее путешествие по дому. Вдруг какая-нибудь из ста запертых комнат плохо закрыта? Тогда Мэри сможет войти в нее и уж наверняка найдет что-нибудь интересное. А если все двери заперты хорошо и проникнуть внутрь невозможно, она просто сосчитает, действительно ли в этом доме столько закрытых комнат, как говорит миссис Мэдлок? Так или иначе, поход по дому займет все утро, и Мэри скоротает время, пока на улице дождь.

Дождавшись, пока Марта ушла, Мэри открыла дверь и двинулась по длинному коридору. Справа и слева от него ответвлялись коридоры поменьше, но Мэри шла, никуда не сворачивая. Наконец она уперлась в какую-то лестницу, которая привела ее в другой коридор, тот снова вывел

на лестницу, а за ней оказался еще один. По обе стороны виднелись двери, а в простенках висели картины. Порой среди них попадались потемневшие от времени пейзажи, но больше всего было портретов. С них на Мэри взирали мужчины и женщины в необычных, но очень красивых костюмах из атласа и бархата. Мэри никогда не видала таких нарядов и теперь с удивлением думала: что это были за люди? В особенности ее заинтересовали дети. Девочки в длинных и пышных платьях из плотного атласа. Длинноволосые мальчики в костюмах с присборенными рукавами и воротниками из кружев. А у некоторых мальчиков воротники были круглые и слоеные. Перед каждым из детских портретов Мэри останавливалась и пристально изучала лица. Как бы ей хотелось узнать имена этих детей, и куда все они делись из этого дома, и почему так странно одеты? А дети загадочно поглядывали на нее с картин, словно знали какую-то тайну, но поклялись никому о ней не рассказывать. На одной из картин застыла некрасивая девочка в платье из зеленой парчи. На вытянутом ее указательном пальце сидел зеленый попугай. Лицом она чуть-чуть походила на Мэри.

– Жалко, тебя тут нет, – шепнула Мэри. – Интересно, где ты вообще сейчас?

Не каждая девочка может провести утро подобным образом. Бродя по бесчисленным коридорам, Мэри чувствовала себя так, будто осталась совсем одна в этом огромном доме. «Зачем столько комнат, если они никому не нужны? – слушая, как гулкое эхо разносит ее шаги, размышляла она. – В больших домах должно быть много людей». И тут ее осенило, что, наверное, во всех этих комнатах раньше и впрямь кто-то жил. Только потом люди куда-то исчезли...

Вдруг она вспомнила, что собиралась проверить, все ли комнаты заперты. Теперь она нажимала на все ручки подряд. Вдруг одна из дверей закрипела и отворилась. Сперва Мэри охватил страх. Но чуть-чуть отдышавшись, она вошла в комнату и очутилась в просторной спальне. Все стены тут были увешаны гобеленами. Мебель с инкрустацией походила на ту, которую Мэри видела в Индии. Сквозь большое окно со свинцовым переплетом виднелась пустошь. А над каминной полкой висел еще один портрет той самой девочки, которая на другом портрете была изображена с попугаем. Мэри решила, что, наверное, она и жила в этой комнате, и стала внимательно разглядывать лицо на портрете. Так она смотрела с минуту. Потом ей вдруг показалось, что девочка с портрета тоже на нее смотрит. По спине у Мэри пробежал холодок, и она быстро вышла из спальни.

Потом ей попало еще много незапертых дверей, и она обследовала

столько комнат, что даже глаза устали. Поначалу она пробовала вести счет, но скоро сбилась. Правда, теперь она не сомневалась, что в этом доме сто комнат. Вообще-то их было, наверное, гораздо более ста. Иначе у нее так не разболелись бы ноги.

Везде ей встречалось что-нибудь интересное. В одной из комнат с бархатными драпировками, судя по всему, гостиной какой-то леди, Мэри обнаружила слоников, вырезанных из кости. Тут были и слоны, и слонихи, и маленькие слонята. На шеях у больших слонов сидели погонщики, а на спинах красовались паланкины. В Индии Мэри видела довольно много слонов и фигурок из слоновой кости, фигурки, стоящие за стеклом, ей очень понравились. Она открыла горку, встала на стул и поиграла немного со слониками.

Когда она слезла со стула и закрыла слоников в горке, от софы, стоявшей у камина, послышался шорох. Мэри подошла ближе. На софе лежала бархатная подушка с большой дырой, а из дыры выглядывала чудесная мышка серого цвета. Мэри подошла вплотную и увидела еще шесть мышат. Прижавшись к маме, они крепко спали. Мышка с мышатами очень понравилась Мэри. Сперва она даже думала унести их с собой, но потом решила, что, если мышат разбудить, они испугаются и убегут.

Выйдя из комнаты, Мэри поспешила обратно. От усталости она едва переставляла ноги и часто поворачивала не в те коридоры. Проплутав довольно долгое время, она все же нашла нужную лестницу, благополучно достигла первого этажа, но тут же опять заблудилась.

– По-моему, я тут не была, – с досадой оглядела она проход с гобеленами по стенам. – Тут еще тише, чем в остальных местах.

Не успела Мэри это произнести, как за стеной кто-то занял. Сомнений не было: это какой-то ребенок! Значит, и вчера она не ошиблась! Девочка в задумчивости тронула гобелен. Тот неожиданно заколыхался, обнажая дверной проем. Не успела Мэри ничего подумать по поводу своего открытия, как дверь отворилась, и из нее вышла миссис Мэдлок с огромной связкой ключей в руках.

– Ну, что еще тебе тут понадобилось? – сердито спросила она и, схватив Мэри за руку, поволокла ее куда-то в сторону.

– Я не туда повернула и заблудилась. А потом я услышала, как кто-то плачет, – ответила девочка. Она сейчас почти ненавидела миссис Мэдлок.

– Ничего ты не могла слышать! – рявкнула экономка. – Возвращайся немедленно в свои комнаты, иначе сейчас получишь!

Мэри, стиснув зубы, замолчала. Доведя девочку до дверей детской, миссис Мэдлок грубо впихнула ее внутрь.

– Теперь изволь сидеть там, где ведено, – зло прошипела она. – Если будешь еще околачиваться по дому, придется тебя тут запереть. Видать, ты из тех, за кем надо все время приглядывать, но у меня нету на это времени. Пускай хозяин ищет тебе специальную гувернантку.

И миссис Мэдлок вылетела из комнаты, хлопнув на прощанье дверью. Мэри опустилась на коврик перед камином. От возмущения ее всю трясло и даже лицо побледнело.

– И все равно там кто-то плакал! Плакал! – упрямо проговорила она. – И я узнаю, кто это был. Обязательно узнаю, миссис Мэдлок!

Глава VII

КЛЮЧ ОТ САДА

Два дня спустя Мэри, проснувшись, подбежала к окну и тут же в восторге крикнула Марте:

– Ты только взгляни на пустошь! Только взгляни!

Ненастыя как не бывало. Ветер сперва разогнал серый туман и тучи, потом сам унесся куда-то в другие края, и теперь небо над пустошью сияло лазурью. Такой красоты Мэри еще никогда не видела. В Индии знойное небо слепило глаза, на него и глядеть не хотелось, а тут... Будто кто-то сегодня унес в вышину бездонное озеро, на глубине которого, как рыбы, плавали белоснежные облака. Это небо расцветило окрестности нежно-голубыми тонами, и Мэри, впервые за все время, проведенное в Мисселтуэйт Мэноре, убедилась, что пустошь действительно иногда бывает прекрасной.

– Вот-вот! – улыбнулась Марта. – Так тут все и случается, когда плохая погода отступит. Льет, льет и вдруг разъяснится, будто летом. И я тебе так, мисс Мэри, скажу: это потому, что все на весну пошло. Весна-то, положим, не очень скоро настанет, но природа заранее к ней подвигается.

– А я думала, у вас, в Англии, всегда или дождь идет, или дни серые безо всякого солнца, – сказала Мэри.

– Да ты что! – взявшись за щетку, ответила горничная. – Ничго пдобнго! – добавила она по-йоркширски.

– Что ты сказала? – не поняла девочка.

– Ну, опять я забылась! – всплеснула руками Марта. – Я хотела сказать: «Ничего подобного!» Только если стараешься это все выговаривать, для нас, йоркширцев, получается слишком длинно. А вообще-то, когда светит солнце, лучше нашего Йоркшира места нет на земле. Так и запомни. Говорила я, что тебе пустошь понравится! Ты еще погоди. Вот как утесник, ракитник, вереск да колокольчики зацветут, бабочки и пчелы появятся, да жаворонки в небе зальются песнями, тогда ты и совсем привыкнешь к нашим краям.

– Как мне хочется дойти до пустоши! – глядя в окно, мечтательно проговорила девочка. – Ты думаешь, у меня хватит сил, Марта?

Пустошь теперь ей действительно нравилась. Вот только до нее надо пройти весь огромный парк. Мэри никогда еще не пробовала ходить на

столь длинные расстояния.

– Уж не знаю, на что у тебя сил хватит, а на что нет, – ответила Марта. – Ты, видно, своими ногами по-настоящему еще сроду не пользовалась. Но, если как следует постараться, думаю, до нашего коттеджа доковыляешь, А это отсюда пять миль.

– К тебе в коттедж мне хочется еще больше, чем просто в пустошь, – очень серьезно произнесла девочка.

«Да тебя просто теперь не узнать, моя милая! – внимательно глядя на Мэри, думала Марта. – Вон как глаза разгорелись! Не хуже, чем у моей младшей сестрицы Сьюзен Энн, когда ей придет о чем-то мечта!»

– Мы с тобой так, пожалуй, поступим, мисс Мэри, – вслух сказала она. – У меня сегодня как раз выходной. Я с матушкой со своей увижусь и все про тебя обсужу. Матушка у меня такая! Всегда найдет выход. Даже сама миссис Мэдлок ее уважает.

– Мне тоже очень нравится твоя мама, – убежденно ответила Мэри.

– Не мудрено, – кивнула Марта.

– Правда, я ее еще ни разу не видела, – немного смутилась девочка.

– Это уж точно, – подтвердила горничная и задумчиво потерла рукой кончик носа. – Матушка у нас такая разумная, трудолюбивая, добродушная и такую чистоту в доме поддерживает, что ее даже тот, кто не видел, полюбит. А я, как иду домой в выходные, у меня уже на пустоши сердце от радости прыгает.

– И Дикен мне твой очень нравится, – немного подумав, сказала Мэри. – Но и его я тоже ни разу не видела.

– С ним совсем просто, – стала солидно объяснять Марта. – Говорила же я тебе: его и птицы, и кролики, и даже дикие лисы любят. Вот интересно, что о тебе бы наш Дикен сказал?

– Я бы ему не понравилась, – помрачнела Мэри. – Я никому не нравлюсь.

– А самой-то себе ты нравишься? – внезапно спросила Марта.

Раньше Мэри никто о таком не спрашивал. Вот почему она сперва хорошенько подумала, а потом уж отозвалась со смущенной улыбкой:

– Да вообще-то, наверное, не очень.

– Ну, прямо как я в тот раз! – захохотала Марта. – Матушка однажды затеяла стирку, а я была в плохом настроении и ругалась на всех. Тут мне матушка и скажи: «Ну ты и лисица! И тот тебе не нравится, и другой... А самой себе-то ты нравишься?» Тут я рассмеялась, и плохое настроение как рукой сняло. Ну а теперь пора тебе завтракать, мисс Мэри. Давай одевайся.

Покормив девочку завтраком, Марта ушла. Дома ей нужно было успеть

напечь хлеба на всю неделю, затеять вместе с матушкой стирку, а ведь завтра ей уже снова надо с утра обратно. Оставшись одна, Мэри почувствовала себя совсем неуютно и заторопилась на улицу. Первым делом она решила поупражняться в беге. К весне ее ноги должны настолько окрепнуть, чтобы можно было сходить и на пустошь, и в гости к Мартиной матушке. Дойдя до фонтана, девочка принялась бегать вокруг.

– Один... два... три... – считала она.

Обежав десятый круг, она с гордостью отметила, что почти не запыхалась, да и ноги совсем не устали. Настроение у нее сразу улучшилось. Когда же она подняла голову, ее ожидало еще одно открытие. Лазурное небо изменило не только пустошь. Мрачный в пасмурные дни Мисселтуэйт Мэнор стал выглядеть совсем по-другому, и Мэри сейчас поняла, что это очень красивый дом.

Она отправилась на огороды, и в первом же из них застала Бена Уэзерстаффа, который работал вместе с двумя другими садовниками. Наверное, и на него ясный день подействовал благотворно, потому что, увидав Мэри, он тут же спросил:

– Чуешь, что делается? Весна на подходе.

– Кажется, чую, – старательно нюхая воздух, ответила девочка. – Очень сыро и хорошо пахнет.

– Верно, – одобрил садовник. – Это запах плодородной земли. Она сейчас как бы готовится, чтобы все получше взросло. Там сейчас, под землей, началось движение. А пригреет как следует солнце, зеленые ростки и потянутся вверх.

– Что же там вырастет? – глядя на голые клумбы, спросила девочка.

– Там у меня крокусы, подснежники и нарциссы, – с важностью отвечал старый Бен. – Никогда, верно, таких не видела?

– Не видела, – подтвердила Мэри. – В Индии таких нет. Но там много всего другого растет. А после сезона дождей там все за одну ночь расцветает.

– Ну, у нас за ночь вырасти не успеет, – объяснил Бен Уэзерстафф. – Тут уж изволь потерпеть. Сначала один лист проклюнется, а потом – другой. Зато можно следить. Все рождается прямо у тебя на глазах.

– Я обязательно буду следить! – тут же заверила Мэри. Теперь она просто мечтала увидеть, как распускаются бутоны и листья.

Старый Бен взялся вновь за свою лопату, Мэри стояла рядом. Вскоре раздалось знакомое хлопанье крыльев. Это Робин прилетел поведать друзей. Сегодня он просто не отходил от Мэри. Он прыгал вокруг нее, и бегал, и, куда бы она ни поворачивала, устремлялся за ней.

– Неужели он помнит меня? – спросила садовника Мэри.

– Это уж будь спокойна, – без тени сомнения проговорил старый Бен. – Да он тут все наперечет знает. А девочку живьем он никогда до тебя не встречал. Ясное дело, ему хочется разузнать о тебе побольше. Если он кого раз отметил, нипочем уже не забудет.

– А в его саду тоже сейчас под землей началось движение? – решила воспользоваться случаем Мэри.

– В каком еще там саду? – тут же насторожился Бен Уэзерстафф, и девочке показалось, что настроение у него снова начало портиться.

– Ну, там, где старые кусты роз, – не смогла она удержаться от дальнейших расспросов. – Как вы думаете, мистер Бен, там уже все цветы умерли или еще какие-то есть? Неужели даже розы не распускаются?

– У него и спроси, – ткнул садовник пальцем туда, где весело прыгал Робин. – А из людей там уже десять лет никто не бывал.

«Десять лет! – осенило вдруг Мэри, когда она побрела прочь. – Но ведь и мне тоже десять. Значит, бедный сад стоит совсем без людей все время, пока я живу!» Стоило ей об этом подумать, как она больше прежнего захотела очутиться за стенами, которые густо увил плющ. Сад миссис Крейвен представлялся ей каким-то родным существом – вроде малиновки, или Марты, или Мартиной мамы...

Ну а мгновение спустя ее ожидало настоящее чудо. На одной из клумб собаки вырыли ямку. Видимо, они пытались достать крота из норы. Теперь куча рыхлой земли привлекла Робина. Он зачирикал и начал клевать, зазывно поглядывая на Мэри, словно приглашал ее насладиться вместе вкусными червячками.

– Ты мой хороший! – растрогалась девочка. – Самая лучшая птица на свете!

Она подошла поближе и вдруг увидела ямку. На дне лежало какое-то металлическое кольцо. Когда Робин, наклевавшись вдоволь, взлетел на дерево, Мэри нагнулась. Но это было совсем не кольцо. Мэри держала в руках покрытый ржавчиной ключ! Он явно не один год пролежал в земле. У Мэри перехватило дыхание. Ей просто не верилось. Кажется, она нашла ключ от сада!

Глава VIII

РОБИН ПОКАЗЫВАЕТ ДОРОГУ

Теперь Мэри не терпелось проверить, тот ли она нашла ключ? Но как проверишь без двери? Мэри начала снова самым внимательным образом исследовать стену. Она не сомневалась: сад, в который десять лет не входил ни один человек, таит какое-то чудо. А еще, отыскав этот сад, Мэри завоеует собственный мир. Остальные ведь думают, что ключ по-прежнему где-то в земле. Значит, достаточно войти туда, затворить за собой дверь, и Мэри никто не найдет. А она, спрятавшись ото всех, будет играть как хочет и во что хочет. Если бы только не этот противный плющ! За ним почти совсем ничего не видно! От досады Мэри даже ногами затопала, и на мгновение в ней снова пробудилась девочка «наоборот».

– Как глупо! Глупо! – сердито бубнила она на ходу. – Ключ есть, а войти все равно некуда!

Безрезультатно проплутав вдоль стены целый час, Мэри убрала ключ в карман платья и повернула домой. Теперь она будет всегда носить ключ на прогулку. Если дверь когда-то найдется, она сразу попробует ее открыть.

Обычно Марта возвращалась с выходного вечером, но в этот раз миссис Мэдлок позволила ей заночевать дома. Чтобы поспеть вовремя в Мисселтуэйт, девушке пришлось подняться ни свет ни заря. Но, несмотря на это, настроение у нее было просто отличное, и, едва войдя в комнату к Мэри, она принялась делиться всем, что накопилось в ее душе за вчерашний день и сегодняшнее утро.

– В четыре утра я уже вышла, – очень быстро говорила она. – По утрам в пустоши загляденье! Птички с песнями просыпаются, кролики всюду бегают, и солнце встает. А тут мне еще одна удача подворачивается. Обычно я в выходные туда и назад пешком бегаю. Но сегодня по пустоши ехал один мужчина с подводой и предложил подвезти. Я села и доехала до вашего дома, прямо как леди.

Далее Марта поведала, что успела и хлеб испечь, и все белье выстирать. Матушка была очень довольна. А потом Марта еще налепила пирожков с желтым сахаром. Их вышло как раз по одному на каждого члена семьи. Марта вынимала пирожки из духовки, когда дети пришли с пустоши. Они учуяли запах уже с порога. Скоро от пирожков остались одни воспоминания. Вот тогда-то Дикен и сказал, что такая вкуснятина даже

короля бы порадовала.

А вечером вся семья расселась у очага. Марта с матушкой штопали чулки и носки и ставили на одежду заплаты. За работой Марта и принялась рассказывать домашним про девочку из Индии, которая, как приехала, не могла даже сперва чулки сама на ноги натянуть и вообще мало чего умела.

– Знаешь, мисс Мэри, им так понравилось про тебя слушать, – продолжала горничная. – Уж сколько я им говорила и про чернокожих, и про корабль, на котором ты к нам прибыла, а они все еще и еще требуют. У меня прямо язык чуть не отвалился.

– Марта, – с очень серьезным видом отозвалась девочка. – Я думаю, надо до следующего выходного побольше тебе рассказать об Индии. Наверное, у тебя дома будет всем интересно про то, как на слонах и верблюдах ездят и как офицеры на тигров охотятся.

– Еще бы не интересно! – воскликнула Марта. – Да если я им о таком расскажу, это будет почище выставки диких зверей, которую у нас в Йорке недавно устраивали.

– Да-а, – задумчиво протянула Мэри. – Я раньше даже не знала, что бывают другие места, которые так непохожи на Индию. А теперь знаю: Йоркшир совсем непохож. Марта, а что сказали Дикен и твоя мама, когда ты обо мне говорила?

– Ну, – улыбнулась горничная, – Дикен наш глаза вылупил. А матушка прослезилась. «Ой, – говорит, – Марта, эта девочка, видать, совсем одинокая и всеми заброшенная. Неужто мистер Крейвен не взял для нее ни гувернантки, ни няни?» Ну, я и ответила, что не взял. И повторила, что миссис Мэдлок сказала: «Такие, как мистер Крейвен, могут о бедном ребенке еще три года не вспомнить».

– Ну и пускай не вспомнит! Не хочу гувернантку! – решительно запротестовала девочка.

– Ты, милая, прежде подумай, а потом протестуй, – назидательно произнесла Марта. – Матушка говорит, тебе нужно учиться. И приглядывать за тобой должна хорошая женщина. А еще матушка мне сказала: «Ты, Марта, только вообрази, что бы почувствовала, если бы оказалась совсем маленькой девочкой в таком большом доме без папы с мамой и без друзей!» И потом она мне наказала опекать тебя, как могу. Ну а я ведь вроде и так это делаю.

– Да, Марта, ты очень меня опекаешь! – с чувством ответила девочка. – Я теперь так радуюсь, когда тебя утром вижу.

– Ну и ладно, – кинула на нее таинственный взгляд горничная. – А теперь обожди. Я сейчас.

Она выскользнула из комнаты, но вскоре вернулась, и Мэри сразу заметила, что она что-то прячет под фартуком.

– Ну, мисс Мэри, – сказала Марта. – Я тебе принесла подарок.

– Подарок? – удивилась девочка. – Разве можно дарить подарки, когда в доме много детей никогда не едят досыта?

– А ты сначала послушай, – начала объяснять Марта. – Бродячий торговец ехал через пустошь и остановился прямо у нашего дома. Он выложил перед матушкой целую уйму кухонной утвари. Но у матушки денег почти не было, и она покупать ничего не стала. Торговец собрался уже уезжать, но тут наша Элизабет Элен как закричит: «Мама! У него там прыгалки с такими красивыми ручками!» Тут матушка и спросила, сколько эти его прыгалки стоят? А торговец сказал, что два пенни. А матушка поглядела на меня очень пристально и говорит: «Ты, Марта, у меня молодец, все жалованье домой принесла. И каждый пенни из этих денег у меня на счету. Но все равно я куплю этой девочке из Индии прыгалки». И вот они тебе, пожалуйста, эти прыгалки, дорогая мисс Мэри! – резко выхватила Марта из-под фартука свой подарок.

Мэри недоуменно глядела на прыгалки. Она совершенно не понимала, как играть в эту веревку с двумя красно-белыми рукоятками на концах?

– А что с ними делают? – растерянно спросила она у Марты.

– Не знаешь? – подняла брови горничная. – Чудеса! Выходит, в Индии слоны, верблюды и тигры есть, а прыгалками и не пахнет. Чернокожие, значит, не прыгают. Ну, тогда гляди скорей на меня.

И, схватив прыгалки, Марта заскакала по комнате. Мэри с восторгом наблюдала за ней. Люди на старинных портретах, казалось, тоже были удивлены. Еще ни одна горничная в Мисселтуэйт Мэноре не осмеливалась такое проделывать в их присутствии. А Марта все прыгала и прыгала, пока не досчитала до ста.

– Ну вот, – отдуваясь, проговорила она. – А лет в двенадцать я и до пятисот могла прыгать. Но я тогда не была такой толстой.

– Эти прыгалки мне понравились, и мама твоя очень добрая, – ответила Мэри, – только... – испытующе поглядела она на Марту, – я, наверное, никогда не сумею прыгать так же, как ты.

– А ты попробуйся, – просто ответила горничная. – До ста, конечно, сперва не выйдет. Но ты можешь не унывать, мисс Мэри. Просто прыгай, как у тебя выходит, и сил не жалея. Вот и будет с каждым днем получаться все лучше. Матушка тоже так говорит. Она мне сразу сказала: «Ни от чего нет такой пользы ребенку, как от прыгалок. Пусть эта девочка попрыгает на свежем воздухе. И ловкой станет, и силы в руках и в ногах прибавит».

Затем Мэри попробовала прыгалки. Тут же выяснилось, что силы в руках и в ногах у нее пока совсем мало. Но она сказала Марте, что все равно прыгать не перестанет.

– Тогда одевайся и беги с прыгалками на улицу, – посоветовала та. – Матушка мне велела побольше тебя содержать на воздухе. Даже когда ненастье и дождь не очень сильный идет. Она говорит, если одеть тебя потеплее, все равно одна польза будет.

Мэри покорно облачилась в пальто и шапку, перекинула прыгалки через руку и пошла вниз. Однако на полпути она вдруг повернула назад и возвратилась в детскую. Горничная была еще там.

– Я вот что хотела сказать, Марта, – переминаясь от смущения с ноги на ногу, выдавила из себя Мэри. – Это ведь были два пенни из твоего жалованья. Спасибо!

Почувствовав, что к словам нужно что-то добавить, Мэри пожалала девушке руку. Марта осталась в полном недоумении. Мэри и сама понимала, что получилось не совсем так, как надо. От смущения она опустила голову и принялась изо всех сил возить носком ботинка по полу.

– Ну, ты даешь, мисс Мэри! – весело засмеялась горничная. – У меня иногда от тебя прямо голова набекрень. Трудно бывает понять, старушка ты или девочка? Окажись сейчас тут моя сестрица Элизабет Элен, она бы уж знала, чего ей делать, если бы я ей дала эти прыгалки.

– А что она сделала бы? – подалась вперед Мэри.

– Она бы кинулась мне на шею и расцеловала в обе щеки!

– Значит, мне надо поцеловать тебя? – удивилась девочка.

– Нет, нет, мисс Мэри, не надо! – вновь засмеялась Марта. – Просто если ты была бы другой, то сама бы поцеловала меня. Но ведь ты не другая. Ну, беги в сад, не то твои прыгалки совсем застоятся!

Мэри вздохнула и вышла из комнаты. Йоркширцы казались ей очень странными. А самой странной из всех йоркширцев, без сомнения, была Марта.

Выйдя в сад, Мэри начала осваивать прыгалки. Она скакала и вела счет, и никогда ей еще не было так весело. Щеки у нее покраснелись, а легкий ветерок радовал свежестью. Он нес запахи весны, которая пока еще где-то пряталась, и земли, где, как уже было известно Мэри, началось движение. И солнце, ласково освещавшее сад, тоже грело почти по-весеннему.

Вначале Мэри прыгала вокруг фонтана, потом – по дорожкам фруктового сада и наконец так наловчилась, что почти без остановки доскакала до огородов. Там вскапывал грядку старый Бен Уэзерстафф.

Время от времени он останавливался, чтобы побеседовать немного с Робинном, который, конечно же, скакал вокруг.

Стремясь привлечь внимание старого Бена, Мэри прыгала все лучше и лучше.

– Ну и ну! – оценил ее усилия садовник. – Вижу, ты все-таки настоящий ребенок. Теперь-то я знаю, что в твоих жилах течет живая кровь, а не какое-нибудь кислое молоко. И щеки у тебя вон какие красные стали. Когда я тебя первый раз увидел, я и не думал, что ты такой хорошей девочкой станешь.

– Просто я никогда раньше не прыгала, – еще сильнее покраснелась от радости Мэри. – Знаете, мистер Уэзерстафф, ведь это я только еще начинаю. Пока у меня больше двадцати раз подряд не выходит, но, я думаю, потом будет лучше.

– А то как же! – улыбнулся садовник. – Главное, продолжай. Ты ведь и так уже немало добилась. Легко ли прыгать ребенку, если он, кроме язычников, совсем ничего не видел! Вот и он, – взглядом показал старый Бен на Робина, – прямо залюбовался тобой. Полагаю, сегодня он будет следить за тобой больше прежнего. Ведь он тоже прыгалки первый раз видит. А уж он у меня дотошный. Пока все не узнает, нипочем не уймется. Смотри, – грозя пальцем птице, назидательно проговорил он, – если не отучишься совать всюду свой нос, для тебя может выйти история.

Мэри снова взялась за прыгалки и поскакала к дорожке, которая шла вдоль садовой ограды. Ей стало интересно, сможет ли она, не останавливаясь, пропрыгать до конца увитой плющом стены? Это оказалось совсем нелегко. Не дойдя и до середины, Мэри была вынуждена остановиться.

– Ну вот! – с досадой махнула она рукой. – Ничего я пока не умею!

Робин, который следовал за ней по пятам, словно все понял и, взлетев на дерево, закатил такую звонкую трель, что Мэри тут же развеселилась. А потом произошло настоящее Волшебство. Именно так говорила всегда Мэри Леннокс, когда вспоминала об этом дне. Даже став совсем взрослой, она по-прежнему не сомневалась, что без волшебника тут не обошлось.

Ласковый ветерок, с самого утра гулявший по саду, внезапно усилился и взвился вихрем как раз у садовой стены. Высокие деревья под его напором согнулись, а густой плющ приподнялся, как занавеска над открытым окном. Это длилось не больше минуты, но Мэри и этого было достаточно. Она заметила ручку двери!

Красногрудый Робин внимательно следил за девочкой. Покончив с трелями, он начал петь что-то бурное. Это вполне соответствовало

настроению Мэри. Она уже раздвинула плющ настолько, что видела дверь и замочную скважину. Вот она достала ключ из кармана. Руки у нее тряслись от волнения. Еще миг – и ключ легко вошел в скважину. Теперь надо его повернуть. За десять лет замок заржавел. С огромным трудом Мэри сумела прокрутить ключ лишь на пол-оборота. Тогда она вцепилась в кольцо обеими руками и повернула так сильно, что у нее помутнело в глазах. Замок щелкнул, и дверь на несколько дюймов отошла от стены.

Мэри в страхе попятилась. Теперь, когда путь был открыт, она вдруг подумала, что ведь совсем не знает, что может оказаться в этом саду. Но тут Робин снова запел. Он уже был за оградой сада и словно звал девочку последовать за собой. «Ведь он там живет!» – вспомнила Мэри, и страх ее бесследно прошел. Скользя в проход, она плотно затворила за собой дверь.

Глава IX

ВСЕ-ТАКИ ЭТОТ ДОМ ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ

Сад оказался даже более необычным, чем думала Мэри. Высокие стены были сплошь покрыты стеблями ползучих роз. Несмотря на то что стебли были сейчас совсем голыми, Мэри их сразу узнала – в Индии росли всякие розы. Из высокой пожухшей травы торчали кусты. Приглядевшись к ним, Мэри решила, что это, скорее всего, тоже розы. Росло тут и несколько штамбовых роз, и они напоминали маленькие деревья. Просто деревья тут тоже были. Выглядели они очень таинственно. Их стволы и ветви густо увили ползучие розы. Они перекидывались узкими мостиками с одного дерева на другое. Словно какой-то огромный паук из сказки опутал весь сад паутиной.

– Как же здесь тихо. Как тихо, – глядя вокруг, зачарованно шептала девочка.

Даже Робин взлетел на вершину своего любимого дерева и затих. Будто бы выжидал, как Мэри поведет себя дальше?

«Тут и должно быть тихо, – тем временем размышляла она. – Потому что за много лет я первый человек в этом саду». Стараясь как можно тише ступать, Мэри пошла в глубь сада. Она тут же убедилась, что пожухшая трава очень мягкая и идти по ней можно совсем бесшумно. Один из мостиков, который образовали ползучие розы, привлек внимание Мэри. Остановившись, она задрала голову вверх. Смогут или не смогут эти розы зацвести с приходом весны? Окажись на ее месте Бен Уэзерстафф, он определил бы с первого взгляда. Но Мэри ничего не смыслила в садоводстве, и ей лишь оставалось надеяться, что розы все-таки оживут. Впрочем, даже если и окажется, что они погибли, она не станет слишком расстраиваться. Главное, ей удалось найти Таинственный сад, и теперь у нее появился свой мир, в котором она сделает все, как захочет.

Даже солнце тут, казалось, светило ярче, чем за оградой. Самец малиновки перелетел с одного дерева на другое, потом – на третье и так углублялся все дальше и дальше в сад, словно показывал Мэри свои владения. Чем больше они отдалялись от входа, тем становилось тише, словно они с Робинсом ушли на самый край света. Но, как ни странно, Мэри совсем не чувствовала себя одинокой или потерянной. Она лишь

продолжала размышлять, сможет ли хоть что-нибудь расцвести в этом саду весной? Ну, если не розы, то какие-нибудь другие цветы...

Прыгалки Мэри перекинула через руку. Немного побродив по саду, она о них вспомнила и решила дальше скакать. Если ее что-то заинтересует, она остановится, как следует разглядит, а потом снова возьмется за прыгалки. Поначалу ей попадались только дорожки, густо затянутые травой. Потом она увидела две беседки с каменными скамьями и покрытыми мхом цветочными вазами. Возле второй беседки Мэри остановилась. Рядом была большая цветочная клумба. Там из черной земли пробивались маленькие нежно-зеленые побеги. Мэри тут же вспомнила, что говорил ей по этому поводу старый Бен Уэзерстафф, и, опустившись на корточки, стала разглядывать.

– Определенно, тут что-то растет, – через некоторое время прошептала она. – Крокусы, подснежники, а может быть, даже нарциссы...

Склонившись еще ниже, она с удовольствием вдохнула запах свежей сырой земли. «А вдруг в саду еще что-то есть? – с надеждой подумала Мэри. – Пойду-ка взгляну». Теперь она оставила прыгалки в покое. Медленно двигаясь вперед, она внимательно оглядывала старые клумбы, заросшие лужайки между деревьями и даже края дорожек, ведь вдоль них миссис Крейвен могла тоже что-нибудь посадить. К своей радости, Мэри заметила еще много зеленых ростков.

– Нет, этот сад не погиб! – с волнением проговорила она. – И весной тут, наверное, много всего распустится.

Старая трава показалась Мэри слишком густой. Она не знала, как ухаживать за садом. Просто ей стало жаль эти зеленые ростки, которым так трудно пробиться сквозь траву, и она решила хоть как-то помочь. Отыскав палочку с острым концом, Мэри подкопала ею землю и один за другим выполола сорняки вокруг какого-то маленького ростка. Потом она перешла к следующему ростку, и еще к одному, и еще, пока не выполола всю клумбу.

– Теперь вам, наверное, будет полегче, – с удовлетворением разглядывая свою работу, сказала она. – А вы не расстраивайтесь, – поглядела она на соседнюю клумбу. – Сейчас вами тоже займусь.

Несколько раз глубоко вздохнув, она принялась полоть дальше. Она переходила от клумбы к клумбе и каждый раз с радостью оглядывала результаты своего труда. Через некоторое время ей стало жарко, и она сбросила сначала пальто, потом шляпку. Работа в саду полностью захватила девочку. Ее радовали и зеленые ростки, и земля, и деревья, и вообще все, что таилось за этой оградой.

Робин тоже был явно доволен. Он просто не понимал, почему старый Бен никогда не работает тут? Ведь стоило Мэри немного взрыхлить землю, как на поверхности появилось много личинок и червяков, и они ничем не уступали по вкусу тем, с огородов старого Бена.

За работой Мэри и не заметила, как пролетело время, и была очень удивлена, когда из дома послышался звонок к обеду.

– Поем и опять приду, – пообещала птице и саду Мэри.

Она перекинула прыгалки через руку, открыла старую дверь и заторопилась домой.

Во время обеда Марта просто нарадоваться на нее не могла. Глаза Мэри сияли, щеки разрумянились, как никогда. К тому же она столько съела, что даже братья и сестры Марты, пожалуй, больше бы не осилили.

– Два куска мяса и две порции рисового пудинга! – в полном восторге подвела итог Марта. – Да ты у меня прямо молодчина, мисс Мэри! Обязательно скажу матушке, как действуют на тебя ее прыгалки.

Тут Мэри вспомнила про какую-то белую луковицу, которую выкопала вместе с сорняками. Она не знала, что это такое, но, подумав, вырыла ямку, положила туда луковицу и присыпала сверху землей.

– Слушай, Марта, а от чего бывают такие вот белые луковицы? – спросила она.

– От цветов, – с уверенностью отозвалась девушка. – Весной много чего из луковиц вырастает. Самые мелкие луковицы у крокусов и подснежников. Из тех, что побольше, растут всякие разные нарциссы. А самые большие луковицы у лилий и гладиолусов. Ух, и красивые они тут! Дикен их много в нашем палисаднике насадил.

– Значит, Дикен твой и в цветах понимает? – с надеждой спросила Мэри.

– Понимает! – с гордостью отозвалась Марта. – Да посади наш Дикен кирпич, он и то у него даст побеги. Матушка так прямо и говорит ему: «Ты, Дикен, будто выщептываешь цветы из земли».

Тут Мэри одолели сомнения.

– Марта, а если луковица много лет пролежит в земле и никакой садовник за ней не будет ухаживать? – с тревогой за свою белую луковицу спросила она.

– Ну и что? – пожала плечами горничная. – Эти луковицы сами умеют о себе позаботиться. Потому даже бедные люди без никакого садовника их могут позволить у себя в палисаднике. Сидит себе такая луковица в земле, мисс Мэри, и дает цветы, когда надо. А если ее не тревожить, так еще и новые луковицы распространит под землей. Вон у вас в парке есть место.

Там столько подснежников развелось. Никто не знает, когда они там первый раз зародились, но только лучше их во всем Йоркшире не сыщешь. И помощи от садовников им не надо.

Выслушав это, Мэри облегченно вздохнула. Но теперь ей хотелось быстрее увидеть подснежники.

– Жалко, весна все никак не приходит, – с тоской поглядела она на Марту. – Так хочется посмотреть, что растет у вас в Англии.

После обеда Мэри села на коврик перед камином. Горничная опустилась рядом. Так они делали каждый раз, когда им хотелось чуть-чуть побеседовать.

– И почему у меня только нет никакой лопатки! – с досадой проговорила Мэри.

– Ну, мисс Мэри, это уж для меня совсем новость, – всплеснула руками Марта. – Ты, значит, копать собралась?

Мэри не торопилась с ответом. Конечно, Марте она доверяла, но вдруг та расскажет кому-нибудь о Таинственном саде? Если мистер Крейвен узнает, он, наверное, испугается и велит сделать новый замок. И тогда у Мэри снова не будет Своего Мира. Этого она не переживет. Вот почему, задумчиво поглядев на огонь, она решила, что скажет правду, но так, чтобы Марта ничего не узнала про сад.

– Тут очень просторно и одиноко, – начала жаловаться она. – И в доме нечего делать, и в парке, и в саду. И столько всего разного заперто. И ходить нельзя почти во все комнаты. Вообще-то и в Индии ничего веселого не было. Но там я все время на что-то смотрела, и Аяя мне сказки рассказывала. А здесь, кроме тебя и Бена Уэзерстаффа, даже поговорить не с кем. Но ты ведь почти всегда занята, и Бен – тоже. А если бы у меня была хоть самая маленькая лопатка, я смогла бы тоже работать в саду. Вдруг у меня своя клумба получится?

– И то правда, – поддержала девушка. – Клумба не клумба, а вот матушка моя, как узнает, уж точно зарадуется. Уж я ей непременно скажу про твоё желание. Ты ведь прямо как мысли её читаешь. Она мне про то и твердила. Если, говорит, твоя индийская девочка обучится в огороде сажать петрушку или редиску, она наверняка себя счастливой почувствует.

– Неужели она так и сказала, Марта? – удивилась Мэри. – Какая же у тебя мама умная!

– А то! – гордо тряхнула головой горничная. – Я и сама каждый раз удивляюсь, как это она про самые разные вещи знает? А матушка однажды мне объяснила: «Тот, кто растит двенадцать детей, будто науки все выучил. Так и запомни, Марта».

– Наверное, твоя мама даже знает, за сколько можно купить маленькую лопатку, – с надеждой сказала девочка. – Ты спросишь у нее, да?

– Ну, уж тут матушкиного ума не потребуется, – отозвалась Марта. – Про лопатку я и сама тебе прямо сейчас доложу. Есть у нас в Туэйте один такой магазинчик. Там как раз твоя лопатка лежит. А к ней еще грабли и вилы. Все вместе – за два шиллинга. И по росту тебе подойдет, и сделано крепко, не ломается.

– Два шиллинга! – принялась Мэри прыгать вокруг ковра. – У меня в кошельке куда больше есть. Миссис Моррисон, с которой я вместе на пароходе была, мне оставила денег, и миссис Мэдлок тоже все время дает мне деньги от мистера Крейвена.

– Да ну? – опешила Марта. – Никак, мистер Крейвен о тебе помнит?

– Наверное, – пожала плечами девочка. – Миссис Мэдлок сказала, что он ей велел каждую неделю выдавать мне шиллинг на личные расходы. Но у меня тут совсем никаких личных расходов нет.

– И она еще беспокоится, хватит ли ей на лопатку! – выпалила в полном смятении Марта. – Да у тебя же настоящее богатство скопилось, мисс Мэри! С такими деньжищами можно себе позволить что хочешь!

Она тоже вскочила с ковра и, оперев руки в бока, продолжала:

– По-моему, я знаю, как поступить.

– Ты знаешь? – пристально посмотрела на нее Мэри.

– Ну да, знаю, мисс Мэри. В этом магазинчике, кроме твоих лопаток, продаются еще семена цветов. А Дикен наш знает, какие цветы самые лучшие и как их выращивать – тоже. И в Туэйт он частенько наведывается. Просто так, ради собственного развлечения. Ты по-печатному умеешь писать?

– Нет, – покачала головой Мэри. – Я пишу по-нормальному.

– Не пойдет, – огорчилась девушка. – Наш Дикен только по-печатному сможет прочесть. Вот если бы тебе все-таки удалось написать такими буквами, как ему требуются, мы бы ему сообщили про лопатку, грабли и вилы, а заодно и про семена. А он бы пошел в Туэйт и купил.

– О, Марта, какая же ты хорошая! – воскликнула Мэри. – Я и не думала, что такие бывают!

Она на мгновение задумалась. Прикинув свои возможности, она в конце концов пришла к выводу, что если очень постарается, то, пожалуй, сможет писать вполне хорошими печатными буквами.

– Давай попросим у миссис Мэдлок чернил и бумаги, – сказала она Марте. – Попытаюсь написать так, как Дикену надо.

– Не будем мы у миссис Мэдлок просить ничего, – запротестовала

горничная. – У меня есть своя бумага с чернилами. Я, как сюда нанялась, все купила, чтобы писать матушке по воскресеньям. Сейчас принесу.

Она выбежала из комнаты, а Мэри, расхаживая из угла в угол от нетерпения, проговорила:

– Если у меня будет лопата, я там выполю все сорняки и вскопаю всю землю. А если Дикен купит еще и семян, сад совсем оживет.

В тот день ей так и не удалось второй раз попасть в сад, потому что письмо Дикену заняло много времени. Сначала Марта ходила за пером, чернилами и бумагой. Потом понесла грязную посуду на кухню. На кухне ее уже поджидала миссис Мэдлок с новым поручением по хозяйству. Мэри пришлось изрядно помучиться, пока Марта вернулась. А потом они вдвоем очень долго сочиняли письмо.

Вы, наверное, помните, что Мэри очень плохо обращалась со своими гувернантками. Каждая из них задерживалась лишь ненадолго, и потому Мэри писала не слишком уверенно. Но сейчас она очень старалась и неожиданно для себя обнаружила, что получается вполне сносно. Наконец у них с Мартой вышло такое письмо:

«МОЙ ДОРОГОЙ ДИКЕН!

НАДЕЮСЬ, МОЕ ПИСЬМО ЗАСТАНЕТ ТЕБЯ В ТАКОМ ЖЕ ПРЕКРАСНОМ ЗДОРОВЬЕ, КАК У МЕНЯ САМОЙ. У МИСС МЭРИ ОКАЗАЛОСЬ ДЕНЕГ ПРОСТО ПОЛНО. КУПИ ЕЙ В ТУЭЙТЕ ИНВЕНТАРЬ ДЛЯ САДОВОЙ КЛУМБЫ И САМЫЕ КРАСИВЫЕ СЕМЕНА ДЛЯ ЦВЕТОВ. ВЫБЕРИ, КАКИЕ ПОЛЕГЧЕ РАСТИТЬ. МИСС МЭРИ РАНЬШЕ НИЧЕГО НЕ САЖАЛА И ВООБЩЕ ЖИЛА В ИНДИИ. ПЕРЕДАЙ ПОКЛОН МАТУШКЕ, А ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ ВАС ЦЕЛЮЮ. МИСС МЭРИ МНЕ ЕЩЕ НАРАССКАЖЕТ ВСЯКОГО, И В БУДУЩИЙ ВЫХОДНОЙ УЗНАЕТЕ МНОГО ЧЕГО ДРУГОГО ПРО СЛОНОВ, ВЕРБЛЮДОВ И ОФИЦЕРОВ, КОТОРЫЕ НА ТИГРОВ ОХОТЯТСЯ.

ТВОЯ ЛЮБЯЩАЯ СЕСТРА

МАРТА ФЕБА СОУЭРБИ».

– Ну а теперь, мисс Мэри, – принимая из рук у девочки исписанный листок, сказала Марта, – неси сюда деньги. Вложим их вместе с письмом в конверт. Скоро сюда пожалует мальчик-посыльный из мясной лавки. Это закадычный друг Дикена. Он и доставит ему наше письмо.

– А то, что он купит, как нам получить? – забеспокоилась Мэри.

– Как купит, так сам принесет, – объяснила Марта. – Дикен любит хаживать в эти места.

– Значит, я его наконец-то увижу! – воскликнула девочка. – Я даже не надеялась, что выйдет так быстро!

– Так ты хочешь его увидеть? – улыбнулась горничная.

– Ужасно, ужасно хочу! Его лисы с воронами любят! И мне очень надо с ним познакомиться! – с жаром проговорила Мэри.

– Ой, забыла совсем! – с досадой хлопнула себя по лбу Марта. – А ведь собиралась тебе первым делом сказать. Я же все с матушкой обсудила, и она обещала сама попросить миссис Мэдлок.

– Попросить миссис Мэдлок? – удивленно взглянула на Марту девочка. – О чем попросить?

– Как о чем? – с укором отозвалась Марта. – А я думала, тебе и впрямь хочется пойти к нам и отведать матушкиного овсяного пирога с молоком.

– Ну да, очень хочется, – кивнула Мэри, которая наконец вспомнила. – Только, боюсь, миссис Мэдлок все равно меня не отпустит.

– Так я о том тебе и толкую, – продолжала Марта. – Если ты сама отпрашиваться начнешь, миссис Мэдлок, наверное, откажет. Но с матушкой дело другое. Миссис Мэдлок ведь знает, какая она аккуратная и коттедж в большой чистоте содержит.

– И тогда мне удастся пойти в ваш коттедж? – не веря такому счастью, спросила Мэри.

– Матушка полагает, что да, – важно ответила горничная. – А она у меня уж если за что возьмется, всегда в свою сторону перетянет.

Мэри пристально поглядела на Марту.

– Твоя мама совсем не похожа на мам из Индии, – тихо проговорила она. – По-моему, тебе с ней повезло.

– А я о чем! – засмеялась девушка.

Потом они довольно долго сидели рядышком на ковре и просто молчали. Этот день принес множество новостей, и Мэри надо было помолчать и подумать. Только когда Марта собралась уходить, она вдруг спросила:

– А что, у этой судомойки опять зуб разболелся?

Марта почему-то вздрогнула.

– С чего ты взяла?

– Потому что я ждала-ждала, пока ты вернешься с чернилами, а потом приоткрыла дверь, – принялась объяснять девочка. – Мне хотелось послушать, идешь ты уже или нет? И тут вдалеке опять кто-то плакать начал. В точности как в тот вечер. Но сегодня ветра-то нет. Значит, мне не могло послышаться.

– Ну вот что, – испуганно прошептала горничная. – Тебе никак нельзя

слоняться по коридорам и там подслушивать. А то мистер Крейвен прознает и жутко рассердится.

– Я не слоняюсь и ничего не подслушиваю, – обиделась Мэри. – Я просто тебя ждала. Может быть, мне и ждать тут нельзя никого? – с вызовом спросила она.

– Нет, ждать, наверное, можно, – смущенно ответила Марта.

– Вот я и ждала и не просила, чтобы кто-нибудь начинал плакать. Но где-то все-таки плакали.

Марта хотела ответить, но тут снизу послышался звон колокольчика.

– Миссис Мэдлок! Миссис Мэдлок меня зовет! – запричитала она и кинулась вон из комнаты.

Оставшись в одиночестве, девочка свернулась в широком кресле и устроила голову на подлокотник.

– Все-таки этот дом очень странный, – зевая, проговорила она.

Пару минут спустя она уже крепко спала.

Глава X

ДИКЕН

Почти всю неделю Таинственный сад нежился под солнечными лучами. И каждый день сюда приходила Мэри. Она чувствовала себя тут словно в королевстве какого-нибудь волшебника, который нашел ее, подхватил и унес далеко-далеко от обычного мира. Мэри пока прочитала совсем мало книг. В основном это были сказки, и среди них она больше всего любила такие, герои которых оказывались в таинственных садах. Иные леди, правда, по мнению Мэри, вели себя совсем глупо. Они засыпали в садах на целых сто лет. Мэри так не поступила бы даже раньше, в Индии. Теперь же и вовсе ей не до сна.

Мэри все больше нравилось проводить время на улице. Даже порывистый ветер с пустоши теперь несколько не раздражал ее. Бегала она куда лучше прежнего, а с прыгалками могла проскакать целых сто раз подряд. Луковицы в саду тоже отнимали у нее много времени, – она пропалывала и рыхлила землю вокруг. Если бы результаты ее труда увидел Бен Уэзерстафф, он бы тут же сказал, что луковицам теперь стало легче дышать, они повеселели и начали там, под землей, работать вовсю.

Мэри была по натуре настойчива. Если что-то ее увлекало, она не жалела сил. Теперь у нее появился Таинственный сад, как неизменно она называла сад миссис Крейвен. Он требовал от Мэри заботы, и она изо дня в день полола, рыхлила, копала. Разумеется, это было ей нелегко. Зато какая радость охватывала ее всякий раз при виде еще одного прополотого ростка или расчищенной клумбы. Мэри словно играла в увлекательную игру, и она захватывала ее все сильнее и сильнее. К тому же зеленых ростков оказалось такое множество, что Мэри едва успевала.

Однажды ей вспомнились слова Марты о луковицах. «Если вообще все луковицы могут сами о себе позаботиться, когда им никто не мешает, – подумала Мэри, – то мои, наверное, научились заботиться о себе лучше всех. Ведь им уже десять лет никто не мешал. Интересно, какие из них выйдут цветы?»

Она закрыла глаза и попыталась представить себе Таинственный сад в зелени и цветах. Мэри уже поняла, что какие-нибудь растения в нем обязательно будут. Теперь ее больше всего тревожили розы, но определить, живы они или нет, без мистера Уэзерстаффа она не могла.

Впрочем, за последнее время их отношения со старым садовником явно улучшились. Правда, Мэри соблюдала некоторые предосторожности. Например, всегда старалась подкрасться к старому Бену как можно тише.

– Ты прямо из-под земли вырастаешь, – буркнул однажды он. – Так и напугать можно.

Но Мэри совсем не хотела его пугать. Она просто боялась, что, заметив ее издали, старый Бен может уйти, и тогда с ним, конечно, не поговоришь. Она ведь не знала, что садовник уже успел к ней привыкнуть. Теперь ему было даже приятно, что Мэри ищет с ним встреч. Тем более что и сама она стала вести себя куда лучше, чем во время первого их знакомства.

Прошло еще немного времени, и даже внезапные появления Мэри перестали его раздражать.

– Ну, вылитый Робин! – смеялся садовник. – Он тоже всегда неясно откуда появится.

– Он теперь со мной тоже дружит! – гордо призналась Мэри.

– С него станет, – ответил Бен Уэзерстафф, и за напускным равнодушием в его голосе послышалась ревность. – Вечно ему надо полюбезничать с женским полом. Тут он на все способен, только бы его перышки похвалили. Вот тщеславная птица!

Старый Бен не слишком-то часто удостаивал Мэри большими речами. Обычно говорила она, а садовник отвечал «да» или «нет», а то и вообще отмалчивался. Но сегодня он, видимо, был настроен как следует побеседовать. Выпрямившись, он смерил девочку внимательным взглядом.

– Сколько ты уже здесь живешь? – тихо спросил он.

– Почти месяц, – отозвалась Мэри.

– Теперь мне уж точно видать: не зря ты у нас поселилась, – хмыкнул от удовольствия Бен Уэзерстафф. – И лицо вроде не такое ужасно желтое, и щеки хорошо округлились. А то как первый раз вышла в сад, я и подумал: «Что это за такого цыпленка оципанного привезли мистеру Крейвену из-за моря?» За все свои годы никогда еще в детях подобного страхолюдства не видел.

Мэри слова садовника не задела лишь потому, что она никогда не придавала особенного значения своей внешности.

– Правильно, мистер Бен, – просто отвечала она. – Я тут у вас потолстела и чувствую себя хорошо. И даже чулки перестали морщиться на ногах. Ой! – вдруг заметила она Робина. – А вот и наш друг прилетел!

Сегодня Робин показался Мэри даже красивее, чем всегда. Он прыгал кругами, и красная его грудка переливалась на солнце не хуже атласа. Он

явно ждал похвалы от садовника, но тот поглядывал на него с явным неодобрением.

– Ах ты, ух ты! – проворчал мистер Бен Уэзерстафф. – Никак, сегодня решил снова ко мне пожаловать? Оно конечно. Если больше не к кому, сгодится и старина Бен. А так можно и две недели не вспоминать обо мне, верно ведь? Интересно, за кем ты все это время там увивался? Нашел, наверное, себе молодку и врал ей, что малиновки лучше Робина во всей пустоши не найти. Тут уж я тебе не...

– Вы только посмотрите, посмотрите на него, мистер Бен! – не дала договорить садовнику Мэри.

Бен Уэзерстафф умолк и уставился на Робина. Тот был настроен явно по-боевому. Он вызывающе поглядывал на садовника и подбирался к нему все ближе и ближе. Внезапно он вспорхнул на куст смородины и начал петь.

– Теперь он решил меня вот чем пронять, – нахмурился Бен Уэзерстафф.

Но едва Мэри посмотрела ему в глаза, как поняла, что на самом деле песня Робина его очень растрогала. Просто он не хотел показывать вида.

– Думаешь, перед тобой ни одна живая душа устоять не может? – продолжал ворчливо садовник.

Робин умолк, внимательно поглядел на него и вдруг опустил прямо на черенок лопаты. Мэри застыла от изумления. И садовник – тоже. Теперь его морщинистое лицо озарилось нескрываемой нежностью. Боясь спугнуть птицу, он почти одними губами проговорил:

– Вот ведь какой. До чего верно все чувствует.

Так и стоял Бен Уэзерстафф, боясь сменить позу. Но даже и после того, как Робин взмыл в небо, садовник еще какое-то время не решался коснуться лопаты, словно хотел навсегда оставить ее в земле. Заметив, что Мэри внимательно на него смотрит, он смущенно улыбнулся и начал снова копать. А Мэри уже совсем не боялась Бена. Она чувствовала, что отныне может с ним говорить, о чем ей захочется. И, не собираясь пренебрегать подобной возможностью, тут же спросила:

– А у вас есть свой собственный сад, мистер Бен?

– Нету. Я холостяк. Живу совместно с Мартином в сторожке у самых ворот, – отрывисто ответил садовник.

– А если бы у вас был сад, – не собиралась отступать Мэри, – что бы вы там посадили?

– Картошку, капусту и лук, – уверенно ответил Бен Уэзерстафф.

– А в цветнике? – упорно следовала к намеченной цели девочка.

– То, что растет из луковиц, цветы с ароматом и много роз, – с еще большей определенностью проговорил садовник.

– Значит, вы любите розы? – выдохнула Мэри, и глаза у нее загорелись.

Бен Уэзерстафф выкопал сорняк из земли и, бросив в кучу, ответил:

– Кто ж их не любит. Розы мне давно нравились, а молодая леди еще больше к ним приучила. А она их любила не меньше детей или там... малиновок, – замялся на мгновение Бен. – Сам сколько раз подмечал: наклонится над розой и поцелует украдкой.

Он выполнял новый сорняк и, отправив его вслед за предшественником, добавил:

– Только все это было давно, и уже десять лет как закончилось.

– Где же теперь молодая леди? – сочла Мэри за лучшее не показывать вида, что знает.

– В раю, – горестно произнес садовник, – так мне наш пастор сказал.

– А розы? – поглядела девочка прямо в глаза старому Бену.

– Забросили, – похоже, на кого-то рассердился садовник.

– И они все погибли? – опустила голову Мэри.

– Да не совсем чтобы так, – упорно глядя куда-то в сторону, отвечал Бен Уэзерстафф. – Молодая леди была хорошей. И цветы ее – тоже. Вот я в память о ней к цветам иногда и наведываюсь. Прополю там, обработаю понемногу. Иные, конечно, дичают. Но земля там хорошая, и большинство роз пока держится.

И тут Мэри решила выяснить самое главное:

– Мистер Бен, а как вы определяете, живы розы или не живы, когда зимой на них листьев нет, и они все стоят сухие и голые?

– А ты весны подожди, мисс. Как солнце на розы засветит и дождичек выльется, сама все увидишь.

– Что я увижу? Что, мистер Бен? – подалась вперед девочка.

– Гляди в оба на ветки и все увидишь, – принялся объяснять садовник. – Вначале возникнут коричневые комочки. А после первого теплого дождика – жди. Если роза живая, комочки миглом начнут себя проявлять.

Мэри от напряжения покраснела и даже открыла рот. Садовник это заметил.

– И с чего это ты так розами увлеклась? – с подозрением покосился он на нее.

Мэри покраснела еще сильнее.

– Мне хочется поиграть в свой сад, – переминаясь с ноги на ногу,

выдавила она из себя. – Мне ведь совсем делать нечего и играть совсем не с кем.

– Тут ты права, – еще внимательней поглядел на свою собеседницу старый Бен.

Он ей явно сочувствовал, и Мэри, которая не была избалована вниманием близких, очень этому удивилась. Она не привыкла себя жалеть. Правда, раньше она часто злилась, когда уставала или когда видела неприятных людей. Но теперь раздражительность куда-то ушла, а усталости она, казалось, и вовсе не чувствует. И еще у нее появился Таинственный сад. Мэри не сомневалась: если она сумеет его сласти, он наверняка будет дарить ей радость.

Она еще минут десять подряд засыпала Бена Уэзерстаффа вопросами, а он отвечал в обычной своей ворчливой манере. И все-таки Мэри чувствовала, что сегодня его отношение к ней изменилось. Во-первых, он беседовал с ней даже с некоторым удовольствием, а во-вторых, совсем не старался сбежать. Мэри уже открыла рот, чтобы до завтра распрощаться с садовником, но тот вдруг снова заговорил о розах. И тогда она решила задать напоследок еще вопрос:

– Мистер Бен, вы и сейчас ходите навещать розы в тот сад?

– В этом году не пришлось, – нахмурился тот. – Ревматизм у меня разыгрался. – Внезапно губы старого Бена скривились, и он закричал: – Слушай-ка ты! Брось ко мне приставать со своими расспросами! У меня от твоего голоса в голове гудит. Давай-ка отсюда проваливай. У тебя что, дела своего нет?

Мэри в испуге попятилась. Садовник повернулся спиной и изо всех сил заработал лопатой. Остаться тут дольше было бессмысленно, и Мэри вприпрыжку побежала к садам. На старого Бена она не обиделась. Пусть он себя ведет очень странно, но по-прежнему нравится ей. Она и дальше будет к нему ходить, потому что разговаривать с ним интересно. И знает он обо всех растениях и цветах на свете.

Размышляя о старом Бене, Мэри пробежала до конца всю дорожку вдоль ограды Таинственного сада. Дальше, за узкой калиткой, начинался парк. Мэри открыла калитку и вышла. Ей давно уже хотелось посмотреть, не водятся ли в парке Мисселтуэйт Мэнора кролики? Не успела она сделать и десяти шагов, как рядом послышался свист. «Что это может быть?» – заинтересовалась девочка. Оглядевшись, она почти сразу поняла, в чем дело. Недалеко от тропинки уселся под деревом мальчик. Он играл на самодельной дудочке, и никогда еще Мэри не слышала такой забавной мелодии. Впрочем, и мальчиков, подобных этому, Мэри тоже не

приходилось встречать. На вид ему было лет двенадцать. Щеки его алели как мак, огромные голубые глаза занимали добрую треть лица. Ярко-рыжие пряди волос выбивались во все стороны из-под фуражки, а одежда, несмотря на явную бедность, была очень чистой.

Мальчик все играл и играл на дудочке. Вдруг по стволу дерева спустилась белка и замерла прямо над его головой. Приглядевшись, Мэри обнаружила и других «слушателей». Фазан подсматривал из-за куста, а у самых ног мальчика, втягивая воздух трепещущими ноздрями, сидели два кролика. Казалось, еще немного, и на звуки дудочки сбегутся все звери в парке.

Завидев Мэри, мальчик приветственно поднял руку.

– Только не шевелись, – велел он, и голос его прозвучал почти так же, как дудочка. – Иначе мне всех зверей распугаешь.

Мэри замерла на месте. Мальчик убрал в карман дудочку и начал медленно подниматься с земли. Мэри даже не представляла себе, что такое возможно. Мальчик будто вообще не двигался, и когда он все же встал на обе ноги, ей это показалось настоящим чудом.

Едва он выпрямился, белка вскарабкалась на вершину дерева, фазан укрылся в кустах, а кролики убежали. Однако, похоже, никому из зверей мальчик не внушал страха. Чувствовалось, что они укрылись где-то неподалеку и оттуда с интересом наблюдают за ним.

– Меня зовут Дикен, – представился мальчик. – А ты, наверное, мисс Мэри?

Мэри кивнула. Она не удивилась, что новый знакомый назвал себя Дикеном. Никем иным он просто и быть не мог. Она это сразу почувствовала, как только заметила его под деревом с дудочкой.

– А вставал я так медленно потому, что иначе звери бы испугались, – принялся объяснять Дикен. – Когда среди животных находишься, надо двигаться осторожней и говорить тихо.

Дикен улыбнулся, и, так как рот у него был довольно большой, улыбка получилась на пол-лица. Мэри сразу почувствовала себя с ним так, будто они были давно знакомы. И потому, не стесняясь, спросила:

– Ты получил от Марты письмо?

Дикен энергично закивал.

– С чего бы иначе я сюда к вам пожаловал? – Он наклонился, поднял с земли сверток и протянул девочке. – Тут тебе весь инвентарь для клумбы – лопата, грабли, вилы и таяпка. Я сам проверил, по-моему, отличного качества. Я тебе еще и садовый совок прикупил. Тоже, наверное, пригодится. И семян набрал достаточно. А продавщица к моему выбору

добавила семена мака и голубого шорника.

– Покажи, покажи семена! – приблизилась Мэри вплотную к мальчику.

От Дикена пахло вереском, листьями и травой. Он словно был частью пустоши, и это еще больше расположило Мэри к нему.

– Садись сюда, – опустилась она на какое-то бревно, – и давай рассмотрим все, что ты мне принес.

Мальчик сел рядом с ней. Он извлек из кармана коричневый сверток и развернул. Там оказалось много пакетиков, и на каждом из них было изображено по какому-нибудь цветку.

– Резеды и мака я взял побольше, – объяснил Дикен. – Резеда так пахнет приятно. Где ее ни посадишь, непременно взойдет. И мак такой же. Только свистни – и цветы тут как тут. В этом-то и вся прелесть.

Дикен прислушался к звонким трелям, которые неслись из кустов.

– Ну и певец! – восхитился он. – Это малиновка. И она кого-то из нас зовет.

– А почему ты думаешь, что зовет? – спросила девочка.

– Знаю, – уверенно отозвался Дикен. – По голосу слышу. Эта птица зовет того, с кем знакома. И очень хочет покрасоваться. Да вон она в том кусте сидит.

– Это Робин, – разглядела малиновку Мэри. – Он – друг старого Бена Уэзерстаффа. И со мной теперь тоже немножко дружит.

– Ну! Говорил же, что он зовет, кого знает! – с торжеством произнес Дикен. – И он вроде сильно к тебе привязался. Сейчас он все сам мне расскажет.

С этими словами мальчик подкрался поближе к кусту и издал несколько трелей, которые было почти невозможно отличить от пения малиновки. Робин замер и внимательно выслушал. А когда Дикен умолк, отозвался еще более звонкой песней.

– Я был прав, – улыбнулся Дикен. – Он мне сказал, что очень любит тебя.

– Ну да? – обрадовалась девочка. – Ты ничего не путаешь, Дикен?

– Чего уж тут путать! – махнул рукой тот. – Подпустил бы он тебя так близко к себе, если бы относился плохо. Птицы вообще очень чуткие, а малиновки чутче всех. И в людях они хорошо разбираются. Слышишь, Робин снова заговорил. Он очень просит, чтобы ты на него обратила внимание.

Похоже, Робин именно этого и добивался. Он отпускал трели все звучнее и продолжительнее, а потом от нетерпения даже выглянул из куста.

– Неужели ты действительно понимаешь по-птичьи? – изумленно

спросила Мэри у Дикена.

– Вроде бы так, – почесывая затылок, отозвался тот. – Я столько с ними со всеми вожусь там, на пустоши. И много раз видел, как птенцы из яиц вылупляются. И как после летать первый раз начинают. Мне иногда вообще кажется, будто я им родней прихожусь.

– Родней? – засмеялась Мэри.

– Ну да, – ответил ей широкой улыбкой Дикен. – На меня иногда вроде как что-то находит. То представляю, будто я птица, или, там, белка, или какое-нибудь насекомое...

Он вернулся к бревну и снова сел. Мэри пристроилась рядом.

– Слушай, а давай я тебе сам цветы посажу, – вдруг предложил мальчик. – Пойдем прямо сейчас в твой сад.

Мэри крепко вцепилась руками в колени и словно окаменела. «Что теперь делать? – в панике размышляла она. – Как я могу повести его в Таинственный сад?»

– Ты чего это мучаешься? – первым нарушил молчание Дикен. – Есть у тебя сад?

Мэри покраснела. Потом побледнела.

– Есть, – наконец с трудом выговорила она.

– Чего ж не ведешь? – совсем удивился мальчик. – У меня уже просто руки чешутся эти все семена посадить.

Мэри опустила голову и снова умолкла. Дикен заподозрил что-то неладное, но истолковал это не совсем верно.

– Ну и люди в этом доме живут! – осуждающе произнес он. – Неужто они тебе даже клочка земли пожалели для насаждений?

– Нет, – внезапно решила признаться Мэри и еще сильнее сжала руками колени. – Я не очень еще хорошо знаю мальчиков, – шепотом продолжила она, – ты сможешь меня не выдать, если я тебе расскажу? Только учти: это очень большой секрет. Если тут кто-то узнает, по-моему, мне лучше вообще перестать жить.

– Вообще-то я верно храню секреты, – еще старательней начал чесать затылок Дикен. – Если бы я не держал язык за зубами про то, что на пустоши вижу, мальчишки давно бы уже разорили все гнезда и норы. И твой секрет уж как-нибудь сохранить постараюсь, мисс Мэри.

Мэри вплотную придвинулась к Дикену.

– Я... украла... сад... – вцепилась она в рукав его куртки.

– Украла сад? – оторопел Дикен. Он просто представить себе не мог, как можно украсть чей-то сад, и с нетерпением ждал разъяснений.

– Ну да, украла, – гораздо быстрее прежнего произнесла девочка. – Он

не мой и вообще теперь совершенно ничей. В него никто не ходил и никто не заботился. Понимаешь, никому, никому он не нужен! – с отчаянием продолжала она. – Может быть, там вообще уже все погибло. Я сама не умею определять!

Она так разволновалась, что на какое-то мгновение стала прежней Мэри-наоборот.

– Все равно! Все равно! – затопала ногами она. – Никому не дам у меня отобрать мой сад! Они сами его закрыли и оставили умирать! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

И, уткнувшись в ладони, Мэри горько заплакала. Дикен с сочувствием глядел на нее.

– Вот, значит, какие дела, – ласково проговорил он, когда девочка успокоилась.

– Мне совсем нечего делать, – виновато отозвалась Мэри. – И у меня нет никого такого, с кем можно играть. А когда я свой сад нашла, мне стало так хорошо! Ну что тут плохого, а? – вопрошающе посмотрела она на Дикена. – Робин ведь тоже в этом саду живет, и никто его оттуда не прогоняет. Разве мне нельзя так же, как он?

– Где он, твой сад? – вместо ответа тихо осведомился мальчик.

– Пойдем, и увидишь, – с многозначительным видом поднялась на ноги Мэри. – Тебе, пожалуй, все-таки можно его показать.

Она повела его вдоль кустов лавра к стене, увитой плющом. Мэри старалась ступать как можно тише. Шагов Дикена и вовсе не было слышно. Он привык выслеживать гнезда и норы и теперь чувствовал себя так, будто идет за какой-то диковинной птицей. Но даже многоопытный Дикен не мог предположить, что под густым ковром из плюща прячется дверь. Мэри заметила его удивление, и это ей было очень приятно.

– Вот мой Таинственный сад! – распахнув дверь, гордо проговорила она. – По-моему, только я и хочу, чтобы тут продолжало все жить.

Дикен вошел внутрь и остановился.

– До чего же красиво тут, – медленно поводя головой из стороны в сторону, прошептал он. – Будто вообще мне все это снится.

Глава XI

ГНЕЗДО МЭРИ ЛЕННОКС

Дикен озирался по сторонам еще минут пять, а потом тихо пошел вперед. Он оглядел деревья, опутанные серыми стеблями ползучих роз, переплетения корней среди травы, и плющ на кирпичных стенах, и беседки, увитые вечнозелеными растениями, и красивые вазы, в которых раньше, наверное, были какие-нибудь замечательные цветы.

– Ух ты, – выдохнул наконец Дикен. – Я и не мечтал увидеть когда-нибудь это место.

– Так ты знаешь о саде! – изумленно воскликнула девочка.

– Тише, тише, – предостерег Дикен. – Нельзя нам с тобой говорить тут так громко. Вдруг кто-то случайно мимо пройдет?

– Ой, – спохватилась Мэри, – совсем забыла. Правильно, Дикен. Нам нельзя никому себя выдавать.

Они постояли молча. Потом девочка едва слышно спросила:

– Откуда ты знаешь об этом саде?

– Марта рассказывала, – прошептал ей на ухо мальчик. – Как она начала говорить про сад, в который много лет никто не заходит, мы все прямо уши развесили. Я еще тогда про себя подумал: «Вот интересно бы хоть одним глазом увидеть, как там все выглядит!» Но я и не думал на самом деле сюда попасть.

И он снова начал озираться по сторонам с таким видом, будто боялся хоть что-нибудь упустить.

– Да-а, – наконец удовлетворенно протянул он. – Знаешь, сколько тут гнезд к весне будет! Наверное, во всей Англии птицам не сыскать места безопасней, чем этот сад. Людей нет, а деревьев и кустов роз полно. Строй себе среди них гнезда – никто не помешает и не разорит. Удивляюсь, как сюда еще все птицы из пустоши не перебрались?

Мэри сама не заметила, как взяла Дикена за руку.

– Как ты думаешь, эти розы будут цвести, когда станет совсем тепло? – шепотом спросила она. – Ты можешь это определить, Дикен? А то я иногда боюсь, как бы они тут все не погибли.

– Может, какие-нибудь и погибли, но не все, – уверенно отвечал мальчик.

Он шагнул к ближайшему дереву. Кора его от старости поросла серым

лишайником. С ветвей свисали перепутанные стебли ползучих роз. Вытащив из кармана перочинный ножик с огромным количеством лезвий, Дикен открыл одно из них.

– Сушняка тут и впрямь много, – принялся объяснять он Мэри. – Его весь обязательно надо срезать. Но еще больше здоровых ветвей. Видишь? – указал он лезвием ножа на зеленый побег среди коричневых сучьев. – Этот живой.

– Совсем живой? – осторожно коснулась пальцем побега девочка.

– Совсем, – потрянул головой Дикен.

– Как же я рада, – из последних сил сдерживаясь от победного возгласа, шепнула Мэри. – Дикен, – с надеждой поглядела она на мальчика. – Ты ведь мне сможешь про все тут сказать? Что еще совсем живо, а что уже умерло?

– Ну да, смогу, – с жаром откликнулся тот.

Ему все больше передавалось воодушевление Мэри. Так же, как и она, он считал крайне несправедливым, что Таинственный сад бросили на произвол судьбы. И ему не меньше, чем девочке, захотелось спасти хотя бы часть этих прекрасных растений.

– Мы с тобой вот как, пожалуй, сделаем, – по-взрослому рассудительно проговорил он. – Сперва обойдем все, посмотрим, а там уж и будем решать, какие работы потребуются.

Медленно двигаясь по саду, они останавливались у каждого куста и у каждого дерева, и почти всюду Дикен находил что-нибудь необычное. Мэри оставалось лишь удивляться, почему она сама раньше не обнаружила зелени на стволе, который казался засохшим, или еще какого-нибудь признака жизни среди всеобщего запустения.

– Розы тут одичали, – солидно изрек наконец Дикен. – Какие были слабее, погибли. А сильные, наоборот, окрепли и разрослись во все стороны. Вот сама взгляни.

Он потянул на себя толстую ветку серого цвета. По виду она показалась Мэри совершенно сухой. Девочка уже раскрыла рот, чтобы высказать свои сомнения Дикену, но мальчик опередил ее.

– Думаешь, она умерла, да? – лукаво взглянул он на Мэри. – А вот посмотри, что сейчас будет.

Он наклонился и скovyрнул ножом кору на ветке у самого корня. Мэри тоже наклонилась. Сквозь надрез явственно проступала зелень.

– Видишь? Она жива, – сказал Дикен. – Так вот всегда и определяй. Если в сердцевине хоть немного сока и зелени найдется, значит, дерево живо. А когда в дереве совсем жизни не останется, оно целиком высыхает,

и сломать его очень легко. От этого корня много новых побегов растет, – показал он на ростки рядом. – Если срезать все старые, как следует почистить вокруг...

Дикен умолк и, обведя мечтательным взором сад, добавил:

– Если нам с тобой хорошо потрудиться, тут к лету будет роз знаешь сколько!

Они пошли дальше. Вскоре девочка уже научилась сама распознавать живые розы и, обнаруживая здоровый побег или корень, приходила в бурный восторг. Потом они с Дикеном обновили садовые инструменты. Дикен взялся за лопату, а Мэри научил работать вилами, и она помогала ему рыхлить землю.

Они уже почти привели в порядок одну из самых крупных штамбовых роз в саду, когда, взглянув на площадку в нескольких метрах от них, Дикен прошептал с удивлением:

– А это, интересно, кто сделал?

Мэри подняла голову. Дикен показывал на клочок земли, который она выколола сама.

– Это я, – отозвалась девочка.

– А говорила, совсем ничего про сады не знаешь, – недоверчиво покосился на нее Дикен.

– Конечно, не знаю, – подтвердила Мэри. – Просто я эти ростки пожалела. Мне показалось, если вырвать траву вокруг них, им станет легче. А что, я неправильно сделала?

– Ты сделала как раз то, что надо, – улыбнулся Дикен. – Никакой садовник лучше бы не придумал. И как хорошо ты со всем этим справилась! Теперь твои ростки вытянутся не хуже, чем бобовый стебель Джека в сказке.

– Но я даже не знаю, какие тут будут цветы, – смущенно проговорила Мэри.

– Это совсем просто. Здесь вот жди крокусов, здесь – подснежников, а вот тут будут нарциссы, – поочередно указывая на ростки пальцем, принялся объяснять Дикен. – Когда они все зацветут, настанет такая красота, как из сказки.

Он тщательно обследовал еще несколько небольших площадок, над которыми потрудились Мэри.

– Ну, ты молодец, – снова похвалил Дикен. – Прямо не понимаю, как девочка вроде тебя на такое осмелилась.

– Но я же стала теперь гораздо сильнее, – ответила Мэри. – Это раньше, в Индии, я ничего не делала и все-таки уставала. А теперь работаю

тут и работаю и чувствую себя все лучше и лучше. А больше всего, когда я копаю, мне нравится запах земли.

– И хорошо, что нравится, – явно обрадовался Дикен. – Потому что запах земли тебе принесет много пользы. И запах растений тоже. Особенно когда их дождик умоет. Знала бы ты, как я это люблю, мисс Мэри! Я всегда стараюсь в дождь улизнуть на пустошь. Лягу там под кустом и слушаю, как капли шуршат в вереске. И запах там тогда – просто чудо. Матушка говорит, у меня в такие моменты даже ноздри дрожат, как у кролика.

– Но так же ведь простудиться можно, – забеспокоилась Мэри.

– Какое там, – беспечно махнул рукой мальчик. – Ни разу еще не болел. Может, потому, что никто надо мной не трясется. А может быть, как матушка говорит, за двенадцать лет жизни столько нанюхался разного полезного воздуха, что теперь никакой хвори меня не взять.

На протяжении всей этой беседы и он, и Мэри продолжали работать. Наконец Дикен воткнул в землю лопату и выпрямился.

– За сегодня мы все не переделаем, – солидно изрек он. – Тут еще знаешь сколько надо трудиться!

– Но ты ведь еще придешь мне помочь, правда, Дикен? – с надеждой поглядела на него Мэри. – Я буду стараться тебе помогать и всегда буду слушаться.

– Ладно, приду, если хочешь, – заверил Дикен. – Только тогда давай уж условимся: я буду приходить каждый день и в солнце, и в дождь. Потому что, если мы будем ждать для работы одной хорошей погоды, нам тут с тобой не управиться. А вообще-то, мисс Мэри, ни разу мне еще так интересно не становилось. Как ты меня сюда привела, я все думаю, сумеем мы или нет разбудить этот сад. И мне, признаться, охота, чтобы все у нас с тобой вышло.

– Вместе у нас, по-моему, выйдет, – уверенно прошептала Мэри. – Какой ты хороший, Дикен. Просто не знаю, что мне для тебя сделать.

– Зато я знаю, – засмеялся тихонько мальчик. – Ты для меня будешь побольше есть, наберешь еще больше здоровья, научишься разговаривать с Робинном, и мы станем отлично проводить время.

Дикен медленно побрел по саду, вновь и вновь оглядывая деревья, кусты и поросшие плющом стены.

– Только давай тут не будем делать, как обычно садовники делают, – предложил он. – По-моему, у нас не должно быть все ровно подстрижено, и ровных дорожек тоже не надо. Смотри, как красиво тут ветви переплетаются.

– Конечно, Дикен, – немедленно согласилась Мэри. – Нам не надо тут

никаких ровных дорожек и кустиков. Ведь это Таинственный сад. Нам надо только все так тут сделать, чтобы было побольше роз и других цветов.

– Верно, – кивнул мальчик.

И тут Мэри почувствовала, что никогда не забудет этого дня. Ведь именно сегодня ее сад впервые за десять лет начал жить. Когда же Дикен, походив немного между деревьями, решил, что сегодня, пожалуй, стоит расчистить площадку для семян, Мэри обрадовалась еще больше. Они снова принялись за работу. Внезапно девочке пришла на ум песенка, которую там, в Индии, сочинил этот противный Безил.

Мэри-все-наоборот,
Ах, как садик твой растет!
Колокольчики, ракушки,
Ноготки, а в них – лягушки!

– Слушай, Дикен, а бывают цветы, которые похожи на колокольчики? – спросила она.

– Конечно, – отвечал тот, – у ландышей цветы на колокольчики очень похожи, а еще есть цветы, которые так, колокольчиками, и называют. И еще есть садовые колокольчики. Они крупнее обыкновенных.

– Как бы мне хотелось увидеть их! – с тоскою вздохнула девочка. – Может быть, ты достанешь мне семена, Дикен?

– Могу и достать, – отозвался тот. – Но если посадишь семена, первые цветы колокольчиков появятся только через два года. Тебе ведь быстрее хочется. Вот я и думаю, лучше мне выкопать саженцы у себя в саду и здесь посадить. Тогда колокольчики уже этой весной расцветут. Только я никак не пойму, чем они тебе так уж понравились?

Тогда Мэри рассказала о Безиле, его братьях и сестрах, и о дразнилке, которую они для нее придумали, и о том, что в Индии не росло ничего, похожего на колокольчики.

– Но вообще-то они сами были еще больше наоборот, чем я, – мрачно закончила она свой рассказ.

– Ну, ясно, – весело протянул Дикен. – Только не понимаю я чего-то, мисс Мэри. Зачем делать все наоборот, когда вокруг такая стоит красота, и звери разные устраивают себе жилье, и птицы ноют и свистят. По-моему, нет ничего лучше, чем слушать, как вся природа переговаривается.

Его слова вернули девочке хорошее расположение духа. Опустившись на колени, Мэри принялась сажать семена. Вдруг она подняла голову и снизу вверх поглядела на Дикена.

– Теперь я вижу: ты правда точно такой же добрый, как о тебе Марта рассказывала, – многозначительно проговорила она. – Ты мне очень, очень понравился, Дикен. Ты уже пятый мне здесь понравился, а раньше, там, в Индии, я вообще совсем никого не любила.

– Пятый? – заинтересовался Дикен. – А кто остальные четверо?

– Твоя мама, Марта, – принялась с торжественным видом загибать пальцы Мэри, – Робин и мистер Бен Уэзерстафф.

Услышав имя садовника, Дикен так громко захохотал, что вынужден был зажать рот руками.

– Ну, мисс Мэри, – давась от смеха, проговорил он. – Я думал, страннее меня в этих местах уже никого не придумать, но ты, пожалуй, похлеще будешь.

– Но ведь я тебе... нравлюсь? – осведомилась с надеждой девочка.

– А то! – немедленно разрешил все сомнения Дикен. – По-моему, ты девочка что надо. И Робин точно так же считает. Он мне сам говорил.

– Выходит, я вам обоим нравлюсь! – совсем развеселилась Мэри. – Ну, давай еще поработаем.

Они засеяли вскопанный участок цветами, а потом вскопали еще небольшую площадку земли. Тут со двора послышался бой часов. Наступило время обеда.

– Жалко, что мне надо идти, – с досадой сказала девочка. – Но, наверное, тебе тоже пора обедать, да, Дикен?

Дикен фыркнул.

– Нет, у меня по-другому немного, – объяснил он. – Весь мой обед у меня в кармане. Я как соберусь куда после завтрака, матушка мне завернет с собой чего-нибудь вкусенького.

Он наклонился и, подняв с земли куртку, извлек из кармана что-то в белоснежном носовом платке. Когда Дикен развязал его, внутри оказались два сложенных вместе ломтя хлеба, между которыми виднелся небольшой кусок мяса.

– О! – с довольным видом оглядел мальчик кушанье. – Обычно матушка мне дает просто хлеб. А сегодня, я вижу, решила побаловать меня и беконом. Вот уж поем так поем.

Мэри сочла такой обед очень странным. Однако Дикен, похоже, придерживался иной точки зрения, и девочка решила на сей счет не высказываться.

– Иди, иди, тебе уже пора есть, – сказал новый друг. – Я сейчас тоже поем прямо тут, потом еще чуть-чуть поработаю, а уж после домой пойду.

Он сел в тени дерева, поудобнее прислонился спиной к стволу и

откусил солидный кусок бутерброда. «А про Робина-то я и забыл! – вдруг вспомнил он. – Малиновки очень ведь сало любят. Угощу-ка его кусочком бекона».

В это время Мэри, уже почти дойдя до калитки, развернулась и побежала обратно к Дикену.

– Обещай никому никогда ничего не рассказывать! – выпалила она. – Пожалуйста, не рассказывай, Дикен, даже если что-нибудь произойдет!

– Да мы же уже условились с тобой обо всем, мисс Мэри, – ответил с полным ртом Дикен. – Ну, сама посуди. Если бы какая-нибудь птица мне показала свое гнездо, мог бы я выдать ее? Нет, мисс Мэри, не мог бы. И ты, пожалуйста, не тревожься. Иди обедать.

Глава XII

МОЖНО МНЕ СВОЙ КУСОЧЕК ЗЕМЛИ?

Весь путь от сада до дома Мэри пробежала без остановки. Щеки ее покраснелись, волосы были всклокочены. В комнате на столе ее давно уже ждал обед, а подле стола – Марта.

– Что-то опаздываешь ты у меня сегодня, мисс Мэри, – сказала она. – Где пропадала?

– Я видела Дикена! Видела Дикена! – едва переводя дух после быстрого бега, воскликнула девочка.

– Ну да, он сегодня собирался прийти, – спокойно отозвалась Марта. – Как он тебе, понравился?

– По-моему, он просто прекрасен! – выпалила в ответ Мэри.

Марте было приятно это услышать, но все же такой ответ несколько озадачил ее.

– Вообще-то лучше нашего Дикена и впрямь трудно сыскать мальчишку, – задумчиво проговорила она, – но с его прекрасностью ты, мисс Мэри, по-моему, немного перехватила. У него слишком нос курносый.

– А мне такие носы нравятся! – решительно возразила девочка.

– И глаза у него прямо круглящие, – продолжала Марта, – это вроде бы тоже не слишком красиво...

– Как ты можешь! – возмущенно всплеснула руками Мэри. – У Дикена глаза очень красивые. Как небо над пустошью.

– Это ты верно заметила, – зарделась от удовольствия Марта. – И матушка то же самое говорит. Она считает, у Дикена такого цвета глаза потому, что он вечно смотрит на облака и на птиц. А вот рот у него все-таки, выходит, великоват. С этим, думаю, ты согласишься, мисс Мэри.

– Ты считаешь, что это плохо? – удивленно поглядела на нее девочка. – А я бы хотела такой же рот, как у Дикена.

Марта внимательно поглядела на девочку и вдруг засмеялась.

– Ты чего? – не поняла Мэри.

– Я? – еще громче захохотала горничная. – Я представила, как уморительно ты бы смотрелась с подобным ртом, мисс Мэри! Ладно! Главное, наш Дикен тебе по душе пришелся. Вообще-то я так и думала. А семена с инструментами тебе подошли?

– Откуда ты знаешь? – не поняла девочка.

– Нужно мне очень знать, – пожалала плечами горничная. – Будто мне неизвестно, какой у нас Дикен надежный. Да он если чего обещает, всю округу обойдет, чтобы только это достать. Он не пришел бы к тебе без семян и садового инструмента.

Тут Мэри вдруг поняла, что ей следует быть начеку. Марта ведь может заинтересоваться, где они с Дикеном решили посадить семена.

– В каком же месте ты разведешь свой сад, а, мисс Мэри? – словно прочла ее мысли горничная. – Ты у кого-нибудь уже разрешения спрашивала?

– Ни у кого, – тихо ответила девочка и еще больше насторожилась.

– В таком случае, к главному садовнику с этим не обращайся, – посоветовала горничная. – Больно уж этот мистер Роуч важничает перед всеми.

– Мистер Роуч? – переспросила Мэри. – Я вообще даже не знала, что такой есть. Я из садовников познакомилась только с Беном Уэзерстаффом и еще с двумя, которые ему помогают.

– Тогда самое лучшее тебе будет к Бену Уэзерстаффу и обратиться, – проговорила Марта таким тоном, словно была изрядно искушена в подобных делах. – Этого Бена, конечно, веселым не назовешь, но он совсем неплохой. И мистер Крейвен его жалуется. Он позволяет ему делать все, что угодно. Потому что Бен Уэзерстафф тут работал еще при миссис Крейвен. Бедняжка очень к нему хорошо относилась. И тебе он, мисс Мэри, нипочем не откажет. Уж он уделит тебе для цветов такой уголок, как надо. И будешь чувствовать там себя полной хозяйкой.

– А если это будет такой уголок, который совсем никому не нужен? – осведомилась исподволь Мэри. – Наверное, там лучше всего посадить семена?

– Это уж точно, – произнесла глубокомысленно горничная. – В таких делах чем меньше подворачиваешься другим под руку, тем спокойнее себя чувствуешь.

За этой беседой Мэри быстро расправилась с едой. Выйдя из-за стола, она надела шляпку и собиралась снова отправиться в Таинственный сад, где, по ее расчетам, еще должен был работать Дикен. Мэри уже открыла дверь в коридор, но тут Марта ее окликнула:

– Вернись-ка, мисс Мэри. У меня к тебе важное дело есть. Можно было бы, конечно, и перед обедом сказать, но я решила тебе аппетит не портить. Мистер Крейвен сегодня утром приехал и желает с тобой увидеться.

– Зачем? – хрипло осведомилась Мэри и побледнела. – Зачем я ему нужна? Он же не захотел меня видеть, когда я сюда приехала. Я сама слышала, как Питчер тогда сказал миссис Мэдлок, что мистер Крейвен меня видеть не хочет.

– Ну, миссис Мэдлок считает, что это все из-за моей матушки, – начала объяснять Марта. – Матушка шла по деревне и повстречала мистера Крейвена. Вообще-то она раньше никогда с ним не разговаривала. А вот миссис Крейвен не раз к нам в коттедж заходила. Мистер Крейвен, наверное, об этом забыл, но матушка ему живо напомнила. Уж и не знаю, что она ему там сказала, только мистер Крейвен после этого велел доставить тебя к нему, прежде чем завтра снова уедет.

– Так он завтра уедет? – тут же приободрилась Мэри.

– Ну да, – простодушно отозвалась горничная. – Это его всегдашнее время. Теперь он здесь до осени не покажется. А то и до самой зимы. Он поедет путешествовать в разные заграничные страны. Он каждый год это делает.

– Вот хорошо! – не смогла сдержать радости Мэри.

– Ты это к чему? – недоуменно взглянула на нее Марта.

– Да так, – упорно глядя куда-то в угол, облегченно вздохнула девочка.

Она и не ожидала, что все сложится так удачно. Ведь если мистер Крейвен не покажется тут до самой зимы, они с Дикеном успеют насладиться всем, что будет цвести в Таинственном саду этим летом и осенью. Конечно, может быть, потом мистер Крейвен очень рассердится и отберет ключ от калитки. Но это уже будет не так обидно.

– А когда мистер Крейвен хочет, чтобы меня доставили? – спросила она у Марты.

Та хотела ответить, но в это время дверь распахнулась, и в комнату вплыла миссис Мэдлок. Она явно постаралась надеть все, что считала лучшим в своем гардеробе. Лучшее черное платье, черный чепчик, брошь с раскрашенной фотографией, на которой был запечатлен мистер Мэдлок. Этого почтенного джентльмена уже много лет не существовало на свете, но миссис Мэдлок стойко хранила память о нем, и по торжественным дням брошь с изображением незабвенного спутника жизни непременно украшала ее воротник.

Прочие признаки тоже свидетельствовали о том, что миссис Мэдлок настроена очень торжественно и сильно волнуется. Лицо ее было куда краснее обычного. Она нервно поводила головой из стороны в сторону. Придирчиво оглядев Мэри, миссис Мэдлок пришла к заключению, что волосы у девочки непозволительным образом растрепались.

– Займись-ка ею, Марта, – велела миссис Мэдлок горничной. – После того как причешетесь, поможешь одеться ей в парадное платье. И побыстрее, пожалуйста. Мистер Крейвен приказал сейчас же доставить девочку к нему в кабинет.

Пока Марта причесывала и одевала ее, Мэри все сильнее бледнела. Она будто бы превращалась в прежнюю Мэри Леннокс – скованную, нелюдимую и совсем не добрую. Она позволила миссис Мэдлок взять себя за руку и понуро побрела вместе с ней по многочисленным коридорам. Говорить ей было не о чем, и они шли в полном молчании. Мэри просто не понимала, зачем ее нужно куда-то тащить, когда совершенно ясно, что они с мистером Крейвеном друг другу все равно не понравятся. Только взрослые могут придумывать такие бесполезные встречи. Но раз уж мистеру Крейвену захотелось, придется с ним повидаться.

Теперь они с миссис Мэдлок шли по той части дома, которой Мэри еще не видела. Остановившись подле одной из высоких дверей, экономка постучала.

– Войдите, – раздался в ответ мужской голос.

Они вошли.

– Вот вам мисс Мэри, сэр, – почтительно обратилась экономка к человеку, который сидел в кресле перед камином.

– Прекрасно. Можете теперь идти, – сухо ответил тот. – Девочку оставьте. А вам я позвоню, когда вы понадобится.

Миссис Мэдлок кивнула и вышла, тихо затворив за собою дверь. Мэри нерешительно переминалась с ноги на ногу и исподволь разглядывала мистера Крейвена. Она его представляла себе другим. Вместо мрачного горбуна перед ней сидел довольно красивый мужчина. Разве что плечи у него были немного неровные. А на лице, увенчанном черной с проседью шевелюрой, будто навечно застыла грусть. Он тоже разглядывал девочку, не понимал, как с ней начать разговор, и от этого чувствовал себя все более неуютно.

– У тебя ничего не болит? – наконец изрек он.

– Не-а, – покачала головой Мэри.

– А заботятся о тебе хорошо?

– Да, – не стала вдаваться в подробности девочка.

Мистер Крейвен умолк и принялся тереть лоб от смущения.

– По-моему, ты слишком худая, – снова попытался он завести беседу.

– Уже начала толстеть, – без всякого выражения проговорила Мэри и снова взглянула ему в лицо.

Черные глаза его показались девочке удивительными. Мистер Крейвен

словно взирал на какой-то иной мир и лишь огромным усилием воли вынуждал себя время от времени возвратиться к тому, что его окружало.

– Ты уж меня прости, – вдруг смущенно промямлил он. – Ты приехала, и я совсем о тебе позабыл. А ведь собирался подыскать няню или какую-нибудь гувернантку.

– Ой! Прошу вас! Пожалуйста, мистер Крейвен! – в отчаянии воскликнула Мэри. – Не надо для меня никого подыскивать! Я... – И она всхлипнула.

– Говори, говори, я очень внимательно тебя слушаю! – с внезапным участием произнес мистер Крейвен.

– Да... просто... все... дело... в том, – отвечала сквозь слезы Мэри, – что я, по-моему, уже слишком большая для няни, и я не хочу, не хочу гувернантку!

Мистер Крейвен снова потер лоб.

– Вот и Соуэрби мне то же самое говорила, – изумленно глядя на девочку, начал он.

– Вы имеете в виду маму Марты? – вдруг осмелела Мэри.

– Ну да, – подтвердил мистер Крейвен. – По-моему, ее дочь именно так и зовут.

– Мама Марты все про детей знает! – решительно заявила Мэри. – Мистер Крейвен, – подражая интонациям Марты, добавила она, – когда родишь их целых двенадцать, да еще потом воспитаешь, тут уж ни одного неясного вопроса не остается.

Мистера Крейвена слова девочки явно позабавили. Едва заметно улыбнувшись, он принял решение побыть еще какое-то время в окружающем мире, ибо мир этот вдруг показался ему куда менее сумрачным, чем обычно.

– Скажи, что ты хочешь? – продолжал расспрашивать он.

– Играть на улице, – изо всех сил стараясь унять дрожь в голосе, ответила Мэри. – Вы знаете, мистер Крейвен, в Индии мне это было скучно. А от вашего сада у меня здоровье очень улучшилось, и теперь я становлюсь толще.

Мистер Крейвен пристально разглядывал Мэри. Она интересовала его все больше и больше.

– Миссис Соуэрби тоже сказала, что игры на воздухе тебе очень полезны, – задумчиво произнес он. – Она считает, что сперва тебе нужно окрепнуть, а уж потом начинать занятия с гувернанткой.

– Мистер Крейвен, но ведь я и стараюсь окрепнуть! – совсем осмелела девочка. – И особенно мне полезно, когда я играю в саду, а на меня ветер с

пустоши дует.

– Где же тебе тут играть нравится? – спросил он.

– Везде, везде, мистер Крейвен, – боясь выдать тайну, затараторила Мэри. – Мартина мама подарила мне прыгалки, и я или через них прыгаю, или так просто хожу и смотрю, где зеленые ростки появляются. Но вы только не думайте: я ничего плохого не делаю! – с жаром принялась заверять она.

– Не понимаю, чего ты все время боишься? – пожал мистер Крейвен плечами. – Делай все, что тебе понравится.

– Значит... – подалась к нему ближе девочка. – Значит, у вас можно вести себя так, чтобы доставлять себе радости?

– Конечно, – подтвердил мистер Крейвен, и черные глаза его теперь совсем подобрели. – И не вздумай меня бояться. Конечно, тебе больше бы повезло, если бы я был другим, – вновь погрузнев, продолжал он. – Я слишком болен и слишком несчастен и не могу уделять тебе времени, сколько нужно. Но что же поделать, если других родственников у тебя не осталось! Я, конечно, совсем ничего в детях не понимаю, но все-таки я твой опекун и хочу, чтобы тебе жилось здесь как можно лучше. В прошлый раз я велел миссис Мэдлок следить за тобой. А сегодня мне повстречалась миссис Соуэрби. Она окликнула меня в деревне и стала советовать, как нужно с тобой распорядиться, чтобы тебе хорошо жилось.

– Мама Марты о детях все знает, – вновь повторила Мэри.

– Наверное, так оно и есть, – кивнул мистер Крейвен. – По-моему, это почтенная женщина. И теперь, когда я увидел тебя, я понял, какие она, мне правильные давала советы. И еще она мне сказала, что... миссис Крейвен была к ней очень добра, – как-то совсем по-особому произнес опекун имя покойной жены.

Он опустил голову, потом вновь внимательно поглядел на девочку.

– В общем, играй на улице, сколько хочешь. И где хочешь. Места у меня в имении хватит. Выбирай, где тебе больше нравится и где веселей. А если тебе чего-нибудь не хватает, скажи. Ах да, – вдруг хлопнул он себя по лбу, – тебе же наверняка нужны игрушки и книги тоже!

– А можно... – смущенно пролепетала Мэри. – Можно мне кусочек земли?

– Земли? – недоуменно поднял брови мистер Крейвен. – Что ты имеешь в виду?

– Ну, мне нужна такая земля, на которой можно самой что-то сажать и следить, что из этого получается. И чтобы это никому не мешало, – постаралась как можно понятнее объяснить девочка. На этот раз мистер

Крейвен долго-долго молчал.

– Значит, ты любишь сады? – прикрыв ладонью глаза, наконец проговорил он.

– В Индии я и сама не знала, что их люблю, – честно призналась воспитанница. – Я там только иногда делала клумбы из песка понарошку. А здесь я хочу их сделать по-настоящему.

Мистер Крейвен поднялся с кресла и медленно заходил по комнате.

– Ты просишь кусочек земли. Кусочек земли, чтобы выращивать цветы, – в такт шагам повторял он, и Мэри показалось, что слова эти обращены к кому-то невидимому.

Потом он подошел к Мэри и, склонившись к самому ее лицу, прошептал:

– Раз ты тоже любишь сады, возьми любую землю, какая тебе понравится.

– Значит, из тех ваших земель, которые никому не нужны, я могу выбрать совсем любую? – не веря своему счастью, переспросила Мэри.

– Да, да, любую, – устало повторил опекун. – А теперь до свидания. Я уезжаю, и до конца лета мы с тобой не увидимся.

Он позвонил в колокольчик. Экономка появилась так быстро, словно все это время стояла под самой дверью.

– Миссис Мэдлок, – обратился к ней мистер Крейвен. – Мы тут поговорили с Мэри, и теперь мне совершенно ясно, что имела в виду миссис Соуэрби. Прежде чем Мэри начнет учиться, ей просто необходимо укрепнуть. Кормите ее простой и здоровой пищей. И пусть бегаёт по саду сколько угодно. Только, пожалуйста, не следите за каждым ее шагом. Она должна чувствовать себя свободно и независимо. Я позволил миссис Соуэрби приходить к Мэри, и сама Мэри тоже может ходить к ней в гости.

Слова хозяина привели миссис Мэдлок в самое лучшее расположение духа. Теперь ей не придется все время следить за этой девчонкой. Кроме того, экономка мистера Крейвена очень хорошо относилась к миссис Соуэрби и радовалась, что сможет встречаться с ней гораздо чаще прежнего.

– Истинная правда, сэр, – пылко поддержала она хозяина. – Мы с Сьюзен Соуэрби еще в школу вместе ходили. Позволю заметить, существа порядочнее и разумнее во всей нашей округе не сыщешь. У самой-то меня детей так и не завелось, а у ней – целых двенадцать. Как зайдешь к Сьюзен, так прямо душа радуется. Дети у нее здоровые, послушные, как на подбор. Кроме хорошего, мисс Мэри от них ничему не научится. И в любых трудностях Сьюзен Соуэрби всегда даст совет. Взять вот меня саму: ни

единого важного дела не стану решать, пока со Сьюзен не посоветуюсь и...

– Очень хорошо, – устало прервал ее мистер Крейвен. – Именно так я, пожалуй, и поступлю. А теперь проводите, пожалуйста, девочку и пусть ко мне придет Питчер.

Он устало откинулся на спинку кресла и прикрыл ладонью глаза. А Мэри, дойдя в сопровождении экономки до дверей детской, распрощалась с почтенной дамой и с шумом влетела внутрь. К радости девочки, Марта сидела на коврике перед камином.

– Ты только послушай! – плюхнувшись рядом с ней, воскликнула Мэри. – Я теперь могу завести любой свой сад там, где сама захочу!

– Ну да? – не поверила горничная. – Неужели сам мистер Крейвен тебе разрешил?

– Сам! – тут же заверила девочка. – И еще он мне обещал, что у меня теперь долго-долго не появится совсем никакой гувернантки! И твоя мама сможет ко мне приходить, если ей, конечно, захочется, а я смогу ходить к вам в гости. А потом мистер Крейвен велел, чтобы я ничего у него не боялась, и чувствовала себя тут как можно лучше, и делала все, что захочется всегда и везде!

– Ух ты! – выдохнула совершенно изумленная горничная. – Прямо необыкновенно с его стороны.

– А мне показалось, он вообще хороший и добрый, – задумчиво произнесла Мэри. – Только глаза у него очень грустные, и лоб он все время морщит.

Тут Мэри вспомнила, что Дикен собирался еще поработать в Таинственном саду. Вдруг он и сейчас там? Опрометью кинувшись вниз, она пробежала огороды и минуту спустя уже стояла за дверью, скрытой густым плющом. Но Дикена в саду не было. Только Робин, усевшись на штамбовую розу, внимательно наблюдал за девочкой. Садовые инструменты были сложены аккуратно под деревом. А на розе, которая росла рядом, белел квадратик бумаги. Мэри подошла ближе. Бумажка, наколотая на шип, оказалась обрывком письма, которое они с Мартой послали Дикену. Взяв его, девочка нашла на обратной стороне рисунок птицы в гнезде, а под ним – надпись печатными буквами:

«Я ВЕРНУС».

Глава XIII

КОЛИН

За ужином Мэри показала записку Дикена Марте.

– Ух! Я и не думала, что он так рисовать у нас может! – восхищенно проговорила та. – Это ведь дрозд в гнезде, ты поняла, мисс Мэри? И вышел он у Дикена даже похожее, чем настоящий.

Мэри в ответ улыбнулась. Она только теперь поняла, какой смысл вкладывал Дикен в рисунок. Дроздом была как бы Мэри, а гнездо – ее Таинственный сад. Дикен еще раз заверял ее, что не проболтается. Такого чудесного мальчика Мэри и впрямь никогда не видала. Тем радостнее было ей теперь сознавать, что Дикен – не видение из какой-нибудь сказки, а настоящий живой человек, и, наверное, завтра они вновь повстречаются в Таинственном саду. Она думала об этом весь ужин, и весь остаток вечера, и в постели, пока не заснула. Ночью ее разбудил шум дождя. Погода в Йоркшире капризна. А уж когда дело идет к весне, и вовсе нельзя предсказать, какую шутку она с вами выкинет. В каминах и трубах выл на разные голоса ветер, и дождь стучался тяжелыми каплями в окна. Мэри села на постели. Настроение у нее испортилось.

– Этот дождь еще хуже «наоборот», чем я была в Индии, – тихо проворчала она. – Я знаю, он нарочно, нарочно пошел, чтобы нельзя было работать в саду.

Растравив себя таким образом еще больше, она с самым несчастным видом откинулась на подушку. Не строй она радужных планов на ближайшее утро, монотонный стук капель, скорее всего, ее убаюкал бы лучше любой колыбельной. Но сейчас звук дождя приводил ее просто в отчаяние. Она лежала без сна и думала, думала, как было бы хорошо, если бы этот противный ливень все-таки к утру прекратился, потому что ничего нет противнее, когда все так стучит и воеет, словно кто-нибудь заблудился в пустоши и плачет от страха.

Так она пролежала без сна, ворочаясь с боку на бок, около часа. Потом послышался новый звук. Мэри от удивления снова села в постели.

– Это не ветер, – прислушавшись, сказала она. – Это опять кто-то плачет, и, по-моему, голос такой же, как и тогда.

Ветер, гулявший всю эту ночь по бесчисленным коридорам дома, чуть приоткрыл дверь в комнату Мэри. Послушав еще немного, она пришла к

выводу, что плач доносится все оттуда же. Тут явно крылась какая-то новая тайна. Может быть, даже это было не менее важно, чем Таинственный сад, и Мэри решила, что сегодня просто обязана наконец разобраться.

Она свесила босые ноги на коврик и нащупала тапочки. Рядом с кроватью стояла свеча. Мэри зажгла ее и, взяв в руки, тихонько вышла из комнаты. Будь Мэри в более ровном расположении духа, темнота коридора наверняка загнала бы ее обратно в кровать. Но разбушевавшаяся погода настроила девочку на воинственный лад, и она сейчас мало чего боялась. «Главное, все еще спят, и никто не будет меня останавливать, – решила она. – Даже если миссис Мэдлок проснется, мне все равно наплевать!»

Одного только воспоминания, как волокла ее миссис Мэдлок обратно в комнату, оказалось достаточно, и решимости у Мэри еще прибавилось. К тому же она хорошо запомнила путь до короткого коридора с дверью, завешенной гобеленом. Свеча тускло мерцала, и Мэри приходилось изо всех сил напрягать глаза, чтобы не проскочить мимо нужного поворота. Сердце ее от волнения громко стучало, и эхо этого стука, казалось, разносится по всему огромному дому мистера Крейвена. Плач по-прежнему слышался вдалеке. Мэри шла на его звук. То и дело она останавливалась. Надо ли тут повернуть? Нет, в следующий раз. А теперь – налево. Правильно: вот две широкие ступени. Она поднималась по ним в прошлый раз. Теперь снова направо... И, наконец, она увидела гобелен, за которым скрывалась дверь.

Осторожно открыв ее, Мэри вошла и очутилась в еще одном коридоре. Плач сразу зазвучал гораздо отчетливей. Он раздавался из-за стены слева. Несколькими ярдами дальше была дверь. В щели между нею и полом мерцал свет. Мэри решительно толкнула ее. За ней простиралась огромная комната, обставленная красивой старинной мебелью. В большом камине тлели угли. Неподалеку горел ночник. Он выхватывал из тьмы резную кровать с балдахинном, на которой горько плакал какой-то мальчик.

Мэри остолбенела. На какое-то мгновение ей почудилось, что она видит все это во сне. Тогда она коснулась пальцем свечи. Ей стало больно, и она поняла, что не спит.

Лицо у мальчика было худым и бледным, из-за чего серые глаза, обрамленные густыми ресницами, казались неправдоподобно большими. Волосы, тоже густые и вьющиеся, прядями ниспадали на лоб.

Постояв еще чуть-чуть у порога, Мэри решила подойти ближе. Мальчик заметил свет и изумленно уставился на нее.

– Ты что, привидение? – прошептал он с испугом.

– Нет, – столь же испуганно отозвалась девочка. – А ты?

Какое-то мгновение они молча изучали друг друга.

– Я тоже не привидение, – первым нарушил молчание мальчик. – Я – Колин.

– Колин? – пробормотала девочка.

– Колин, – подтвердил тот. – Меня зовут Колин Крейвен. А тебя как?

– Мэри Леннокс. Мистер Крейвен – мой дядя.

– А мне он отец, – объяснил мальчик.

– Отец? – широко разинула рот Мэри. – И мне ни разу никто не сказал, что у дяди есть сын!

– Ну-ка подойди ближе! – велел Колин.

Мэри повиновалась. Колин вытянул руку и дотронулся до девочки.

– Вроде действительно настоящая, – проговорил он так, словно до конца еще не был в этом уверен.

– Ну, конечно, я – настоящая, неужели не видишь? – тут же отозвалась Мэри.

– Да в общем-то вижу, – ответил Колин, – но мне почти такие же настоящие часто снятся. А потом откроешь глаза – и снова один.

– Вот, – протянула ему Мэри край своего шерстяного халата. – Такого ты во сне не почувствуешь. А если и сейчас не верится, можешь меня ущипнуть за руку. Но вообще-то я тоже сначала подумала про тебя, что ты – сон.

– А взялась ты откуда? – спросил мальчик.

– Из своей комнаты, – тут же начала объяснять Мэри. – Ветер сегодня совсем не давал мне спать. А потом я услышала плач и пошла посмотреть, что случилось. Ты почему плакал, Колин?

– Я тоже не мог заснуть, и голова разболелась, – пожаловался тот. – Ну-ка повтори еще раз твое имя.

– Мэри Леннокс. Неужели тебе никто не рассказывал, что я теперь тут живу?

– Нет, – покачал головой Колин. – Наверное, они не решились.

– Как так? – не поняла Мэри.

– Они, наверное, боялись. Я не люблю, чтобы незнакомые на меня глядели, а потом обсуждали.

– Но почему ты не любишь? – совсем запуталась Мэри.

– Потому что мне вечно плохо, и я вечно валяюсь в постели, – угрюмо изрек Колин. – Мой папа тоже считает, что нечего на меня глазеть. И слугам он запретил обо мне разговаривать. Мы с папой боимся, как бы я тоже не вырос горбатым, если, конечно, выживу. Но, скорее всего, я вообще не выживу.

– Ну и дом! – воскликнула Мэри. – Ничего тут понять не могу! Все тут какое-то тайное. И комнаты заперты. И сады. Выходит, и тебя тоже заперли, а?

– Нет, – отвечал мальчик. – Я сам не хочу никуда выходить. Это меня утомляет.

– А папа тебя приходит сюда навещать?

– Иногда приходит. Чаще всего, когда я сплю. Ему не очень-то со мной нравится.

– Почему? – недоуменно поглядела на Колина Мэри.

– Моя мама умерла, когда я родился, – хмуро проговорил тот. – Папа мне никогда не говорил ничего. Но я все равно знаю, что он меня из-за этого почти ненавидит.

– И сад он тоже ненавидит, потому что она умерла, – тихо сказала Мэри.

– Какой еще сад? – встрепенулся мальчик.

– Да просто сад, – смутилась Мэри. – Твоей маме он очень нравился. А ты что, тут все время живешь? – поспешила она перевести разговор.

– Почти все время, – подтвердил Колин. – Меня несколько раз возили на море, но я тогда носил такую железную штуку, чтоб горб на спине не рос, и на меня из-за этого смотрели. А потом к нам приехал знаменитый доктор из Лондона и сказал, что эти железные штуки – глупости. Он прописал мне побольше бывать на свежем воздухе. Но я свежий воздух терпеть не могу и не буду никогда на него выходить.

– Я раньше тоже свежий воздух терпеть не могла, – призналась Мэри. – А почему ты на меня так странно смотришь?

– Да я опять подумал, что ты мне сейчас просто снишься, – объяснил Колин. – Со мной так бывает: открою глаза и потом долго не верю, что уже перестал спать.

– Мы оба сейчас не спим, – убежденно ответила девочка. – Конечно, тут очень похоже на сказку, – продолжала она, оглядывая темные своды комнаты, и камин, и кровать с балдахином. – И ночь сейчас в самом разгаре. И в доме, кроме нас с тобой, все спят. Но мы-то точно не спим.

– Надеюсь, – капризно проговорил мальчик. – Не хочу, чтобы ты оказалась сном!

– А говоришь, что не любишь, когда на тебя кто-нибудь смотрит, – сказала Мэри. – Может, мне лучше уйти?

– Нет, – решительно запротестовал Колин. – Если ты сейчас уйдешь, значит, это действительно сон. А если ты настоящая, садись вот сюда, поближе, и давай как следует поболтаем.

Мэри поставила свечу на столик возле кровати и опустилась на табуретку, стоящую у самого изголовья. Ей и самой совсем не хотелось уходить ни от Колина, ни из этой комнаты, почти такой же таинственной, как и сад.

– Расскажешь мне про себя? – спросил мальчик.

– А что тебе интересно больше всего про меня? – решила выяснить Мэри.

Оказалось, что Колина интересно все. И сколько времени она живёт в Мисселтуэйте? И в какой комнате ее тут поселили? И что она делает целыми днями? И любит ли пустошь или ненавидит так же, как он? И где она жила до того, как попала в Йоркшир?

Мэри постаралась как можно обстоятельней ответить на все вопросы. Потом Колин задал другие и, поудобней откинувшись на подушки, снова приготовился слушать. Теперь Мэри рассказывала об Индии и о том, как пересекла океан на большом корабле.

Колин удивлялся тому, что Мэри считала обычным. Зато когда начинал говорить сам, удивлялась Мэри. Одна из сиделок очень рано научила его читать, и он совсем маленьким почерпнул множество самых различных сведений из книг. И еще – он любил разглядывать в книгах картинки. С отцом он общался редко, зато тот старался развлекать его самыми изысканными подарками. Впрочем, Колина эти подарки, похоже, ничуть не радовали.

– Я привык, что все доставляют мне одни удовольствия, – со скукой объяснял он Мэри. – Врачи говорят, что, когда я сержусь, мне становится хуже. Никто здесь, по-моему, не верит, что я доживу до взрослого возраста.

Колин сказал это без малейшего сожаления или грусти, будто давно свыкся с мыслью о смерти.

– Видишь, во мне нет ничего интересного, – махнул он рукой. – Лучше ты Расскажи еще что-нибудь. Мне так нравится тебя слушать!

Он опять прикрыл глаза. Как только Мэри начала говорить, на лице его воцарилось столь безмятежное выражение, что ей показалось, будто он задремал. Но стоило ей замолчать, как Колин немедленно задал новый вопрос, и она поняла, что он очень внимательно ее слушает.

– А лет тебе сколько? – любопытствовал наконец он.

– Десять, – отвечала она. И, совершенно забывшись, добавила: – Как и тебе.

– Откуда ты знаешь? – подпрыгнул он на постели.

– Потому что, когда ты родился, здесь заперли один сад, а ключ от него закопали. И это случилось как раз десять лет назад, – растолковала девочка.

Колин никогда не слышал этой истории.

– Какой еще сад заперли? – приподнявшись на локте, начал допытываться он. – Зачем заперли? И кто это сделал?

– Твой папа, – ответила Мэри. – Это тот самый сад, который он ненавидит. Он запер дверь, а ключ зарыл в землю. И сад уже десять лет стоит запертый.

Тут Мэри взглянула на Колина и спохватилась. Глаза у мальчика горели. История покинутого сада произвела на него столь же сильное впечатление, как и на Мэри, когда она впервые ее услышала. Он принялся задавать все новые вопросы. Мэри пробовала перевести разговор, но ей это не удавалось, и наконец она поняла, что Колин не успокоится, пока не проникнет в сад.

– Значит, ты думаешь, что слугам запрещено говорить? – переспросил он. – Не страшно. На мои вопросы тут обязаны все отвечать. Они же знают, что если я все-таки сумею поправиться, то стану тут после папы хозяином. И я заставлю их рассказать, где находится сад. А потом пусть откроют дверь и отвезут меня туда в кресле. Я им объявлю, что буду там дышать свежим воздухом.

Мэри испуганно слушала Колина. Если он поступит так, как задумал, тайне придет конец, а Дикен и подавно никогда не сможет прийти туда. Надо было срочно что-то предпринимать.

Мэри и в голову не пришло бы сравнивать Колина с собою прежней. Между тем характеры их были похожи. Он относился к слугам совершенно так же, как Мэри, пока жила в Индии. И так же, как когда-то она, полагал, что весь мир обязан ему потакать. Но Мэри теперь изменилась, и избалованность Колина ее возмущала. Правда, она тут же пристыдила себя: Колин ведь был очень болен!

Мэри снова подумала с удивлением, как спокойно говорит он о скорой смерти.

– Ты что же, правда считаешь, что не доживешь до того, как вырастешь? – спросила она.

– Думаю, не доживу, – отозвался он с тем же равнодушием, что и прежде. – С тех пор как я родился, взрослые, по-моему, только и твердят, как я болен и как мало мне жить осталось, – невесело усмехнулся Колин. – Сперва они думали, что я еще слишком мал и не понимаю, и говорили все прямо при мне. Теперь они от меня скрывают, но я-то чувствую, что у них на уме. Меня лечит папин кузен. Он очень бедный. Если я умру, ему после папы достанется весь Мисселтуэйт. А если я выживу? – выразительно взглянул он на девочку. – Какой кузену от этого толк?

– Не знаю, – пожала плечами Мэри. – А самому-то тебе разве хочется умереть?

– Нет, – буркнул мальчик. – Но лучше уже это бы поскорее случилось, чем все время лежать и думать. Когда слишком много представляешь, что скоро тебя не будет, очень хочется плакать. Вот я и не выдерживаю иногда, – честно признался он.

– Ясно, – кивнула Мэри. – Я ведь уже в третий раз слышу, как ты тут плачешь.

– Не надо больше об этом, а? – взмолился Колин. – Расскажи мне еще про сад. Неужели тебе самой не хочется посмотреть на него?

– В общем-то хочется, – уклончиво отвечала девочка.

– Мне тоже, – продолжал Колин, и в голосе его снова послышалось упрямство. – Раньше мне никогда ничего не хотелось видеть. Но этот сад я увидеть хочу. И увижу! Я им велю вырыть ключ, открыть дверь и буду сидеть там целыми днями.

Колин разволновался, и глаза его теперь стали еще больше прежнего.

– Я их заставлю меня туда отвезти, и ты пойдешь со мной вместе, – решительно заявил он.

Мэри до боли сцепила руки. Ей надо сейчас же, немедленно что-то придумать. Иначе все-все погибнет. И тайна, и их дружба с Дикеном, и, может быть, даже Робин.

– Не надо! Не надо! Не надо! – в отчаянии закричала она.

– Что? – уставился на нее Колин так, словно она помешалась. – Я не пойму, ты хочешь или не хочешь увидеть сад?

– Я хочу, хочу, – начала всхлипывать Мэри. – Но надо все сделать совсем не так. Если ты заставишь их открыть дверь и привести тебя, этот сад перестанет быть Таинственным. И уже никогда им не будет!

– Таинственным? – похоже, заколебался мальчик. – Ну-ка объясни мне получше.

И Мэри заговорила так быстро, что вынуждена была проглатывать окончания слов. Она понимала, что у нее выходит не слишком-то складно. Главное сейчас – убедить Колина, чтобы он поступил так, как нужно ей, Дикену, Робину и всем, кто хоть немножечко смыслит во всяких тайнах.

– Ты только пойми, – едва переводя дух, говорила она. – Одно дело когда про дверь, которую под плющом не видно (если, конечно, такая дверь есть!), никто, кроме нас с тобой, не узнает. Тогда мы сами ее найдем, и это останется нашим секретом. Мы будем входить, закрывать дверь, и никто из взрослых нас не сможет найти. Мы там будем как дрозды в гнездах. Потому что, когда дрозд хорошо спрячет гнездо, никому его не найти. И мы бы

стали играть в нашем саду каждый день. И еще – мы там посадили бы семена и вскопали бы землю, и сад бы ожил...

– Ты что же, думаешь, он погиб? – забеспокоился Колин.

– Пока нет, – успокоила Мэри, – но может скоро погибнуть, если никто не начнет снова за ним ухаживать. Луковичные-то еще выживут, а розы...

– Ничего никогда не слышал про луковичные. Объясни мне, – потребовал мальчик.

– Из луковиц растут нарциссы, ландыши и подснежники. Это очень приспособленные к жизни растения, – ответила Мэри. – Сейчас у них как раз ростки пробились наружу, потому что скоро весна.

– Весна... – словно эхо повторил Колин. – Это что, когда все расцветает? Не забывай: я ведь все время тут провожу. Когда болеешь, не имеет значения, хорошо или плохо на улице.

– Так нельзя, Колин! – осуждающе поглядела на него девочка. – Весна – это не просто когда что-то делается на улице. Это – солнце и дождь, и опять дождь, и опять солнце. И под землей растения начинают... «работать», – вспомнила она выражение Бена Уэзерстаффа. – А потом все на земле и на ветках делается зеленое и душистое. Если этот сад станет нашим, ты сам поймешь, что такое весна. Теперь-то ты видишь, Колин, как важно сохранить наш сад в тайне?

Колин откинулся на подушку и задумчиво поглядел на Мэри.

– Раньше у меня была всего одна тайна, – тихо произнес он. – Я знал, что мне, наверное, никогда не удастся стать взрослым. А теперь ты мне принесла новую тайну. Она нравится мне куда больше.

– Если ты никому не проговоришься, она тебе потом еще больше понравится, – заверила девочка. – Я сама найду этот сад для нас. Вот увидишь: я смогу это сделать. Мы попросим одного мальчика, и он отвезет тебя в сад на кресле. Главное, там не будет никаких взрослых. Вот тогда-то мы и окажемся в настоящем Таинственном саду!

– Если бы все получилось! – мечтательно проговорил мальчик.

Мэри облегченно вздохнула. Теперь она могла быть уверена: тайна сада дорога Колину так же, как ей самой. Он ни за что никому ничего не расскажет. Но Мэри на всякий случай решила еще чуть-чуть подогреть интерес Колина.

– Если мы с тобой этот сад найдем, – с самым загадочным видом проговорила она, – мы там, наверное, такое увидим... Там ведь давно никто не был. Ползучие розы переплелись и качаются между деревьями словно мостики...

Колин лежал и очень внимательно слушал, а Мэри все говорила и

говорила. Вначале о розах, потом – о птицах, которые, наверное, свили в Таинственном саду множество гнезд, ибо чувствуют себя там в безопасности. Наконец она стала рассказывать о Робине и Бене Уэзерстаффе. Эта тема показалась ей безопасной. Тут Мэри могла не страшиться выдать себя, и красноречие ее возрастало с каждой минутой.

Колину история о Робине очень понравилась. Он требовал от Мэри все новых подробностей и даже несколько раз звонко рассмеялся.

– Никогда не думал, что птицы такое могут! – восхитился он. – Конечно, лежа в постели, многого не узнаешь. Зато ты сколько интересного мне рассказала! Будто мы с тобой уже побывали в этом саду. А ты ведь его еще только найти собираешься.

Мэри насторожилась. Что делать, если Колин сейчас спросит ее впрямую, не нашла ли она еще Таинственного сада? Тогда скрывать дальше будет нечестно. Но признаться во всем до конца Мэри тоже пока боялась и просто не знала, как поступить.

К счастью, Колин не собирался приставать к ней с расспросами. Вместо этого он окинул ее загадочным взглядом и тихо спросил:

– Видишь занавеску, вон там, над камином?

Мэри подняла голову и заметила занавес из розового шелка.

– Вижу, – столь же тихо отозвалась она.

– Подойди и раздвинь ее, там есть шнурок, – попросил Колин.

Мэри приблизилась к камину и потянула вниз витой шнурок с кистью. Занавеска раздвинулась. За ней оказался портрет очень красивой женщины со светлыми волосами, перехваченными голубой лентой. Женщина была совсем молодой, весело улыбалась, а серые глаза ее были точь-в-точь такими же, как у Колина.

– Это моя мама, – обиженно произнес мальчик. – И зачем ей только понадобилось умирать? – с досадой продолжал он. – Когда я об этом думаю, я начинаю ее ненавидеть.

– Странно, – пожала плечами Мэри.

– Ничего странного, – еще сварливей, чем прежде, проговорил Колин. – Если бы она родила меня и не умерла, я, наверное, не стал бы таким больным и не умер бы, прежде чем вырасту. И папа меня бы любил. И спина не болела бы. Ну ладно! – с досадой махнул он рукой. – Задерни картину обратно!

Мэри дернула за шнурок. Портрет скрылся за складками шелка, а она снова села на табуретку возле постели Колина.

– Твоя мама была, конечно, гораздо красивей, чем ты, – тут же поделилась она впечатлением с мальчиком, – но глаза у вас очень похожи. И

еще я не понимаю, зачем ты ее прячешь за занавеской?

Колин покраснел и заерзал от смущения на постели.

– Мне... я... не люблю, когда она на меня смотрит, – запинаясь, пробормотал он. – Мне всегда грустно, а она улыбается. И вообще... – упрямо поджал он губы. – Это моя мама. Моя! Не хочу, чтобы любой мог глядеть на нее!

Некоторое время они просидели молча. Потом Мэри вдруг с опаской спросила:

– Как ты думаешь, что сделает миссис Мэдлок, если найдет меня тут?

– Что велю, то и сделает, – с важностью отозвался мальчик. – Я поставлю ее в известность, что ты будешь каждый день ко мне приходить. Ты ведь будешь еще приходить? – вопрошающе взглянул он на Мэри. – Мне очень понравилось с тобой разговаривать.

– Мне тоже, – ответила девочка. – Но я не смогу у тебя бывать слишком часто. Нам еще надо заботиться о Та... – Она осеклась, поняв, что едва не выболтала секрета.

– О чем тебе надо заботиться? – тут же насторожился мальчик.

– Но я же обещала тебе найти Таинственный сад, – уже взяла себя в руки Мэри. – На это ведь тоже время понадобится. Может быть, много дней.

– Правильно, – согласился Колин. – Я просто забыл. Ты ищи сколько надо. А потом заходи ко мне каждый день и рассказывай, что тебе удалось. Слушай, Мэри, а давай мы тебя тоже сделаем тайной, – поудобнее вытягиваясь на постели, предложил он. – Пусть никто не знает, что мы встречаемся. Ну, пока как-нибудь сами не догадаются. Я не скажу ничего миссис Мэдлок, и ты тоже не говори, хорошо?

– Не скажу, – твердо пообещала девочка, которая, впрочем, и так не собиралась обсуждать Колина с экономкой.

– Мы из них из всех только Марте скажем, она умеет хранить секреты, – уверенно произнес мальчик. – Ты Марту, случайно, не знаешь?

– Знаю, – улыбнулась Мэри. – Она мне прислуживает. И вообще она очень хорошая.

– Она сейчас вон там в комнате спит, – показал Колин пальцем на стену, за которой был коридор. – Сиделка уехала в гости к сестре и осталась там ночевать. А Марта сегодня со мной за нее.

– Значит, Марта о тебе давно знает, – многозначительно отозвалась девочка.

Теперь Мэри начинала кое-что понимать. Мистер Крейвен запретил миссис Мэдлок рассказывать о Колине. А миссис Мэдлок запретила Марте.

Поэтому она и испугалась, когда Мэри услышала, что кто-то плачет.

– Конечно, давно, – подтвердил Колин. – Она всегда со мной остается, когда сиделка уходит.

– Ой! – спохватилась вдруг Мэри. – Я уже так долго у тебя тут. Тебе, наверное, спать пора. Я, пожалуй, пойду.

– А если... – пробормотал Колин, который и впрямь уже начинал задремывать. – Если бы ты осталась и посидела, пока я усну? Останешься?

– Хорошо, – согласилась девочка. – Только тогда ложись поудобнее и закрой глаза. А я тебе спою что-нибудь усыпляющее.

Колин покорно закрыл глаза, а Мэри вспомнила, как убаюкивала ее в Индии Айя. Она легонько взяла мальчика за руку и тихо запела мелодичную колыбельную на хинди.

– Как хорошо, – выслушав песенку до конца, сонно прошептал мальчик.

Мэри начала новую песенку. Вскоре она заметила, что Колин уже крепко спит. Тогда, отпустив его руку, девочка тихо поднялась с табуретки и на цыпочках вышла из комнаты.

Глава XIV

ЮНЫЙ РАДЖА

Утром по-прежнему лил дождь. Пустошь заволокло туманом. Нечего было даже и думать о прогулке в такую погоду. Тогда Мэри решила поделиться с Мартой всем, что узнала ночью. Но у горничной оказалось множество дел. Лишь во второй половине дня она смогла уделить время Мэри.

– Садись! – тут же велела ей девочка.

Марта села на коврик возле камина. В руках она держала недовязанный шерстяной чулок и спицы.

– Ну, чего у тебя там стряслось? – едва поглядев на покрасневшее лицо Мэри, спросила она.

– Ох, Марта! – в волнении выдохнула та. – Теперь-то я знаю, кто у нас в доме плачет.

– Не может быть! – с ужасом откликнулась горничная и уронила вязанье на ковер.

– Почему не может? – настойчиво продолжала девочка. – Вчера ночью я услышала точно такой же плач, как тогда. Я пошла на голос и познакомилась с Колином.

– Какой ужас, мисс Мэри! – побелела от страха Марта. – Не надо, не надо тебе было его находить! Теперь мне беда. Миссис Мэдлок и мистер Крейвен меня уволят отсюда!

– Да нет же, нет, Марта, – принялась успокаивать Мэри. – Никто не станет тебя увольнять. Колин обрадовался, что я пришла. Он сказал, что теперь я должна бывать у него.

– Ой, мисс Мэри, только не надо, – недоверчиво покачала головой горничная. – Прямо сомневаюсь я как-то. Уж я от этого Колина натерпелась. Видала бы ты, чего он творит, когда раздражается! Вроде уж и годы у него не такие, когда дети режут, а ему только волю дай. Он прямо визжит, чтобы только нас напугать. Потому как уверен: никто против него ничего не посмеет.

– Странно, – настал черед удивиться Мэри. – Со мной он совсем не визжал и не раздражался. Я рассказывала ему про Индию, и про сады, и про Робина, и сидела на табуретке совсем рядом с ним. Он даже портрет своей мамы мне показал. А потом я ему спела песенку, он уснул, и тогда я

ушла.

– Уж и не знаю, мисс Мэри, поверить тебе или нет? – вконец растерялась Марта. – Для меня это прямо какая-то сказочность. Вроде какходишь в пещеру дикого льва, а он тебя вдруг совсем не собирается съесть. Потому что, будь этот мистер Колин в своем нормальном расположении духа, не успела бы ты к нему заглянуть, как весь Мисселтуэйт на ушах бы ходил.

– Но ведь никто на ушах не ходил, – возразила спокойно Мэри.

– Это-то мне и странно, – вновь взяла Марта в руки чулок и спицы. – Наш мистер Колин всех ненавидит и смотреть ни на кого не хочет, а больше всего на таких, которых никогда не видел.

– Меня он, по-моему, не ненавидит, – вновь возразила Мэри. – И мы друг на друга смотрели и...

– Но мне-то, мне-то что теперь делать прикажешь! – в отчаянии перебила Марта. – Если миссис Мэдлок узнает, что ты у него сидела, она меня сразу выгонит. Мне от нее приказание было: никого к мистеру Колину не допускать.

– Нет, Марта, Колин не станет рассказывать обо мне миссис Мэдлок, – с уверенностью проговорила Мэри.

– Как так? – несколько успокоилась девушка.

– А мы с ним решили, что я пока буду ходить к нему вроде как тайно. И еще мне Колин сказал, что миссис Мэдлок бояться не надо, потому что тут все во всем его слушаются.

– Вот это уж правда! – возмущенно откликнулась Марта. – Всех тут издергал! До чего же противный мальчишка!

– Он говорит, миссис Мэдлок тоже должна ему подчиняться, – пропустив мимо ушей последнее замечание горничной, продолжала Мэри. – А тебе, Марта, он будет передавать, когда захочет, чтобы я пришла.

– Мне? – снова охватила паника Марту. – Ну, мисс Мэри, – обреченно взглянула она на девочку, – теперь-то я точно знаю, что этого места скоро лишусь.

– Ты ничего не лишишься! – вновь начала втолковывать Мэри. – Вам ведь приказано Колину подчиняться?

– Ну, – согласилась горничная.

– А передавать, чтобы я пришла, ты от кого будешь? От Колина, верно?

– Верно, – кивнула Марта.

– Так за что же тебя лишать места, если ты выполняешь приказы хозяина!

Марта ошеломленно уставилась на нее. Похоже, до нее что-то начало

доходить.

– Ты... ты... Выходит, этот изверг и впрямь хорошо с тобой обошелся, мисс Мэри.

– Да, – ответила Мэри. – Так что можешь пока за свое место не беспокоиться.

– Значит, ты над Колином просто какое-то настоящее волшебство совершила, – с такой убежденностью тряхнула головой Марта, что было совершенно ясно: расценить по-иному странное поведение Колина она просто не в состоянии.

– Волшебство? – серьезно переспросила девочка. – Это что, вроде магии? В Индии я видела магов. Но я так не умею, – улыбнулась она. – Я просто вошла к Колину в комнату. А он повернулся, долго смотрел на меня, а потом испугался, что я – просто его сон. Это было так странно, Марта. Ведь я тоже никогда не надеялась встретить настоящего мальчика в этом доме. И вдруг встретила ночью в какой-то комнате. И дверь была завешена гобеленом. А потом мы стали друг друга спрашивать, и оказалось, что это не сон.

– Да-а, – зачарованно прошептала Марта.

– А что у него за болезнь? – решила выяснить Мэри.

– Никто этого толком не знает, – развела руками девушка. – Говорят, мистер Крейвен вообще чуть с ума не сошел, когда Колин родился. Тогда за него опасались. Вообще-то оно, наверное, понятно, – со знанием дела продолжала она. – Когда жена родит и сразу умрет, тут радости всякий лишится. Говорят, папаша на ребенка сперва даже глядеть не хотел. Вместо отцовской ласки мистер Крейвен все время буйствовал. «Нечего, – говорит, – еще одному такому, как я, горбуну делать на свете. Пусть лучше вообще умрет!»

– Но Колин ведь не горбун! – немедленно возразила Мэри.

– Пока не горбун, – согласилась Марта, – но врачи говорят, у него с самого рождения развитие пошло не туда, куда надо. Я-то думаю, по-другому и быть не могло. Когда рождаешься в доме с таким несчастьем, обязательно сразу себе организм надорвешь. А потом за него все бояться начали. Сперва ходить не давали, потом надели железный корсет, чтобы спина не гнулась. Этот корсет Колина очень расстраивал, и у него совсем нервы разладились, а потом из-за плохих нервов он, говорят, и начал болеть. Тогда-то к нему и доставили из Лондона одного очень важного доктора. Он Колина осмотрел и как начнет другого врача, который Колина все время лечил, ругать! Важный доктор сказал: Колин болеет от лекарств. А железный корсет ему вообще запретил. И еще, говорит, вы его слишком

избаловали.

– Да, Марта, – солидно произнесла Мэри. – По-моему, Колин очень избалованный мальчик.

– Да уж куда больше, – подхватила горничная. – Конечно, мне его жаль, и болеет он много. Несколько раз от простуды и кашля вообще чуть-чуть на тот свет не отправился. И еще у него один раз ревматизм разыгрался. А потом еще – тиф. Вот когда миссис Мэдлок струхнула! Колин тогда лежал словно совсем бессознательный. А миссис Мэдлок на него посмотрела и вдруг говорит сиделке: «Ну, теперь-то точно помрет. И хорошо сделает самому себе и всем остальным». А Колин-то, видно, как раз к тому времени из бессознательности-то и вышел. Открыл глаза и смотрит на миссис Мэдлок. У той прямо душа ушла в пятки. Но Колин или не захотел ничего ей плохого или сил еще накопил маловато. Он только всего и сказал, чтобы она ему воды подала и перестала болтать.

– Неужели он правда скоро умрет? – с грустью спросила Мэри.

– Это как посмотреть, – старательно копируя интонации матери, отозвалась горничная. – Матушка говорит, ни один организм ребенка не выдержит, если все время читать книжки с картинками, пить лекарства и обходиться без никакого свежего воздуха. А мистер Колин свежий воздух прямо выносить не желает. Ничем его из комнаты выманить невозможно.

Какое-то время Мэри Леннокс молча разглядывала угли в камине. Потом лицо ее просветлело.

– По-моему, я все-таки сумею выманить Колина на свежий воздух, – доверительно шепнула она на ухо Марте. – И тогда, если твоя мама права, он сможет поправиться и стать взрослым.

– Боюсь, тебе с этим не справиться, – отозвалась с сомнением горничная. – Однажды мы уже попытались прикатить его в кресле к фонтану. Сначала он вроде бы вел себя молодцом. А как заметил, что розы цветут, тут вдруг и говорит про какой-то насморк, который будто бы с человеком от роз приключается. Он это из какой-то там умной газеты узнал. Он и впрямь немедленно расчихался. Матушка моя после дала этому свое объяснение. Это, говорит, у вашего Колина на чистой нервной почве. И, думаю, матушка права, как всегда. Ты бы слышала, как он стонал и чихал! А тут, как назло, является рядом новый садовник. Ему еще о наших правилах сказать не успели. Он застыл и глазеет себе на Колина. Тут Колин нам всем и устроил! Ох, как он верещал! Ему пригрезилось, будто садовник горб у него на спине заметил. И, хоть горба на самом деле в помине не было, Колин наш так зашелся, что всем впору уши заткнуть. Мы еле сумели обратно в постель его отвезти. А ночью с ним приключилась

страшнейшая лихорадка.

– Если бы он когда-нибудь мне такой скандал закатил, никогда бы не пришла к нему больше! – с возмущением заявила девочка.

– Не очень-то это тебе удалось бы, – тут же стала разуверять Марта. – Уж лучше я сразу скажу: если нашему молодому хозяину что-либо приспичит, он уж добьется.

Раздался звон колокольчика.

– Это сиделка! – вскочила на ноги Марта. – Верно, просит ее сменить. Ну, пойду погляжу там за мистером Колином. Только бы он сегодня в хорошем настроении оказался.

Марта выскользнула за дверь. Не прошло, однако, и десяти минут, как она, запыхавшись, вновь предстала перед Мэри Леннокс.

– Ох! – выдохнула она. – Уж теперь-то мне точно известно: околдовала ты этого нашего мистера Колина! Вот ведь что он придумал, хитрюга: обложился своими книгами с картинками, сиделке велел до шести вечера гулять, где захочет, а в соседней комнате чтобы за нее была я. А потом меня вызывает: «Скажи, – говорит, – Мэри Леннокс, пусть идет быстрее ко мне. А сама никому не болтай об этом». Так ты уж, мисс Мэри, – умоляюще поглядела на девочку горничная, – пожалуйста, поспеши побыстрее. А то как бы мистер Колин там раздражаться не начал.

– Бегу, бегу, Марта! – не заставила себя уговаривать девочка.

Она была даже рада, что удастся скоротать время за болтовней. Вообще-то с Дикеном ей было куда интересней. Но раз уж они не смогли увидаться из-за погоды, то приглашение Колина пришлось кстати.

В его комнате ярко горел камин. При дневном свете все выглядело очень нарядно. Ковры, портьеры, картины и даже корешки книг, видневшиеся из шкафа, отличались столь яркими и насыщенными тонами, что, даже несмотря на дождливый день, казалось, будто стены озарены солнцем. Хозяин комнаты тоже выглядел куда лучше, чем ночью. Лицо его чуть разгладилось, халат из бордового бархата очень шел ему, а атласная подушка, на которую он откинулся, дополняла живописность картины. Глядя сейчас на него, Мэри вдруг вспомнила старинные портреты детей в галерее.

– Входи и садись, – велел ей Колин. – Я много о тебе думал.

– Я тоже много о тебе думала, – не стала скрывать Мэри Леннокс. – И еще – мы говорили о тебе с Мартой. Она так испугалась!

– Почему? – удивился Колин.

– Она думает, что миссис Мэдлок прогонит ее с работы за то, что я тебя отыскала в доме.

– Мэдлок? Прогонит? – сердито переспросил Колин. – Ну-ка приведи сюда Марту, Мэри. Сейчас я ей все объясню.

Девочка пошла в соседнюю комнату и вернулась, ведя за руку Марту, у которой зуб на зуб не попадал от страха. Колин нахмурился.

– Как тебе кажется, Марта, ты должна или нет выполнять все мои приказания? – властно осведомился он.

– Р-разумеется, сэр, – запинаясь, ответила та.

– И эта Мэдлок, – продолжал мальчик, – она ведь, по-моему, тоже должна?

– Ну да, конечно же, сэр, мы все должны, – поспешила подтвердить девушка.

– Чего же тогда бояться? Неужели ты вправду поверила, будто какая-то Мэдлок посмеет уволить тебя за то, что ты исполняешь мои приказания?

Не успел Колин договорить, как Марта с мольбою воскликнула:

– Будьте так добры, сэр, не велите меня выгонять миссис Мэдлок!

– Пусть эта Мэдлок только попробует! – проговорил угрожающе Колин. – Тогда я саму ее и уволю. Думаю, ей не очень это понравится!

– Вы так добры ко мне, сэр! – почтительно поклонилась Марта. – А я... я всегда стараюсь исполнять все, что вы мне прикажете.

– Ты поступаешь правильно, Марта. Если и впредь ты будешь вести себя так же, тебе не о чем беспокоиться. Уж я тебя в обиду не дам, – с величием, которому позавидовал бы иной король, напутствовал девушку Колин. – Ну, ступай же к себе. Пока ты свободна.

Еще раз почтительно поклонившись, Марта вышла из комнаты. Мэри пристально глядела на Колина.

– Ты чего? – спросил он.

– Думаю, – отозвалась девочка.

– О чем же ты думаешь?

– О том и о другом сразу.

– Ну, тогда расскажи.

– Ну, во-первых, я думаю о мальчике, которого как-то видела в Индии, – устраиваясь поудобней на табуретке, начала Мэри. – Это был мальчик-раджа. Он был весь в изумрудах, рубинах и бриллиантах. А со слугами он разговаривал точно так же, как ты сейчас с Мартой. И все слуги тут же исполняли любое его приказание. Как будто если они не послушаются, их сейчас всех казнят, я...

– Ну, про раджей я хотел бы послушать попозже, – вдруг перебил Колин. – А сейчас лучше скажи, о чем ты думала во-вторых?

– Во-вторых, я думала, как ты не похож на Дикена, – ответила Мэри.

– Это еще кто такой? – недоуменно склонил голову набок Колин. – Никогда не слышал о нем.

– Это брат Марты, – принялась с удовольствием рассказывать девочка. – Ему двенадцать лет. Это самый необыкновенный мальчик на свете. Ты только видел бы, Колин, как он умеет лис, белок и птиц зачаровывать. Ну прямо как заклинатель змей в Индии! Дикен играет на дудочке, а звери идут и слушают.

Колин вынул из стопки книг, лежавших подле него на кровати, какой-то томик и перевернул несколько страниц.

– Гляди, вот картинка с заклинателем змей, – сказал он, протягивая книгу девочке.

Картинка оказалась цветной, и заклинатель был изображен на ней очень похоже.

– Спорю с тобой на что хочешь, у твоего Дикена такого не выйдет, – с некоторым пренебрежением проговорил мальчик.

– Такого, может, и нет, – спокойно отозвалась девочка. – Дикен вообще это магией не называет. Он говорит, звери и птицы к нему идут просто из-за того, что он хорошо научился их понимать. Знаешь, сколько проводит времени в пустоши Дикен! – все увлеченнее говорила она. – И звери ему там все как родные стали. И еще, он их любит очень. Он с Робинем первый раз при мне в саду познакомился. И сразу начал что-то ему щебетать, а Робин – в ответ. И они друг друга хорошо понимали.

Колин откинулся на подушку. Глаза у него заблестели, щеки пошли красными пятнами.

– Расскажи мне еще о Дикене, – попросил он, и на этот раз в голосе его уже не слышалось пренебрежения.

– Он знает все про птиц и их гнезда, – с удовольствием продолжала Мэри, – и еще – где живут лисы, барсуки и бобры. Только он все, что знает, держит в секрете. Иначе другие мальчишки могут разорить гнезда или чьи-нибудь норы в пустоши.

– Неужели твоему Дикену пустошь нравится? – недоверчиво покосился на девочку Колин. – По-моему, нет места тоскливее и мрачнее!

– Да ты что! – немедленно возразила Мэри. – В пустоши растет и живет столько всего прекрасного! Там везде какие-нибудь крохотные существа. И все они поют, чирикают и друг с другом переговариваются. Одни прячутся под землей, другие – на деревьях или в вереске, но им всем отлично живется. Потому что в пустоши у каждого существа есть свое место.

– И откуда ты столько всего узнала о пустоши? – с восхищением

спросил Колин.

– Да в общем-то я пока видела пустошь всего один раз, – немного смутилась Мэри. – Когда меня везли с вокзала сюда. Мы ехали в темноте, и пустошь показалась мне просто ужасной. Но потом Марта мне объяснила, что пустошь на самом деле совсем не такая. А потом Дикен стал мне про нее рассказывать. Он так про нее говорит, что как будто сам туда попадаешь. И теперь, Колин, я знаю, как чудесно там пахнут цветы. И еще там есть много бабочек, пчел и другого, и...

– Только все это не для меня, – раздраженно прервал ее Колин. – Тот, кто не может вставать с постели, никакой пустоши уже никогда не увидит.

– Правильно, – кивнула Мэри Леннокс. – В особенности если бояться выйти из комнаты.

– Буду я бояться выйти из комнаты или не буду, все равно до пустоши не дойду, – еще резче проговорил Колин.

– А вдруг когда-нибудь сможешь? – спросила Мэри.

– Я уже ничего не смогу увидеть. Скоро меня вообще не будет на свете, – ответил мальчик.

– Что ты все время заладил о смерти? – вдруг рассердилась Мэри. – Прямо как хвалишься. Откуда вообще тебе знать, когда тебя на свете не будет?

Колин несколько оторопел. Никто до сих пор не осмеливался говорить в таком тоне о его болезни.

– Откуда мне знать? – отозвался он. – Но почему же тогда я только и слышу, что скоро умру? По-моему, все ждут не дождутся, когда я наконец их освобожу от себя.

– И ты, значит, смирился? – возмущенно воскликнула девочка. – Пусть бы попробовал кто-нибудь захотеть, чтобы я умерла! Да если бы я об этом узнала, я бы назло никогда не согласилась бы умереть! Вот кому, например, хочется, чтобы ты умер? – спросила она.

– Слугам, – без тени сомнения отвечал Колин. – А больше всех – доктору Крейвену. Ему ведь тогда достанется после отца Мисселтуэйт, и он станет богатым. Конечно, он никогда не скажет, что мечтает об этом, но я-то вижу. Как только мне становится хуже, он делается таким веселым... А когда я болел брюшным тифом, доктор Крейвен прямо светился от радости. И папа тоже хотел бы, чтобы я умер скорее.

– Не может быть, чтобы твой папа хотел, – возразила Мэри.

– Ты думаешь, он не хочет? – пристально поглядел ей в глаза Колин.

– Не хочет, – уверенно кивнула девочка.

Колин, похоже, задумался. Мэри чувствовала, что необходимо сказать

что-то еще в подтверждение своих слов.

– А важный доктор из Лондона! Ты помнишь, что он сказал тебе, Колин? – вдруг осенило ее. – Во-первых, он заставил доктора Крейвена снять с тебя этот гадкий корсет. Зачем бы ему это делать, если у тебя был бы действительно горб? Значит, он ничего не нашел. И потом... – Девочка с торжеством поглядела на Колина. – Доктор из Лондона ни разу не говорил, что ты должен вот-вот умереть.

– Не говорил, – по-прежнему не сводя глаз с Мэри Леннокс, согласился Колин.

– Но что-нибудь другое ведь он про тебя говорил, да? – стала допытываться девочка.

– Говорил, – вновь согласился Колин. – Только он это делал совсем по-другому, чем доктор Крейвен. Доктор из Лондона ни с кем не шептался. Он осмотрел меня, а потом очень громко сказал: «Если этот мальчик в свои силы поверит, то выживет!»

– Ну вот видишь, – улыбнулась девочка.

Колин тоже вдруг улыбнулся.

– А как доктор из Лондона сердито говорил с доктором Крейвеном, – вдруг вспомнил он. – Знаешь, Мэри, он мне даже тогда немного понравился.

– Ну, конечно, он ведь очень хороший! – произнесла Мэри так, будто речь шла о ее лучшем друге. – И про тебя он все правильно понял. Ты просто сам так настроился, что умереть должен. А если настроишься по-другому, то будешь жить. И я знаю, кто тебе в этом поможет.

– Кто? – не сводя глаз с девочки, выдохнул Колин.

– Дикен! – крикнула торжествующе Мэри. – От него ты уж точно не услышишь ни о болезнях, ни о других всяких глупостях. Он так любит жизнь, и глаза у него голубые, как небо, а рот широкий-широкий, потому что Дикен почти всегда улыбается.

Мэри воодушевлялась все больше и больше. Наконец, наклонившись к самому лицу Колина, она доверительно прошептала:

– Давай вообще никогда больше говорить о смерти не будем. Лучше покажи мне книжки с картинками.

– Ладно, – кивнул мальчик, – а ты Расскажи мне еще о Дикене.

И тогда Мэри вновь принялась говорить о Дикене, и о растениях, которые прячутся глубоко под землей, а йотом, с приходом весны, вдруг расцветивают нежно-зелеными побегами землю, и о Бене Уэзерстаффе, и еще что-то о Робине, а потом – снова о Дикене. Истории ее становились все красочней. Никогда прежде Колину не было так интересно и весело.

Сперва он просто внимательно слушал. Потом на них с Мэри напал беспричинный смех. Теперь ее рассказ то и дело прерывался дружными взрывами хохота. Мальчик и девочка расходились все больше. Наконец в комнате поднялся такой шум, какой способны поднять только дети, которым весело проводить время друг с другом. Трудно себе было даже представить, что один из этих детей тяжело болен, давно прикован к постели и ждет близкой кончины.

Между тем Колин и Мэри были сейчас и впрямь счастливы. Им было настолько весело, что даже книжек с картинками не потребовалось, и они так и остались лежать в стопке возле кровати. Мало того, Колин вдруг уселся на постели совершенно прямо. Он словно забыл и об атласной подушке, на которую опирался, и о болях в спине.

– Знаешь, – лукаво взглянул он на Мэри, – я только сейчас сообразил: ведь мы с тобой родственники. Ты мне – кузина, а я тебе кузен.

– Вот здорово! – воскликнула Мэри.

Это открытие повергло обоих в новый приступ веселья. Внезапно дверь комнаты распахнулась. На пороге стояли доктор Крейвен и миссис Мэдлок. Увидав, что Колин смеется, доктор замер от неожиданности, и экономка, которая шла следом, наступила ему на пятки.

– Боже мой! – в ужасе вытаращилась она на детей.

Тем временем доктор Крейвен немного пришел в себя.

– Это еще что такое? – строго осведомился он. – Я вас спрашиваю: что тут происходит?

Мэри опешила. На Колина же приход экономки и доктора не произвел ровно никакого впечатления.

– Это Мэри Леннокс, моя кузина, – свысока отозвался он. – Нам захотелось поговорить, вот я ее и позвал. Мне она очень нравится. Я теперь все время буду ее приглашать.

Ответ Колина привел Мэри в полное восхищение. На такое, кроме него, из всех мальчишек на свете был способен разве что юный раджа, которого она видела в Индии.

У доктора Крейвена, в отличие от Мэри, слова пациента восторга не вызвали. Правда, возражать Колину он не решился. Вместо этого он испепелял свирепыми взглядами экономку.

– Ох, сэр, – виновато забормотала та. – Просто не знаю, как такое могло случиться! Уверена, никто из слуг не посмел бы болтать о девочке с мистером Колином. Слуги ведь знают приказ.

– А никто ничего и не болтал, – тут же внес полную ясность Колин. – Мэри сама услышала, как я плачу. Она пошла на мой голос, и все. Так что

не наговаривайте на слуг, Мэдлок.

Мэри взглянула исподлобья на доктора Крейвена. Заметив, что дети за ним наблюдают, он постарался придать лицу как можно более мягкое выражение и сказал:

– Боюсь, этот визит слишком тебя взволновал, мой мальчик.

Он опустил на край кровати и, взяв Колина за запястье, сосчитал пульс.

– Ну, разумеется, – удрученно произнес он. – Пульс участился.

– Только посмейте не пускать ко мне Мэри! – грозно откликнулся Колин. – Я вам тогда устрою! Слышите, вы, доктор Крейвен? И наплевать мне на пульс. Я чувствую себя сегодня гораздо лучше, потому что Мэри ко мне пришла. А чай я теперь буду пить вместе с ней. Пусть сиделка накроет ей рядом.

Доктор Крейвен и миссис Мэдлок обменялись тревожными взглядами.

– В общем-то, сэр, мне и правда кажется, что мистер Колин сегодня выглядит лучше обычного, – отважилась высказать свое мнение экономка. – Конечно, в мисс Мэри ли тут все дело или же в чем другом – сказать затруднительно. Мистер Колин уже с утра выглядит превосходно.

– Так ведь Мэри ко мне в первый раз ночью пришла, – объяснил мальчик. – Мне не спалось, и мы долго разговаривали. Потом она мне спела колыбельную песню из Индии, и я уснул. А утром проснулся, и мне сразу есть захотелось. Теперь Мэри у меня второй раз, и мне снова есть хочется. Мэдлок, распорядитесь же наконец, чтобы нам с мисс Мэри принесли чай!

Экономка покорно пошла исполнять приказание. Доктор Крейвен дождался, пока в комнате появилась сиделка с подносом, что-то шепнул ей на ухо, а затем произнес краткое напутствие Колину. Из речи доктора юный его пациент должен был заключить, что ему нельзя волноваться, нельзя много разговаривать и, главное, нельзя забывать, как слабо его здоровье и сколь пагубно может отразиться на нем даже небольшое напряжение.

«Теперь я знаю, почему Колин говорит все время о смерти, – слушая доктора, думала Мэри. – Когда столько всего нельзя, наверное, вообще перестает жить хотеться».

Что же до самого Колина, то он выслушал доктора с откровенным презрением.

– Вам, наверное, очень хотелось бы, мистер Крейвен, чтобы я до самой смерти только и думал бы о своей болезни, – процедил мальчик сквозь зубы. – Но я не хочу! Не хочу! И Мэри Леннокс тоже не хочет, чтобы я думал об этом. Она будет ко мне приходить!

Доктор Крейвен пожал плечами и вышел из комнаты. Но еще до того,

как за ним затворилась дверь, Мэри успела заметить, что он как-то поник. Доктор, в свою очередь, успел разглядеть ее.

Мэри с приходом взрослых по обыкновению замкнулась и, поджав губы, неподвижно сидела на табуретке. «Не сказал бы, что эта девочка слишком веселая, – в полном недоумении размышлял доктор Крейвен. – И чем только она могла понравиться Колину?»

Однако и доктор Крейвен отметил, что пациент его сегодня ведет себя совсем по-другому, чем прежде.

– Ничего, ничего не понимаю, – бредя по коридору, бормотал он.

Тем временем в комнату Колина внесли поднос с чаем и булочками.

– Обычно мне есть не хочется, и меня всегда заставляют, – принялся объяснять он Мэри. – Но эти булочки вроде вкусные. Если ты станешь их есть, я тоже, пожалуй, буду. Попробуем, а?

Глава XV

МЭРИ СТРОИТ ГНЕЗДО

Дождь шел целую неделю подряд. Нечего было даже и думать в такую погоду о свидании с Дикеном. В Таинственном саду Мэри тоже за это время ни разу не побывала. Однако неделя ей не показалась томительной. Наоборот, Мэри и не заметила, как она пролетела. Целые дни напролет девочка проводила у Колина. О чем только они ни рассказывали друг другу! Мэри говорила об Индии, о садах, о коттедже в пустоши и о Дикене. Часто они принимались за книги. Разглядывали картинки, а иногда начинали читать вслух. Сначала Мэри читала Колину, а потом Колин – Мэри, потом книга снова переходила к девочке.

Мэри все чаще замечала: когда Колина что-нибудь увлекает, он перестает походить на больного. Разве что лицо у него всегда было бледным, и с постели он не вставал. Зато как у него сияли глаза, с каким увлечением он говорил, как бурно жестикулировал! Казалось, еще чуть-чуть, и он, подобно всем здоровым детям, вскочит с постели и пустится с Мэри наперегонки. И чем больше они проводили времени вместе, тем сильнее она верила, что такой день обязательно рано или поздно настанет. Ведь Колин уже успел так измениться! Даже миссис Мэдлок, и та удивилась.

– Ну и хитрая же ты, оказывается, девчонка, – сказала она как-то Мэри. – Надо же, услышала ночью плач и тут же бросилась выяснять. И слава Богу, что так! Для нас ты прямо будто подарок свыше! С той поры, как ты с нашим мистером Колином подружилась, он совсем свои скандалы катать перестал. А как раз перед тем сиделка расчета потребовала. И я не могу ее осуждать. Мистер Колин ее просто извел. А теперь она мне говорит: «Знаете, если Мэри Леннокс будет и дальше мне с мистером Колином так хорошо помогать, пожалуй, я пока подожду увольняться». Теперь-то ты понимаешь? – смеясь, добавила экономка. – Ты уж, пожалуйста, Мэри Леннокс, продолжай в том же духе.

– Хорошо, миссис Мэдлок, – вежливо ответила девочка.

Впрочем, она и так не собиралась отступить от задуманного. Каждый день она исподволь заводила с Колином разговор о Таинственном саде. Правда, тут она соблюдала предельную осторожность. Ни в коем случае нельзя выбалтывать Колину все, прежде чем она выяснит две очень важные

вещи. В первую очередь надо проверить, умеет ли Колин по-настоящему хранить тайны? Вообще-то Мэри почти и не сомневалась, но все же считала, что на всякий случай должна еще раз убедиться. А кроме того, нет смысла ничего рассказывать Колину, пока Мэри еще не придумала, как отвезти его в сад по секрету от взрослых. А придумать обязательно надо. Ведь знаменитый доктор из Лондона сказал, что Колину необходим свежий воздух. Колин же согласен дышать воздухом только в Таинственном саду. Вот и получается, что, пока Мэри не возьмет это в свои руки, Колин не сможет поправиться.

За последнее время Мэри еще больше поверила в целительность здешнего воздуха. Как-то они с Мартой сидели в детской.

– По-моему, я еще сильнее изменилась! – внимательно глядя на себя в зеркало, воскликнула девочка.

– Верно, мисс Мэри, – подтвердила горничная. – А ты говоришь, пустошь. Этот воздух с пустоши просто чудеса какие-то с тобой сделал. И худоба твоя теперь почти незаметна, и румянца в лице куда больше, чем желтизны. А волосы как поздоровели и распушились. Раньше-то у тебя голова была совсем не в порядке.

– Я и сама, по-моему, была совсем не в порядке! – весело откликнулась Мэри.

– Да уж, – кивнула Марта. – Трудно теперь и представить тебя такой, как тогда. Тощая, страшная, злая! Будто это кто-то совсем был другой, а не ты.

Вот тут-то Мэри окончательно и решила вывезти Колина на свежий воздух. Если этот воздух так хорошо на нее подействовал, то и Колин должен поправиться. Правда, чем она больше об этом думала, тем отчетливей убеждалась, что без Дикена тут не справиться. Но захочет ли Колин, чтобы Дикен смотрел на него?

– Почему ты всегда так сердисься, если на тебя кто-то посмотрит? – решила выяснить Мэри.

– Ненавижу! – затрясся от гнева мальчик. – Ненавижу с тех пор, как меня на море возили. Там каждый останавливался возле моего кресла и глазел. А потом начинал с сиделкой шептаться. И лица у них такие жалостливые делались. Как будто кому-то и впрямь было жаль, что я умру в детстве и никогда взрослым не стану. А одна леди как-то подошла, потрепала меня по щеке и засюсюкала: «Бедный ребенок!» Я на нее разозлился и за руку укусил. Слышала бы ты, как она громко визжала! А потом кинулась прочь.

– Этой леди, наверное, показалось, что ты взбесился, – покачала

головой Мэри. – Хотя вообще-то такое случается чаще с собаками.

– Наплевать, что она там решила, – ответил Колин. – Я ее не просил подходить.

– Я к тебе тоже без спросу пришла в первый раз, – засмеялась Мэри. – Почему же ты кусаться не стал?

– Но я ведь сначала подумал, что ты привидение или сон, – честно ответил мальчик. – А какой тогда смысл кусаться? Ни на сон, ни на привидение это бы все равно не подействовало. И орать тоже на них бесполезно.

– Скажи, Колин, – проговорила вкрадчиво Мэри. – Тебе стало бы неприятно, если бы, кроме меня, на тебя поглядел бы еще один мальчик?

Колин откинулся на подушку.

– Есть только один мальчик, которому я бы позволил смотреть на себя, – тихим голосом отозвался он. – Ты сама, Мэри, знаешь кто.

– Дикен? – не сводя с Колина глаз, прошептала девочка.

– Да, – тут же подтвердил Колин.

– Вообще-то я так и думала, что тебе захочется с ним подружиться, – облегченно сказала Мэри.

– Конечно, захочется, – улыбнулся мальчик. – Когда ты о нем рассказываешь, я все время думаю: если этого Дикена так любят звери и птицы и тебе он так нравится, с чего бы его не любить и мне? Ты же говоришь, он вроде заклинателя. Вот и пускай заколдует мальчика. Ведь это тоже животное.

Едва представив себе, как Дикен игрою на дудочке приручает Колина, дети расхохотались и долго не могли успокоиться. Мэри была просто счастлива. Теперь она знала, что, как только повстречается с Дикеном, сможет познакомить с ним Колина. Только бы дождь поскорее кончился!

В понедельник и это желание Мэри исполнилось. Рано утром ее разбудили яркие лучи солнца. Они пробивались даже сквозь плотную штору. Мэри вскочила на ноги и, подбежав к окну, с силой потянула за шнур. Когда штора поднялась вверх, Мэри от восторга раскрыла рот. Небо сияло голубизной, и вся пустошь тоже была голубая. Девочка распахнула окно. В комнату ворвался теплый ласковый ветер. И тогда Мэри поняла, что всего лишь за одну ночь в Мисселтуэйт Мэноре наступила весна. Птицы оглашали округу радостным пением. Девочка перевесилась через подоконник и подставила лицо теплему ветру и солнцу.

– Как хорошо! – выдохнула она.

Мэри подумала, что сейчас, наверное, еще очень рано. Даже из конюшни не доносилось ни шума, ни голосов. Значит, все слуги, да и

вообще все в доме еще спят. Но Мэри не собиралась снова ложиться в постель. Она и так целую неделю не видела Таинственного сада.

Едва представив себе, какие происходят сегодня там чудеса, Мэри бросилась одеваться. Через пять минут она была готова. Ботинки она взяла в руки, чтобы не шуметь, когда будет спускаться по лестнице. Внизу она обулась и подошла на цыпочках к боковой двери. Замок тут открывался очень легко, и мгновение спустя Мэри уже стояла на нежно-зеленой траве. Солнце тут показалось девочке еще светлее и жарче. А небо было таким голубым, что Мэри вдруг захотелось спеть что-нибудь громкое и очень веселое. Именно в это утро она впервые подумала, что, когда птицы громко поют, это, наверное, просто от радости.

Мэри заспешила вдоль клумб и кустов туда, где за занавесом плюща пряталась дверь в Таинственный сад. Здесь тоже все разительно переменялось. Везде появились ростки, а тяжелые бутоны на крокусах были готовы вот-вот распуститься лиловым и желтым. Неделя дождей разбудила растения, и Мэри, затаив дыхание, внимала рождению жизни.

Вот и дверь в Таинственный сад. Мэри уже хотела ее отворить, когда вдруг сверху послышалось сердитое карканье. Девочка вздрогнула от неожиданности и задрала голову. На стене сидел иссиня-черный ворон. Он внимательно оглядел незнакомку и, взмыв вверх, устремился куда-то на середину сада. Мэри поморщилась. Этот ворон немного пугал ее, и она надеялась, что он улетел.

Однако, войдя в сад, она снова встретила с ним. Ворон теперь восседал на вершине яблони. Мэри хотела уже прогнать его, когда взгляд ее случайно упал на землю, и она увидела рыжую макушку Дикена. Мальчик что-то делал, склонившись над самой землей, а подле него примостился рыжий зверек с пушистым хвостом.

– Дикен! Дикен! – обрадовалась Мэри. – Как ты сумел так рано сюда добраться?

– Рано? – поднимаясь на ноги, переспросил мальчик.

– По-моему, солнце еще только встало, а ты уже тут, – отозвалась Мэри.

– Да у меня просто сил нет в такие дни дожждаться, пока солнце взойдет, – весело подхватил Дикен. – Ты погляди. Сегодня все будто рождается заново. Я как глаза открыл, тут же слышу: вся пустошь жужжит, посвистывает, какие-то звери в земле роются. Ну я и пошел на улицу. А уж как поднялось солнце и птицы запели, тут я и вообще не знал, куда себя деть от радости. Вот мне и вздумалось поработать немного в этом саду.

Волосы у Дикена растрепались, глаза сияли.

– А здесь я, как посмотрел на все это цветение, прямо чуть с ума не сошел, – продолжал он. – Надо же, чтобы было такое чудо на свете, мисс Мэри!

– Ой, Дикен! – тут же воскликнула девочка. – Я тоже сегодня так счастлива, что даже дышать не могу!

Пока дети обменивались впечатлениями, рыжий зверек подошел к Дикену, уселся рядом и положил голову ему на ботинок. Заметив это, ворон громко каркнул и перелетел с яблони к Дикену на плечо.

– Ой, вы же еще не знакомы! – спохватился мальчик. – Это, Мэри, мои друзья. Лисенок Капитан и ворон Уголек. Они сюда шли со мной от самого дома. Видала бы ты это зрелище! – радостно добавил он. – Уголек летел прямехонько над моей головой, а Капитан несся по пятам, как будто я убежать от него собираюсь.

Лисенок и птица быстро освоились в обществе Мэри. Уголек так и продолжал сидеть у Дикена на плече, а Капитан следовал за детьми по всему саду.

– Ты погляди, погляди только, Мэри! – то и дело слышался восторженный шепот Дикена.

Следуя его призывам, Мэри то опускалась вместе с ним на колени, то, низко склонившись над землей, разглядывала какие-то удивительные побеги, или бутоны, или еще какое-нибудь чудо, которое появилось в этот первый весенний день. Мэри и Дикен насчитали несколько тысяч новорожденных растений, и каждое они одарили частичкой огромной радости, которая переполняла их души.

Больше всего понравился Мэри пестрый ковер из лиловых, оранжевых и ярко-желтых крокусов, которые сплошь покрыли маленькую поляну. И тут же ее ожидал новый сюрприз. На серых стеблях роз набухли почки! Теперь уже можно было не сомневаться: розы за десять лет не погибли. В природе сегодня и впрямь творилось какое-то чудо. Это было так заразительно, что Мэри и Дикену захотелось внести свою лепту. Они схватили садовые инструменты и стали копать, рыхлить, выпалывать сорняки. Вскоре щеки у Мэри стали красными, как у Дикена, да и волосы растрепались не хуже, чем у него. Именно в этот момент появился Робин. Повел он себя совсем по-другому, чем прежде. Стремительно перелетев через стену, он скрылся в самом глухом уголке сада.

Мэри уже раскрыла рот, чтобы его окликнуть, но Дикен опередил ее:

– Тише. Робину сейчас очень некогда. Он нашел самочку и собирается строить гнездо. Если мы его не спугнем, они вместе останутся здесь.

Дети тихонько опустили на траву и застыли. Им очень хотелось,

чтобы Робин и самочка устроили гнездо в Таинственном саду.

– Пусть пока Робин думает, что здесь нет никого, – зашептал Дикен на ухо Мэри. – Он сейчас весь в заботах о будущем, потому и стал гораздо пугливей. И на болтовню с нами у него совсем времени нет. Ни у птиц, ни у людей и ни у кого на свете не бывает лишнего времени, когда настала пора собственный дом возводить. Так что давай-ка с тобой посидим. Вообрази, будто мы какая трава или кустарник и тут просто выросли. А я как увижу, что Робин немного освоился, так дам ему один знак. Тогда он сразу поймет, что мы не станем ему мешать, и больше нас опасаться не будет.

Мэри согласно кивнула. Она старалась сидеть как можно тише, но все равно до Дикена ей было далеко. Он словно и впрямь слился с кустарником, росшим вокруг. Если бы на теле мальчика вдруг появилась пара-другая зеленых побегов, Мэри сейчас ничуть бы не удивилась.

– Без строительства гнезд ни одной весны не бывает, – немного помолчав, продолжал объяснять Дикен. – Птицы их строят с самого Сотворения Мира, и людям тут лучше не вмешиваться. Можно только напортить или потерять друга.

– Уж если мы должны не обращать на Робина никакого внимания, давай перестанем о нем говорить, – взмолилась Мэри. – Как же я могу не глядеть на него, когда ты мне рассказываешь про строительство гнезд.

– Хорошо, – согласился Дикен. – Тогда расскажи ты мне что-нибудь, Мэри.

Она не заставила себя просить дважды и тут же осведомилась:

– Ты когда-нибудь слышал о Колине?

– А ты? – пристально посмотрел ей в глаза Дикен.

– Я его теперь знаю, – ответила девочка. – Всю эту неделю, пока шел дождь, мы виделись каждый день. Колин сам попросил, чтобы я ходила к нему. Потому что со мной он гораздо меньше вспоминает про болезнь и про то, что скоро умрет.

– Хорошо, что ты его знаешь, – с облегчением проговорил Дикен. – Иначе мне ведь пришлось бы скрывать от тебя про него. А я скрывать ненавижу.

– Но ведь про сад тебе скрывать нравится? – забеспокоилась Мэри.

– Про сад – да, – подтвердил Дикен. – Но это совсем другое дело. А когда кому-нибудь плохо и тебе велят не говорить никому, тут я уж не знаю, что делать. По-моему, скрывать такое никуда не годится.

– Я тоже думаю, что Колина скрывать от меня было не надо, – согласилась девочка. – Ты сам-то откуда о нем узнал, Дикен?

– Все слуги мистера Крейвена знают, что у него есть больной мальчик.

Мистер Крейвен очень не любит, когда его спрашивают о сыне, и сам о нем никогда первый не заговаривает. И никто его старается не расстраивать. В наших краях все очень жалеют мистера Крейвена. Жена-то у него была просто красавица, и они так друг друга любили. Я это все от миссис Мэдлок узнал. Она всегда к нам заходит по пути в Туэйт, и они с матушкой часто при нас разговаривают. Но вот как тебе-то, мисс Мэри, удалось о мистере Колине выведать? Марта говорит, от тебя его уж так скрывали...

Мэри в подробностях изложила Дикену, как нашла в доме больного мальчика.

– Бедняга Колин, – сочувственно покачал головой Дикен. – Говорят, у него глаза точь-в-точь как у покойной матери. Только у нее они были веселые, а Колин всегда грустит. Вроде бы из-за этих глаз мистер Крейвен и избегает смотреть на сына.

– Значит, тебе тоже кажется, что мистери Крейвену было бы легче, если бы Колин умер? – встревожилась Мэри.

– Да нет, мистер Крейвен ведь добрый, – решительно возразил Дикен. – Вот если только... – Мальчик на секунду замялся, а потом скороговоркой добавил: – Мистери Крейвену вроде как было бы легче, если бы Колин вообще никогда не родился. Моя матушка так говорит. И она считает, для Колина это очень плохо, потому что такие дети неважно растут. Конечно, мистери Колину ни в чем нет отказа, и все ему купят. Но матушка говорит: «Лучше бы этому бедному мальчику побольше душевного отношения».

– Да-а, – грустно проговорила Мэри. – Этого Колину, наверное, больше всего не хватает. Мистер Крейвен боится, как бы у него горб не начал расти. И Колин тоже боится. Он мне однажды сказал: «Если только почувствую, что становлюсь горбуном, буду кричать, пока не умру».

– Если все время лежать и думать, какой ты несчастный, можно и умереть, и горбатым стать, даже если у твоего отца никогда горба не было, – многозначительно изрек Дикен и стал гладить лисенка, который давно уже тыкался носом ему в ладонь.

Мэри по-прежнему сидела, не шевелясь. Она боялась спугнуть Робина.

– Помнишь, какой этот сад был серый, когда ты меня первый раз сюда привела? – вспомнил вдруг Дикен.

– Зато как теперь тут все распустилось! По-моему, даже стена стала другого цвета, – отозвалась Мэри. – Правда, Дикен, смотри. Весь камень словно в зеленой дымке.

– Конечно, весной всегда так, – тоном искушенного в подобных делах человека отвечал мальчик. – Потом стена еще больше позеленеет. Ты лучше

угадай, о чем я сейчас подумал?

– Может, о том, как помочь Колину? – с надеждой спросила Мэри.

– Верно, – расплылся в улыбке Дикен. – Я подумал, что, окажись Колин среди такой красоты, он мигом забыл бы и о горбе, и о всяких других болезнях. Он просто любовался бы вместе с нами, как сад растет и почки на деревьях распускаются. Так мы и проводили бы тут время все вместе – два мальчика и одна девочка. Это пошло бы на пользу Колину посильнее докторских хитростей.

– Только вот как его сюда вытащить, – задумалась Мэри. – Знаешь, Колин ведь очень странный. Книг он много прочел и знает столько всего необыкновенного. А обыкновенных вещей боится. И на улицу выходить не любит. А однажды он мне сказал, что ненавидит сады и садовников. Тогда-то я ему и призналась, что тут есть Таинственный сад. Колину стало интересно и захотелось сюда попасть. Я от него пока скрыла, что уже нашла сад. Я делаю вид, будто только ищу. Надо еще проверить, умеет ли Колин хранить настоящие тайны? А потом, его ведь надо везти до сада в коляске. Ты сможешь его отвезти, Дикен?

– Конечно, смогу. И вообще, если Колина этот сад увлекает, мы его на улицу точно вытащим, – уверенно произнес Дикен. – А теперь погляди-ка на Робина, Мэри. Пока мы с тобой тут болтали, он со своей подружкой над гнездом трудится. Видишь, – показал Дикен пальцем вперед, – вон он остановился с веточкой в клюве. Вроде как думает, куда эту ветку лучше пристроить. Вот сейчас я, пожалуй, с ним и поговорю.

Дикен тихонько свистнул. Робин повернул голову, но ветку из клюва не выпустил.

– Хорошая у тебя ветка, – ласково начал мальчик. – Таковую куда ни положишь, все равно выйдет отлично. И чего ты засомневался вдруг? У тебя же сноровка в крови. Ты еще не успел из яйца вылупиться, а природа уже дала тебе знание, как гнездо возводить. Строй смело, Робин, и не задумывайся. Некогда тебе сейчас время тратить.

– Как хорошо ты с ним разговариваешь! – окинула восторженным взглядом приятеля Мэри. – И, по-моему, Робин все понял. Он вообще все слова понимает. И еще он очень любит, когда на него обращают внимание. Бен Уэзерстафф мне как-то сказал, что, если Робина не замечаешь, ничего для него обиднее нет.

Дикен усмехнулся и снова заговорил с Робинком:

– Ты ведь знаешь, мы тебя любим. Мы тебе ничего плохого не сделаем. Да мы тем же самым заняты. Ты свое гнездо строишь, а мы – свое. Так что бояться тебе совсем нечего. Вот давай и договоримся: мы тебя никому не

выдадим, а ты не выдавай нас. Ладно?

Услыхав это, Робин так выразительно поглядел на детей, что, казалось, лишь ветка, с которой он по-прежнему не расставался, мешает ему ответить. Впрочем, Мэри и Дикену и без того все было ясно. Кто-кто, а уж Робин умел хранить настоящие тайны.

Глава XVI

Я ВСЕ РАВНО ДОЛЖНА БУДУ К НЕМУ ПОЙТИ!

В то утро у Мэри и Дикена оказалось так много работы в саду, что девочка едва успела к обеду. Быстро поев, она заторопилась обратно.

– Передай Колину, что я пока к нему зайти не могу, – проговорила она на ходу Марте. – Мне в саду еще кое-что надо доделать.

– Ой, мисс Мэри, – округлила от страха глаза горничная. – Чем просить меня такое передавать, уж лучше бы уделила ты ему минутку. А то он знаешь что со мной сделает!

– А что он тебе может сделать? – пожала плечами Мэри, которая, в отличие от других жителей Мисселтуэйта, не собиралась потакать капризам этого мальчика. – Я все равно сейчас не могу. Меня там, в саду, Дикен ждет.

И, не желая тратить времени попусту, она побежала вниз.

Дикен и впрямь уже ждал ее с нетерпением. Пока она обедала, он отыскал множество участков, которые нужно вскопать и выполоть, пока сорняки не заглушили растения. Сегодня им уже не хватало маленького набора садового инвентаря, который Дикен купил для Мэри, и он захватил из дома свою лопату. Сперва они вместе пололи. Потом принялись окучивать деревья.

– Конечно, наш Таинственный сад не надо делать таким, как простые сады вокруг, – не отрываясь от работы, говорил Дикен. – Но к разгару весны ни цветам, ни деревьям ничего не помешает цвести как следует. Уж помяни мое слово, мисс Мэри: стоит нам с тобой еще чуть постараться, и у нас вызреет все, что душе угодно: и яблоки, и вишни, и сливы. А внизу будет настоящий ковер из цветов.

Лисенок и ворон, похоже, радовались вместе с детьми. Капитан ходил по пятам за Дикеном. Уголек то с гордостью восседал у хозяина на плече, то, хлопая широкими крыльями, устремлялся к парку. Некоторое время он парил там высоко над деревьями, затем с карканьем вновь опускался на плечо Дикена.

– Это он мне рассказывает, что видел, – объяснил мальчик Мэри.

Внимательно выслушав Уголька, Дикен непременно говорил ему что-нибудь ласковое, и тот успокаивался. Однажды мальчик так увлекся

работой, что совсем не заметил, как Уголек слетал в парк. Тогда, сердито каркнув, ворон легонько щипал Дикена за ухо и не успокаивался до той поры, пока тот ему не ответил.

Робин с подружкой тоже не забывали детей. Конечно, у них было сейчас полно всяких забот с гнездом, и все-таки они то и дело порхали мимо. Наконец Мэри устала и опустилась на землю под густым деревом. Дикен сел рядом, извлек из кармана дудочку и заиграл одну из причудливых своих мелодий. На ветке тут же появились две белки и стали слушать.

Когда Мэри захотелось еще чуть-чуть поработать, Дикен удивленно воскликнул:

– Да ты прямо неутомимая стала! Вот как у тебя силы-то прибыло. Даже выглядишь по-другому.

– И по-моему, я еще выросла, – сияя от похвалы, ответила девочка. – Миссис Мэдлок говорит, что скоро мне купит одежду побольше. А Марта сказала, что у меня волосы теперь такие, как надо!

Когда они с Дикеном стали прощаться, солнце уже заходило.

– День завтра будет хороший, можно много успеть, – поглядев на закат, сказал мальчик. – Я снова приду к рассвету и сразу стану работать.

– Я тоже к рассвету, – пообещала Мэри и со всех ног припустилась домой.

Теперь, когда работа в саду была позади, девочка вспомнила, что Колин с самого утра ее ждет. «Сейчас только зайду к себе в комнату, переоденусь и сразу к нему, – думала на ходу Мэри Леннокс. – Колину наверняка будет интересно узнать и про Дикена, и про лисенка, и про ворона, и про все остальное». В комнате Мэри снова застала Марту.

– Я насилу тебя дождалась, – с тревогой проговорила девушка. – Поспешила бы ты к мистеру Колину. А то он уже на грани того, чтобы снова нам какой-нибудь свой скандал учинить. Он целый день только и делал, что глядел на часы.

Мэри сердито поджала губы. Конечно, она и без того собиралась к Колину, но вовсе не хотела спешить. И вообще ей было неясно, почему какой-то мальчишка чуть что поднимает скандал на весь дом? Быть может, вспомни Мэри Леннокс себя такой, как она была в Индии, поведение Колина стало бы ей гораздо понятней. Когда у нее разыгрывалась головная боль, она скандалила и кричала на слуг-индусов. Но Мэри забыла о себе прежней, и так как теперь чувствовала себя хорошо, да и вела себя по-другому, то выходки Колина ее возмущали. Не очень легко понять капризы больного, когда сам здоров и не страдаешь от одиночества и тоски.

Словом, Мэри и не думала торопиться. Она позволила себе немного передохнуть и лишь полчаса спустя отправилась наконец к Колину. Мэри была очень удивлена, когда увидела, что Колин лежит не на диване, а в кровати под балдахинном.

– Ты что, уже спишь? – спросила она. – Или вообще сегодня не вылезал из постели?

– С утра я оделся и лежал на диване, – старательно отводя от Мэри глаза, отвечал тот. – Но я тебя ждал-ждал, а ты все не приходила, вот я и распорядился, чтобы меня уложили в кровать. Почему это тебя долго не было?

– Я работала в саду вместе с Дикенем, – объяснила Мэри.

– Только попробуй еще раз ко мне опоздать, и этот твой Дикен больше сюда никогда не придет, – с яростью произнес Колин. – Я запрещаю его пускать в наши владения.

Лицо Мэри словно окаменело. Так с ней случалось всегда, когда что-нибудь вызывало у нее ярость.

– Только попробуй обидеть Дикена, – подчеркнуто тихо сказала она. – Если ты это сделаешь, я больше никогда не войду в эту комнату.

– Еще как войдешь, – смерил ее Колин презрительным взглядом. – Стоит мне приказать, мигом сюда примчишься.

– А вот и не примчусь, – ничуть не смутилась девочка.

– Да я им всем прикажу, и они тебя силой притащат, – победоносно усмехнулся юный мистер Крейвен.

– Ну, конечно же, мистер Юный Раджа, – еще тише прежнего проговорила Мэри. – Я и забыла, как вас все тут боятся. Пожалуй, вы правы. Если вы прикажете, меня могут сюда притащить силой. Но разговаривать с тобой я не стану! – чуть повысила голос она. – Не стану и все! Я даже не погляжу на тебя. Просто сяду на табуретку и буду глядеть на пол!

Когда двое детей обмениваются такими любезностями, драки не миновать. Правда, Колин был слишком слаб и не мог пустить в ход кулаки, а Мэри не собиралась этого делать. Однако оскорбления и упреки, которыми они щедро осыпали друг друга, вполне могли посоперничать силой и яростью с самой отчаянной потасовкой уличных забияк.

– Эгоистка! – завопил Колин.

– А сам-то! – оставив всякую сдержанность, крикнула Мэри. – Все эгоисты обзывают эгоистами всех других. Бедненький мальчик! Я отказалась ему потакать, и потому я эгоистка. Да ты сам эгоист хуже всех! Никогда еще не видела мальчика, который так бы себя обожал и берег!

– Нет, видела! – заскрипел от обиды и злости зубами Колин. – Сегодня весь день видела! Это твой драгоценный Дикен! Он самый большой эгоист. Нарочно держал тебя целый день на улице и возился с тобой в какой-то грязи, пока я сидел тут совсем один!

– Как ты смеешь! – топнула ногой Мэри. – Дикен вообще самый лучший на свете. Это не мальчик, а ангел. Особенно если с тобой его сравнивать.

– Ты, видно, совсем спятила, Мэри Леннокс! – старательно покрутил пальцем у виска Колин. – Назвать ангелом какого-то оборванца с пустоши!

– Кому что нравится, – тут же нашлась Мэри. – Я лично терпеть не могу всяких юных раджей, а вот Дикен в сто раз лучше тебя!

С каждым новым выпадом Мэри уверенности у Колина убавлялось. До сих пор никто не отваживался с ним пререкаться. Яростный отпор, который он встретил у Мэри, привел его в полное недоумение. Кончилось тем, что Колин умолк и отвернулся лицом к стене. Спор был явно проигран. Колин почувствовал себя самым несчастным существом на земле, и от жалости к себе ему захотелось плакать. Мэри, напротив, торжествовала победу. Теперь она была уверена, что Колин не решится обидеть Дикена.

– Все равно ты эгоистка хуже, чем я, – пробубнил Колин в подушку. – Я болен! У меня растет горб! Я скоро умру! Вот тогда вы все пожалеете!

– Опять начал свою ерунду городить, – фыркнула Мэри.

Колин от возмущения подскочил на постели и, забыв о больной спине, выпрямился. Никто еще не позволял себе отзываться с таким пренебрежением о его болезни.

– Ерунда? – заверещал он. – Я умираю, а тебе ерунда?

– Самая настоящая ерунда, – окинула его скупающим взглядом Мэри. – Не такой уж ты больной. Ты нарочно об этом твердишь. Хочется, чтобы тебя все жалели. А я не верю! Если бы ты был получше, я, может быть, и поверила бы. Но всякие там маленькие раджи никогда не говорят правду. Они только врать и умеют.

– Убирайся! Убирайся отсюда! – в гневе затряс кулаками Колин и запустил в Мэри подушкой.

Но сил у него было слишком мало, и подушка упала, не долетев до девочки. С минуту Мэри внимательно глядела на Колина.

– Хорошо, я уйду, – наконец сказала она. – Но я никогда не вернусь.

Уже открыв дверь, Мэри обернулась и с укором проговорила:

– Я собиралась рассказать тебе столько всего интересного! Дикен привел с собой ручного лисенка и ручного ворона. Но, я вижу, тебя это не волнует. Что тебе до нас с Дикеном! Ты же говоришь, что он просто

оборванец из пустоши.

Она вышла, тщательно затворив дверь, и едва не налетела в коридоре на сиделку. Та явно подслушала их и теперь открыто смеялась. Это была крупная молодая женщина. Она не понимала больных и относилась к тому типу людей, которым совсем не следует становиться сиделками. Колин не вызывал у нее ничего, кроме неприязни, и она пользовалась любым предлогом, чтобы хоть ненадолго передоверить больного заботам Марты.

– Что это вам так весело? – мрачно осведомилась Мэри, которая не слишком симпатизировала сиделке.

– Что весело? – переспросила та. – Да очень уж хорошо ты поговорила с ним. Так ему и надо. Ох, как я рада. Наконец он столкнулся с таким же избалованным существом, как и сам. Окажись у него давно сестрица вроде тебя, он бы вообще никогда не болел.

– Значит, он не обязательно умереть должен? – пользуясь случаем, решила выяснить Мэри.

– Умереть! – пренебрежительно махнула рукой сиделка. – Да половина болезней у этого гадкого мальчика от его истерик. А другая половина – от отвратительного характера.

– А почему у него происходят эти истерики? – продолжала расспрашивать девочка.

– Скоро узнаешь, – злорадно усмехнулась сиделка. – Ты сейчас дала ему неплохой повод. Думаю, он нам сегодня покажет себя.

Не попрощавшись с сиделкой, Мэри быстро пошла по коридору. Она была очень сердита на Колина, но то, как о нем говорила сиделка, ей совсем не понравилось.

«Не хочу! Ничего не хочу!» – шептала на ходу Мэри Леннокс. С каждым шагом, который приближал ее к детской, она все больше становилась похожа на Мэри-все-наоборот.

В комнате она снова застала Марту.

– Тебе тут сюрприз прислали, мисс Мэри, – сияя, объявила она.

На столе высился деревянный ящик. Крышка была откинута. Заглянув внутрь, Мэри увидела красивые свертки, и настроение у нее несколько поднялось.

– Это от мистера Крейвена, – объяснила Марта. – Давай поглядим быстрее. Мне прямо самой не терпится разузнать, чем он там тебя одарил!

Мэри не стала испытывать ни ее, ни своего терпения. В одном из свертков оказались книги. Они были не хуже тех, что Мэри читала и разглядывала вместе с Колином. Две из них, в которых были самые яркие картинки, посвящались садам. В другом свертке были настольные игры. И

наконец Мэри извлекла из коробки письменный прибор с золотой монограммой МЛ, золотой чернильницей и золотой ручкой.

– Вот это да! – улыбнулась Мэри.

Но еще больше самой посылки обрадовало ее то, что мистер Крейвен, оказывается, помнил о ней и даже о ее увлечении садом. А ведь они виделись с ним всего один раз. Марта и Мэри молча полюбовались подарками.

– Нужно обязательно поблагодарить мистера Крейвена, – заявила Мэри немного спустя. – Я сочиню новой ручкой письмо для него. Ведь мистер Крейвен умеет читать по-письменному. А то печатные буквы у меня не очень хорошо получаются.

Вскоре Марта пошла вниз за ужином. Оставшись одна, Мэри поглядела на игры, которые прислал мистер Крейвен, и ей снова сделалось грустно. Не приключись этой ссоры с Колином, Мэри уже сидела бы сейчас у него. Они вместе рассмотрели бы все подарки, или занялись бы настольными играми, или почитали бы друг другу вслух какую-нибудь из книг про сады.

– Никогда к нему не пойду! – тут же одернула себя Мэри.

Мысли о Колине почему-то все равно не оставляли ее. Внезапно ей вспомнилось, как Колин однажды ей рассказал, что, когда слишком много думает о своей болезни, ему начинает казаться, будто горб на спине и впрямь вырос. Тут-то с ним и случаются самые страшные истерики.

Мэри совсем стало не по себе. Ей-то ведь было известно, что о болезни и смерти Колин думал, по большей части, когда расстраивался или злился. «А сегодня он с самого утра сердится на меня, – продолжала размышлять девочка. – Как бы у него действительно сильного приступа не случилось. Недаром эта сиделка противная говорила!» И, забыв обо всех обидах, Мэри решила, что все-таки навестит его утром. «Конечно, он, может быть, снова станет грубить или кидаться подушкой, но я все равно должна буду к нему пойти», – подумала она.

Глава XVII

ИСТЕРИКА

Весь этот день Мэри с рассвета провела на ногах и, едва поужинав, захотела спать. «Завтра я сперва поработаю в саду вместе с Дикенсом, а уж потом навещу Колина», – поудобнее устраиваясь на подушке, решила она и почти сразу заснула.

Среди ночи что-то заставило ее подскочить на постели от ужаса. Первые секунды девочка в недоумении вглядывалась во тьму и ничего не могла понять. За дверью слышались истошные крики, от которых кровь стыла в жилах.

– Что такое? Что там случилось? – дрожая всем телом, шептала Мэри.

Чуть позже она различила голоса слуг, которые, стуча каблуками, бегали по коридору. Кто-то из них довольно громко произнес имя Колина.

– Колин! – вдруг осенило Мэри. – Значит, это он и кричит. Все-таки у него случилась истерика.

Теперь она наконец поняла, отчего все в Мисселтуэйте были согласны терпеть любые выходки Колина. Мэри и сама сделала бы сейчас все, что угодно, только бы больше не слышать этих ужасных воплей. Она крепко зажала ладонями уши. Однако крикам юного мистера Колина ничего не стоило пробить столь эфемерный барьер, и Мэри страдала по-прежнему.

– Долго я так не вынесу! Не вынесу! Не вынесу! – в отчаянии твердила она.

Если бы Мэри могла наверняка знать, что ее приход успокоит Колина, она забыла бы все обиды и тотчас отправилась бы к нему. Но, едва вспомнив о скандале, который он ей учинил, Мэри решила, что никуда не пойдет. Ей совсем не хотелось испытывать на себе его гнев.

Колин между тем расходился все больше. Мэри терпела, покуда хватало сил. Внезапно ее охватила ярость. «Пожалуй, сейчас я сама устрою истерику, – решила она. – И уж я постараюсь так разойтись, что вы, мистер Колин, испугаетесь побольше, чем я!» То ли крики Колина и впрямь ее напугали, то ли она не привыкла терпеть чужих капризов, но на какое-то мгновение Мэри-все-наоборот снова возобладала в ней. Она заколотила изо всех сил босыми пятками по полу.

– Остановите! Сейчас же остановите его! – старалась как можно громче кричать она. – Да когда же он прекратит!

Следовало отдать Мэри должное: она закатила впечатляющую истерику. Если бы ей предоставили возможность продолжать эту сцену дальше, неизвестно еще, до каких высот мастерства ей удалось бы подняться. Но дверь в детскую неожиданно отворилась. На пороге стояла сиделка.

– Беда, мисс Мэри, – сокрушенно проговорила она, – мистер Колин все же довел себя до истерики.

Мэри умолкла и внимательно поглядела на женщину. Трудно было поверить, что еще недавно она потешалась над Колином. Сейчас она не находила себе места от страха. Было ясно, что она не меньше, чем остальные, боится истерик Колина.

– Будь хорошей девочкой, Мэри, – заискивающе проговорила сиделка. – Пойдем вместе к нему. Попробуй его успокоить. У тебя должно получиться. Ты очень нравишься мистеру Колину.

– Нравлюсь! – взорвалась Мэри. – Вы же слышали, как он сегодня выгнал меня из комнаты!

Вопли Колина и сиделка так раздражали ее, что она вновь принялась топтать ногами. Вопреки ожиданиям Мэри сиделку ее поведение явно обрадовало.

– Да ты просто молодец у меня, – с довольным видом сказала она. – Признаться, я, когда шла к тебе, боялась, что ты со страха забилась под одеяло и там сидишь с головой. Но ты оказалась смелая. Вот и задай этому Колину хорошенько за все его выходки.

Похвала сиделки ободрила Мэри, и она, не помня себя, бросилась в комнату Колина. Потом, вспоминая события этой ночи, Мэри неизменно смеялась. Множество взрослых людей были не в силах справиться с маленьким скандалистом и зывали о помощи к Мэри, которая была столь же неуравновешенным и капризным ребенком. Но в тот момент, когда Мэри бежала к Колину, ей было совсем не до смеха. Полы ее халата развевались, в ушах звенело, кровь в висках стучала от ярости.

Добежав до двери, она с треском распахнула ее и устремилась к кровати, на которой извивался и вопил Колин.

– Прекрати! – закричала она с такой силой, что задрезжали подвески на люстре. – Сейчас же заткнись! Ненавижу! Ненавижу таких скандалистов! И все тут тебя ненавидят! И чего они с тобой возятся? Ушли бы из дома. Тогда бы ты мог надрываться один, сколько хочешь. Хоть пока не умрешь! Если ты такой гадкий, лучше бы ты, наверное, действительно умер!

Все это Мэри выпалила с такой силой и злостью, что Колин опешил.

Он умолк и повернулся к девочке. Лицо его побледнело, опухло от слез и пошло красными пятнами. Колин тихо всхлипывал, но Мэри это ничуть не растрогало.

– Если ты еще хоть раз завопишь, – угрожающе проговорила она, – я закричу так громко, что ты обязательно испугаешься. Ты у меня тут будешь сидеть и трястись от страха! А может, и голову под одеяло засунешь! – вспомнила Мэри слова сиделки.

Колин даже всхлипывать перестал. Лишь слезы катились у него по щекам.

– Ты у меня навсегда эти истерики прекратишь, – продолжала Мэри.

– Но я н-не могу, – с трудом выдавил из себя Колин. – Н-не могу прекратить.

– Еще как можешь, – снова затопала ногами девочка. – Все твои болезни одна истерика! Истерика! Истерика! Истерика!

– Но я ведь н-нащупал, – всхлипывая, пытался возразить юный мистер Крейвен. – Я нащ-щупал бугорок на спине. Значит, горб точно растет. О, теперь я стану горбатым, а потом и совсем умру! Умру! Умру! Умру!

И, перевернувшись на живот, он стал опять извиваться и колотить по постели ногами. Однако пока он сдерживался и не исторг ни единого крика.

– Ничего ты не мог нащупать! – еще яростней возразила Мэри. – Это все тебе от истерики показалось. От истерик еще и не то бывает.

Мэри с упоением повторяла слово «истерика». Когда повышаешь голос, оно звучит очень противно и резко, что вполне соответствовало настроению девочки. Кроме того, слыша, как Мэри издевается над его истериками, Колин успокаивался все больше.

– Ну-ка, покажите мне его спину! – велела Мэри сиделке.

Сиделка, миссис Мэдлок и Марта испуганно толпились у двери. Эта девочка вызывала у них изумление. Услыхав, что требует от нее Мэри, сиделка медленно двинулась к постели больного, и вид у нее был такой, словно ее ведут на казнь.

– Мистер Колин мне может не разрешить, – пробормотала она.

Ушей юного мистера Крейвена достиг ее шепот, и он неожиданно мирным тоном проговорил:

– Можешь ей показать мою спину. Пусть сама убедится.

Спина у Колина оказалась очень худой. На ней без труда можно было сосчитать каждое ребро и каждый позвонок. Но всякие там подсчеты Мэри Леннокс не интересовали. Лицо ее вдруг сделалось не по-детски серьезным, и она склонила голову над спиной мальчика с таким видом, словно была по меньшей мере знаменитым врачом из Лондона. Сиделка не

выдержала. Низко опустив голову, она сотрясалась от беззвучного смеха. Колин тихонько всхлипывал. Остальные старались ничем не привлечь внимания Мэри или больного.

– Вот! – торжествующе изрекла девочка пару минут спустя. – Я так и думала! Ничего у тебя на спине нет плохого. Ты, Колин, чувствуешь на своей спине обыкновенные позвонки. А они у каждого человека есть. Просто ты слишком худой, и каждый позвонок у тебя выступает наружу. Со мной то же самое было, пока я не потолстела. Но вредных никаких бугорков на твоей спине нет совершенно. Если ты еще когда-нибудь заикнешься о них, я над тобой знаешь как буду смеяться! Истерик несчастный!

Вряд ли даже сама Мэри предполагала, какое воздействие окажет на Колина ее гневная речь. Ей просто хотелось преподать хороший урок этому скандалисту. Но Колин никогда еще не говорил ни с кем по душам о том, что его волнует. Он питался слухами, которые разносили о его болезни невежественные люди, и страдал, что рядом не было верного друга. Вот почему, выслушав Мэри Леннокс, он испытал не возмущение, а надежду. Если она так грубо с ним разговаривает, да еще смеется над его болезнями, может быть, положение и впрямь не столь безнадежно? Потому что во всех книгах, какие он прочел, над умирающими никто не смеялся.

– Знать бы мне раньше, что Колин вообразил про какие-то бугорки на спине! – воскликнула сиделка, словно отзываясь на его мысли. – Да я давно бы ему сказала, что с позвоночником у него все в порядке!

Колин шумно сглотнул и повернулся к сиделке.

– Значит, и вы, как Мэри, считаете...

– Да, сэр! – решительно подтвердила сиделка.

– Я же тебе говорю! – подхватила девочка. – Нет у тебя ничего, кроме истерик!

Колин снова уткнулся в подушку. Слезы катились по его щекам. Так с ним случалось всегда перед тем, как истерика окончательно проходила. Но сегодня он чувствовал не просто изнеможение от долгих криков, конвульсий и слез. Колин словно сбросил с себя тяжкий груз, и, когда вновь заговорил с сиделкой, в тоне его уже ничто не напоминало властных повадок молодого раджи.

– Скажите, – замирая от страха, произнес он, – вы думаете, я сумею дожить до того, когда стану взрослым?

Сиделка не отличалась ни большой добротой, ни умом. Но она была женщиной честной и в ответ повторила дословно диагноз доктора, которого привозили из Лондона.

– Если будешь выполнять предписания, прекратишь злиться и будешь проводить много времени на свежем воздухе, – отвечала она, – то, скорее всего, выживешь!

Колин не мог произнести больше ни слова. Он просто слегка улыбнулся и протянул руку Мэри. Та последовала его примеру. Мир был восстановлен.

– Я пойду с тобой на улицу, Мэри, – обрел чуть позже дар речи Колин. – И свежий воздух, наверное, полюблю, если ты сможешь...

Колин едва не проговорился, но все-таки сумел не выболтать тайны, и никто из присутствующих не услышал про Таинственный сад.

– Я пойду с тобой на улицу, Мэри, – повторил он. – Ты думаешь, Дикен согласится толкать мое кресло? Мне так хочется увидеть его, и лисенка, и ворона!

– Дикен уже согласился, – кивнула Мэри.

Пока они беседовали вполголоса, сиделка расправила белье на кровати мальчика и как следует взбила подушки.

– Теперь садись поудобнее, – велела она мальчику, – я принесу тебе чашку бульона.

Услыхав о бульоне, Мэри вдруг почувствовала страшный голод.

– Я тоже хочу чашку бульона, – попросила она.

Скоро они с Колином вовсю поглощали наваристый бульон. Убедившись, что сегодня ночью неприятностей более не предвидится, миссис Мэдлок и Марта ушли. Сиделка со стоическим видом опустила в кресло. Не было никакого сомнения, что она с радостью последовала бы примеру экономки и горничной.

– Иди и ложись спать, – с завистью глядя на Мэри, сказала она. – Я посижу, пока он не уснет, и тоже лягу в соседней комнате.

– Хочешь, я спою тебе колыбельную Айи? – шепнула Колину девочка.

– Конечно, – ответил он. – После твоей хорошей песенки я сразу засну.

– Вы можете идти, – повернулась Мэри к сиделке, – а я сама его убаюкаю.

– Пожалуй, тебе я могу это доверить, – скрывая изо всех сил радость, отозвалась сиделка. – Только обещай, если он через полчаса не заснет, обязательно меня разбуди.

– Ладно, – послушно проговорила Мэри.

Едва сиделка ушла, Колин сказал:

– Прости, Мэри, я чуть не выболтал про Таинственный сад. Теперь я буду стараться следить за собой. А ты... Ты днем говорила, что у тебя есть какие-то новости. Это не про Таинственный сад?

И он с такой надеждой взглянул на Мэри, что сердце ее смягчилось.

– Именно про Таинственный сад я и хотела тебе рассказать, – подтвердила она. – По-моему, мне удалось выяснить, как проникнуть туда. Если ты сейчас же заснешь, я тебе завтра все-все расскажу.

– Мэри! – дрожащим от волнения голосом проговорил мальчик. – Мне кажется, если я попаду в этот сад, я обязательно доживу до того, когда стану взрослым. Только, пожалуйста... ты не можешь сейчас, вместо песенки, рассказать мне, как ты представляешь Таинственный сад? Тогда я еще быстрее засну.

– Закрой глаза и слушай, – ответила Мэри.

И она повторила все, о чем от нее узнал Колин в ночь первого их знакомства. Рассказ ее длился недолго. Скоро рука Колина разжалась. Мэри пристально на него поглядела. Он крепко спал.

Глава XVIII

ВРЕМЕНИ ТЕРЯТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ

На следующее утро Мэри рассвет проспала. Марте едва удалось поднять ее к завтраку. Пока девочка ела, она сообщала ей новости про Колина. По словам горничной, он, хоть и вел себя смиренно, но «самочувствием совершенно не отличался».

– Его лихорадит, и голова мучает, – продолжала Марта. – Такое с ним после каждой истерики происходит. Но вчера ночью ты ему выдала, мисс Мэри! Кроме тебя, тут на такое никто не осмелился бы. Потому как все его избаловали прямо ужасно. Моя матушка говорит, с ребенком две плохие крайности могут произойти. Либо ему вообще ничего не велят, либо, напротив, все позволяют, и неизвестно, что из этого хуже. Но ты вчера не выдержала и сама ему закатила концерт. Так он сегодня ведет себя как ангел. Только я к нему захожу, а он вдруг и скажи: «Пожалуйста, Марта, попроси мисс Мэри, чтобы она зашла ко мне, когда сможет». Да он мне ни разу «пожалуйста» не сказал и ничего не просил, а только приказывал. Вот какие ты с ним чудеса проделываешь. И все по причине того, что ты очень ему полюбилась. Ну как, пойдешь ты к нему или нет?

– Вообще-то я хотела сперва повидаться с Дикеном, – задумчиво отозвалась девочка. – Хотя нет, – передумала она на ходу. – Пожалуй, все же сначала забегу к Колину и скажу... Я знаю, что надо сказать ему!

И, надев шляпу, она выбежала из комнаты.

Увидев Мэри в уличном облачении, Колин совсем приуныл.

– Я рад, что ты пришла, – грустно произнес он. – У меня голова болит и вообще все тело, и я очень устал. Ты, наверное, сейчас уйдешь?

Мэри заметила, что лицо у Колина сегодня даже бледнее, чем ночью, и под глазами залегли черные тени.

– Я уйду, но совсем ненадолго, – поспешила она успокоить его. – Мне надо увидаться с Дикеном. Это связано с Таинственным садом, – низко нагнувшись над Колином, шепнула девочка. – А потом я сразу вернусь к тебе. Даже в детскую заходить не буду.

Колин заметно повеселел, и Мэри показалось, что на щеках его начинает появляться румянец.

– Мэри, мне Таинственный сад сегодня всю ночь снился, – сказал он. – Ты говорила, там должно уже все зеленеть, и так в моем сне и было. На

деревьях появились совсем маленькие зеленые листья, а между листьями сидели в гнездах красивые птицы. Ты уж тогда иди скорей, Мэри, а я, пока ты не вернешься, попробую представить себе еще немного Таинственный сад.

Пять минут спустя Мэри Леннокс уже повстречалась с Дикеном. Лисенок и ворон тоже были в саду, и еще Дикен захватил из дома двух ручных белок.

– Я ведь сегодня шел не пешком, – принялся объяснять он, – я приехал на своем пони. Зовут его Джамп. Он у меня отличный скакун. Вот я и решил, отчего бы этим двум белкам не прокатиться в моем кармане? Это Нат, – показал он на одну из белок, которая, услышав свое имя, немедленно вспрыгнула на правое плечо мальчика. – А это Шелл, – показал пальцем Дикен на другую белку, и та моментально очутилась на левом его плече.

Так с двумя белками на плечах Дикен и расположился под деревом. Мэри села рядом. Капитан улегся у них в ногах, а Уголек устроился на ветке прямо над головой хозяина. Было так хорошо сидеть всем вместе в Таинственном саду! Мэри совсем не хотелось думать ни о чем грустном. Но она помнила, что Колин лежал один в своей комнате. Он нуждался в их помощи, и Мэри принялась рассказывать Дикену обо всем, что произошло этой ночью.

Едва вспомнив о скандале, который затеял Колин, Мэри опять начала сердиться. Но, к ее удивлению, Дикен не разделял ее чувств. Чем больше он узнавал об истерике Колина, тем серьезней становилось его лицо. Больной одинокий Колин вызвал у него сострадание. Когда Мэри умолкла, он вдруг сказал:

– Птицы в этом саду поют так, что прямо заслушаешься. Когда мы сидим с тобой здесь, мне кажется, будто весь мир полон песен. Мне вообще каждой весной представляется, словно все в мире друг друга зовет в какую-то красоту. Нам-то с тобой хорошо, Мэри. Мы можем это видеть, и слышать, и чуют носами. А бедняга Колин! Лежит взаперти и очень мало чего видит прекрасного. Потому и скандалит. Нет, так нельзя! – решительно махнул он рукой. – Мы должны вытащить его на свет Божий. И времени нам с тобой, Мэри, терять больше нельзя!

От волнения Дикен заговорил на йоркширский манер. Мэри теперь это стало нравиться, и она тоже попробовала ответить ему по-йоркширски:

– Врно, Дикен. Пторопимся и привзем Колина сюда.

Дикен расхохотался:

– Ты так хорошо говоришь по-йоркширски, Мэри, что я с трудом тебя понимаю. Давай-ка помедленней.

– Я о тебе рассказала Колину, – начала объяснять та, – и он говорит, что ты ему нравишься. Он очень хочет тебя увидеть и Уголька с Капитаном – тоже. Я скоро вернусь в дом и спрошу Колина, можно ли тебе будет зайти со своими зверями к нему познакомиться. А потом, если все будет хорошо, мы с тобой дождемся, когда тут побольше листьев распухнет и цветов, и ты привезешь его в кресле.

– Верно, Мэри, – расплылся в улыбке Дикен. – А ты сейчас, как придешь к нему, обязательно поговори с ним хоть чуть-чуть по-йоркширски. Провалиться мне, если Колина это не насмешит. Знаешь, смех ему сейчас очень нужен, – серьезно добавил он. – Моя матушка как-то сказала, что полчаса хорошего смеха даже от тифа излечат.

– Ну, тогда я обязательно поболтаю немного с Колином по-йоркширски, – пообещала Мэри. – Мне и правда уже пора к нему, Дикен. До встречи.

Не успела Мэри сесть на табуретку рядом с кроватью Колина, как тот начал шумно принюхиваться.

– Ты прямо как Дикен! – удивилась Мэри. – Он тоже что-то все время нюхает.

– В комнате так хорошо вдруг запахло, – задумчиво отозвался мальчик. – Только не пойму, что это?

– Воздух с пустоши и весна, – ответила Мэри. – Колин, на улице все цветет, все ожило, и все потрясающе пахнет, – выпалила она на йоркширский манер, и Колин действительно расхохотался.

– Я и не знал, что ты говорить умеешь по-местному! – захлопал он от восторга в ладоши.

– Конечно, у меня не так хорошо получается, как у Дикена или у Марты, но я стараюсь, – с комической назидательностью ответила Мэри. – Я и тебе бы советовала поучиться. Ты ведь родился в Йоркшире и живешь тоже тут.

Тут оба они не выдержали и расхохотались. Миссис Мэдлок зашла проведать Колина в самый разгар веселья.

– Дела-а-а, – изумленно застыла она на пороге.

Потом Мэри стала рассказывать Колину, каких зверей привел сегодня Дикен с собой. Больше всех Колина заинтересовал пони по кличке Джамп.

– Дикен оставил лошадку в лесочке у парка, – говорила Мэри, – и повел меня с ней знакомиться. Джамп – это самый настоящий дикий пони из пустоши. Роста он очень низкого, а шерсть у него очень густая – специально для холодов. И челка тоже густая. Она свисает Джампу до самых глаз. Глаза у Джампа такие умные, мордочка симпатичная. Дикен

мне объяснил, что этот конь сам добывает себе в пустоши всякие травы. Поэтому Джамп, хоть и маленький, но мышцы у него прямо стальные. И к Дикену он очень привык. Как только мы подошли, он сразу стал ржать и положил Дикену голову на плечо. А Дикен шепнул что-то на ухо Джампу. И Джамп тут же протянул мне правую ногу. Да, да, Колин! – заметив, что тот не очень-то верит, подтвердила девочка. – Джамп еще потом мне в щеку носом уткнулся. Знаешь, какой нос у него хороший и мягкий!

– Ты еще скажи, что Джампу все это Дикен велел! – усмехнулся Колин.

– Конечно, – без тени сомнения подтвердила девочка. – Он велел, и Джамп со мной поздоровался.

– Как же, интересно, этот пони Дикена понимает? – по-прежнему не очень-то верил Колин.

– Не знаю как, – пожала плечами Мэри. – Дикен говорит, если с кем крепко подружишься, друг тебя понимать станет, каким бы он существом ни был.

– Вот бы мне с каким-нибудь ручным существом подружиться! – мечтательно произнес Колин. – Но у меня всегда вокруг были одни только люди, – с досадой продолжал он, – а людей я не выношу!

– И меня тоже? – лукаво поглядела на него Мэри.

– Тебя как раз нет! – запротестовал он. – Ты мне почему-то сразу понравилась.

– Ну, мы с тобой просто как со старым Беном Уэзерстаффом! – снова захохотала девочка. – Он меня как увидел, сразу сказал, что мы с ним будто из одного материала скроены. И красотой оба не блещем и потом... Дай-ка вспомню. – Мэри задумалась и со смехом добавила: – Потом Бен Уэзерстафф поговорку сказал: «И с виду кисло, и в нутрях не сладко». Это он тоже про меня и про себя самого. «И нрав у тебя, – говорит, – моего не лучше».

– И людей ты раньше так же, как я, ненавидела? – спросил Колин.

– Конечно, – честно призналась девочка. – Если бы я тебя встретила, когда такая, как раньше была, я и тебя стала бы ненавидеть.

Колин виновато взглянул на Мэри.

– Жалко, я тогда так нехорошо говорил о Дикене. Но ты так расхваливала его, и я от этого разозлился. А теперь мне кажется, ты была права. Может, он и действительно ангел.

– Да ну, – отмахнулась Мэри. – Я ведь тоже тогда на тебя разозлилась, вот и сказала про ангела. А вообще, Дикен совсем на ангела не похож. Хотя, – внезапно пришло ей в голову, – если бы был такой Специальный

Ангел Йоркшира, ему пришлось бы разбираться во всей природе вокруг не хуже, чем Дикен.

– Хочу познакомиться с Дикеном, – не сводя с Мэри глаз, сказал Колин. – Очень хочу.

– Ну и отлично! – воскликнула Мэри. – Потому что... Потому что...

Она никак не могла решиться и все же чувствовала: сейчас, именно сейчас надо рассказать Колину правду о Таинственном саде.

Ее волнение тут же передалось мальчику.

– Что «потому что»? – дрожащим голосом переспросил он.

Вскочив с табуретки, Мэри склонилась над Колином и стиснула ему руки.

– Ты сумеешь хранить настоящую тайну, Колин?

– Настоящую тайну? – отозвался тот, словно эхо, и побледнел сильнее обычного.

– Ну да, это же очень важно, – кивая после каждого слова, продолжала девочка. – Дикену я тайну сразу доверила. Ведь ему даже птицы доверяют свои секреты. А тебе я могу? Подумай как следует.

И Колин, немного подумав, одними губами выговорил:

– Можешь, Мэри.

Но Мэри и после этого не сразу решилась. Какое-то время она внимательно изучала мальчика. Он выглядел так, будто только что произнес клятву.

– Ладно, слушай, – начала Мэри. – Во-первых, Дикен придет к тебе завтра вместе со всеми своими зверями.

– Ух ты! – подскочил на кровати от радости Колин.

– А теперь самое главное, – понизила голос Мэри. – Я нашла дверь в Таинственный сад. Она скрывается под плющом.

– Ты нашла? – широко раскрыл глаза Колин. – Если бы только я смог попасть туда, Мэри! Как ты думаешь, я увижу Таинственный сад?

– И он еще сомневается! – хорошенько трянула его за плечи Мэри. – Конечно, увидишь!

Ее уверенность передалась Колину, и вдруг он почувствовал себя почти совсем здоровым.

– Скажи, каким же действительно оказался сад? – спросил он.

Мэри стала рассказывать. Колин внимательно выслушал.

– Но это же все то же самое, что ты видела в своем сне про сад! – воскликнул он.

– Я... – Мэри на мгновение запнулась и вдруг громко и очень решительно проговорила: – Колин, я уже давно нашла ключ от сада. Просто

я тогда боялась еще доверить тебе настоящую тайну!

Глава XIX

СБЫЛОСЬ

Когда у Колина случались истерики, обычно тут же вызывали доктора Крейвена. На этот раз доктор был где-то в отъезде и появился лишь после полудня.

– Опять с ним истерика, – пробормотал он.

Лицо его стало кислым. Он не выносил визитов к Колину после истерик. Из раза в раз доктору Крейвену предоставлялась возможность наблюдать примерно одно и то же. Обессиленный Колин лежал на кровати. Однако стоило кому-нибудь из присутствующих произнести хоть слово, которое ему не нравилось, и он тут же закатывал новый скандал.

– Как он? – с опаской осведомился доктор у миссис Мэдлок, когда они подходили к комнате Колина. – Когда-нибудь во время одной из таких истерик у него лопнет аорта, – сердито продолжал он. – Этот мальчишка просто обезумел от того, что ему все сходит с рук. Вот погодите. Он сейчас нам с вами задаст.

– Нет, сэр, сейчас не задаст, – отвечала к удивлению доктора экономка. – Вы не поверите. Эта девчонка (вообще-то она сама не лучше, чем Колин, и на всех вечно дуется) его прямо заколдовала. Красоты никакой в ней нет и лишнего слова не скажет. А Колин просто от нее без ума. И она себе с ним позволяет такое, чего никто бы из нас не посмел. Когда он нынешней ночью истерику начал катать, эта Мэри Леннокс ворвалась к нему в комнату, как дикая кошка. Она на него топала ногами и кричала, чтобы он прекратил. И мистер Колин тут же утих. А сегодня... Нет, сэр, не стану рассказывать. Лучше сами взгляните.

Войдя в комнату Колина, доктор Крейвен глазам не поверил. Юный его пациент преспокойно сидел себе на диване, и спина его явно не нуждалась в опоре! Но самое главное, он весело болтал с Мэри Леннокс, то и дело раздражаясь веселым смехом. Доктор перевел взгляд на девочку. Она рассматривала картинку в книге. Лицо ее было оживлено, глаза блестели. Доктор сейчас никак не назвал бы ее некрасивой.

– Вот! Вот! – тыкал пальцем Колин в цветы на картинке. – Надо посадить их побольше. Ну-ка, как они называются? – уткнулся он в текст. – Нашел! Дельфиниумы!

– Да там уже много таких растет, – ответила Мэри. – Только Дикен

зовет их не «дельфиниумы», а «большой шпорник».

Тут оба заметили доктора Крейвена и умолкли. Мэри поджала губы, отчего лицо ее сразу же подурнело, а Колин недовольно уставился на посетителя.

– Я сожалею, мой мальчик, что это опять случилось вчера, – скорбно проговорил он.

– Мне лучше. Намного лучше, – свысока отозвался Колин. – Если погода в ближайшие дни не испортится, я отправлюсь в кресле на улицу. Мне следует подышать свежим воздухом.

Доктор Крейвен в полном недоумении опустился на край кровати. Меряя Колину пульс, он украдкой его разглядывал. Что произошло с его пациентом? Еще недавно Колин и слышать не хотел о прогулках на свежем воздухе.

– Ничего не имею против, мой милый, – с большой осторожностью произнес доктор. – Только день следует выбрать посуше и потеплее. Ты сам ведь боялся, что на улице у тебя разыграется насморк. Кроме того, надо гулять совсем понемногу, иначе это тебя утомит.

– Свежий воздух не утомит меня, – с величием, достойным юного раджи, отвечал Колин.

Доктор Крейвен рот разинул от удивления.

– По-моему, ты раньше придерживался иного мнения, – попытался напомнить он.

– Потому что я тогда был один, – внес полную ясность юный раджа, – а теперь со мной обещала гулять кузина Мэри.

– Наверное, и сиделку тоже следует пригласить с собой, правда, мой милый? – решил внести кое-какие поправки в план Колина доктор.

– Сиделки мне там не надо! – свирепо возразил пациент. – Кузина Мэри лучше всех вас знает, как со мной обращаться. А один знакомый мальчик согласился катить мое кресло.

– Как? Как? – встревожился доктор. Потому что, хотя он действительно мечтал после смерти мальчика унаследовать Мисселтуэйт, все же отличался порядочностью и никогда бы не позволил себе принести вред больному. – Предупреждаю, кому попало я тебя не доверю, – продолжал он. – Я должен знать, что это за мальчик.

– Да это же Дикен! – вмешалась неожиданно Мэри. Она считала, что все в этих местах непременно должны его знать.

Доктор действительно облегченно вздохнул.

– Ну, с Дикеном мне тебя отпустить не страшно, – с улыбкой ответил он. – Этот мальчик надежен, вынослив и крепок, как местные пони.

– Конечно, надежен, – немедленно согласилась Мэри и, старательно подражая йоркширскому выговору, добавила: – Надежней мальчика не сыскать.

Доктор Крейвен расхохотался.

– Это Дикен тебя научил так говорить?

– Я сама учусь у всех понемногу, – серьезно ответила Мэри. – По моему, это надо обязательно знать. Ну, как французский или местные диалекты в Индии. И вообще, – с вызовом поглядела она на доктора, – мне нравится так говорить! И Колину тоже нравится! И мы будем!

– Да я ведь не против! – согласился поспешно доктор. – Говорите себе на здоровье. В этом нет никакого вреда. А вот бром ты вчера не забыл выпить? – повернулся он к Колину.

– Сперва я не хотел его принимать, – начал объяснять мальчик. – А потом мне Мэри стала рассказывать про весну в саду, и я сам, без брома заснул.

Доктор Крейвен ожидал от Колина всего, кроме такого ответа.

– Ну, если ты от бесед про сады засыпаешь, – ошеломленно пробормотал он, – значит, тебе действительно лучше. Правда, я на твоём месте все равно помнил бы...

– Надоели мне эти ваши «все равно помнил бы»! – перебил Колин. – Вот когда Мэри Леннокс приходит, я как раз забываю, и мне становится лучше.

Ни разу до сего дня визиты доктора Крейвена к Колину не проходили подобным образом. Обычно мальчика после истерики было нелегко успокоить. Доктор проводил в его комнате много часов подряд, осматривая и назначая новые средства. Но сегодня он удалился, не дав ни единого указания.

Миссис Мэдлок пошла провожать его вниз. Они спускались по лестнице. Доктор Крейвен смущенно молчал.

– Ну как, сэр? – не выдержала наконец экономка. – Говорила же вам, что прямо не верится!

– Да уж, – пожал доктор плечами. – Ведь его состояние действительно лучше.

Миссис Мэдлок торжествующе хмыкнула:

– Значит, снова права подружка моя Сьюзен Соуэрби. Мы вместе с ней еще в школу ходили. С тех пор и дружим. И не бывало еще случая, чтобы Сьюзен в чем-то ошиблась. А вчера я по дороге в Туэйт как раз к ней в коттедж поболтать завернула. Я ей на Мэри пожаловалась, а она мне и говорит: «Слушай-ка, Сара Энн, девочка, может, и впрямь не подарок, но

она другой просто стать не могла». Я удивилась и спрашиваю: «Как так – не могла, Сьюзен?» И тогда Сьюзен такое ответила, что я до сих пор в себя не могу прийти, сэр. «Не может ребенок, – говорит, – стать хорошим, если у него настоящего детства не было и со своими ровесниками он не общался».

– Н-да, – задумчиво протянул доктор Крейвен. – И сиделки лучшей, чем Сьюзен Соуэрби, трудно сыскать. Когда она соглашается ухаживать за кем-нибудь из моих тяжелых больных, я бываю спокоен.

Миссис Мэдлок горделиво вздернула голову. Она всегда восхищалась подругой.

– А вы бы слышали, сэр, как Сьюзен дальше мне объясняла, почему дети должны со своими сверстниками играть. «Однажды, – говорит, – когда мы еще с тобой в школе учились, учительница географии сказала, что наша земля похожа на апельсин. Мне тогда еще десяти лет не исполнилось, но я крепко запомнила: если так, значит, не может один какой-нибудь смертный завладеть всем апельсином сразу. Кому-то достанется долька, кому-то косточка, а кому-то – вообще ничего. Дети, когда они вместе, друг другу это все время доказывают. И хорошо делают. Жизнь-то потом все равно научит, да только тому, кто с апельсином в детстве не разобрался, потом очень туго приходится». Вот какая мудрая моя Сьюзен! – добавила в заключение миссис Мэдлок.

– Проницательная она у вас женщина, – глухо откликнулся доктор и стал надевать пальто.

– Этого у нее не отнимешь, – зарделась от гордости экономка. – Я ей часто твержу: «Если бы ты только, Сьюзен, отделалась от йоркширского произношения и жила бы получше, то умнее тебя вообще никого в мире бы не сыскать».

Всю эту ночь Колин проспал спокойно и крепко. А утром, едва открыв глаза, улыбнулся. словно тяжелый груз свалился с него, и теперь ему было легко и уютно. Доктор Крейвен мигом растолковал бы Колину, что это просто нервы наконец стали приходить в норму. Сам Колин, однако, в такие тонкости не вдавался. Повернувшись на другой бок, он испытал еще большее удовольствие. Он тут же вспомнил о плане, который они выработали вчера вместе с Мэри. Едва представив себе, что сегодня встретится с Дикеном и его зверями, Колин вновь улыбнулся.

А минут через десять в комнату влетела Мэри.

– Ты прямо с улицы! Прямо с улицы! – воскликнул мальчик. – От тебя пахнет травой и свежими листьями!

Мэри подбежала к его кровати. Волосы ее растрепались. Щеки алели

от быстрого бега и свежего воздуха.

– Да, я к тебе прямо с улицы, – тяжело дыша, проговорила она. – Там так хорошо! Я думала, весна пришла уже прошлым утром, а оказывается, по-настоящему она началась только сегодня. Дикен тоже так говорит.

– Правда? – широко раскрыл глаза Колин.

Хотя он еще мало что смыслил в приходе весны, сердце его часто забилося.

– Открой-ка окно, Мэри, – прошептал он и, немного стесняясь радости, которая охватила его, со смехом добавил: – Послушаем, как весна шествует под звуки золотых труб!

Одним прыжком достигнув окна, Мэри распахнула его. Комната разом наполнилась запахом зелени и пением птиц.

– Это и называется «пришла весна», – стала самым серьезным образом втолковывать девочка Колину. – Теперь тебе надо лечь поудобнее и поглубже дышать, как всегда Дикен делает в пустоши. Он говорит, когда так подышишь, прямо чувствуешь, будто воздух гуляет по жилам и жизни внутри скапливается на целую вечность.

– Жизни на целую вечность? – переспросил Колин. – Как, ты сказала, мне нужно лечь?

Послушно вытянувшись, он старательно начал дышать. Голова у него слегка закружилась, но от этого ощущение легкости стало только острее.

Мэри тем временем опустила на свою любимую табуретку возле кровати.

– Растения в саду из земли так и лезут, – торопливо проговорила она, – и бутоны набухают на стеблях. Серые ветки теперь тоже все в зелени. А птицы так спешат выстроить гнезда, что даже дерутся. По-моему, им всем хочется в Таинственном саду жить. И розы почти все оказались живые. И вдоль аллея появились примулы. И семена, которые мы сажали с Дикеном, уже взошли. И Дикен сегодня привел снова зверей – лисенка, ворона, белок и маленького ягненочка.

Мэри остановилась и перевела дух. Затем она рассказала, что ягненок Дикен нашел в пустоши всего три дня назад. Мама ягненка умерла, но Дикен уже не раз выхаживал таких детенышей и уверенно взялся за дело. Он отнес ягненка к себе в коттедж, устроил в тепле у очага и поил теплым молоком.

– Этот ягненочек такой симпатичный! И мордочка у него такая хорошенькая, – продолжала с восторгом Мэри. – Дикен принес для него в кармане бутылку с молоком. Мы сели под дерево. Дикен доверил мне поддержать на коленях ягненка, а сам стал поить его из бутылки. Ты только

представь себе, Колин: я недавно держала на коленях настоящего живого ягненка!

Колину это событие показалось еще более необычайным, чем самой Мэри.

– Даже как-то не верится, – тихо ответил он и снова взялся за свои дыхательные упражнения.

В этот момент появилась сиделка.

– Ну и ну! – в замешательстве поглядела она на распахнутое настежь окно.

Сиделка тотчас же вспомнила, сколько мучительных дней провела в душной комнате Колина только из-за того, что тот ни под каким видом не разрешал проветривать.

– Ох, сэр! – пряча улыбку, сказала она. – Как бы у вас от свежего воздуха насморк не начался!

– Не начнется! – последовал категоричный ответ Колина. – Неужели вы сами не видите? Я вдыхаю глубоко свежий воздух. От этого жизни внутри скапливается на целую вечность.

Сиделка не смогла удержаться и фыркнула.

– Ничего не вижу смешного, – обиделся Колин. – Лучше позаботьтесь о моем завтраке. Кузине Мэри тоже надо накрыть в этой комнате. Она позавтракает вместе со мной.

Сиделка пошла распорядиться насчет завтрака. В комнату для слуг она входила теперь с большим удовольствием. С тех пор как на Колина наконец отыскалась управа в лице Мэри Леннокс, каждую новость, принесенную из покоев юного мистера Крейвена, слуги встречали с восторгом. Разумеется, при таком положении дел сиделка пользовалась заслуженным успехом и славой, – ведь она приносила самые последние новости о молодом хозяине. Ее сегодняшнему сообщению о свежем воздухе и распахнутом настежь окне больше других радовался старый дворецкий.

– Эта девочка Мэри Леннокс настоящая умница! – довольно потер он руки. – Я давно говорил: Колину необходима добрая порка.

Когда сиделка подала завтрак на двоих, Колин уже перебрался на диван. Мэри сидела рядом.

– Должен вас предупредить, – тоном юного раджи обратился Колин к сиделке, – что ко мне вскоре пожалуют посетители. Это мальчик с лисенком, вороном, двумя белками и ягненком, который совсем недавно родился. Как только они появятся, прошу незамедлительно проводить их ко мне. Я буду очень недоволен, если кто-нибудь из слуг задержит зверей или захочет сам поиграть с ними.

Сиделке стало очень смешно. Чтобы Колин ничего не заметил, она громко закашляла.

– Видите ли, – продолжал тем временем юный раджа, – Дикен – это брат нашей Марты. Вот вы ей и передайте, чтобы она проводила Дикена и зверей ко мне.

– Надеюсь, животные не станут кусаться? – с некоторой опаской осведомилась сиделка.

– Ну, вы совсем ничего не поняли, – с досадой махнул рукой Колин. – Мальчик, который ко мне придет, заклинатель животных. Вы когда-нибудь видели, чтобы у заклинателей звери кусались?

– Да я ни одного заклинателя никогда не видела, – призналась сиделка.

– Вы их и не могли видеть, – тоном бывалого человека проговорила Мэри. – Заклинатели водятся в Индии. Там их довольно много. Они учат змей, а потом кладут их головы себе в рот.

– Гадость какая! – содрогнулась сиделка и вышла из комнаты.

Дети принялись завтракать. Сегодня Колин ел с большим аппетитом. Мэри это заметила.

– А ты уже выздоравливать начинаешь, – сказала она. – Это я по себе знаю. Пока я жила в Индии и болела, мне вообще ничего на завтрак есть не хотелось.

– По-моему, я сейчас съел бы еще целый завтрак, – усиленно жуя, отозвался Колин. – Как ты думаешь, Дикен скоро придет?

– Дикен? – переспросила Мэри. – Подожди, подожди, – прислушалась она к какому-то странному звуку.

Колин тоже прислушался. Из коридора доносилось карканье.

– Это Уголек, – объяснила Мэри. – А теперь я слышу, как блеет ягненок!

– Я тоже слышу, – кивнул мальчик. – Значит, Дикен уже пришел?

Не успел он это спросить, как за дверью раздался топот. Как ни старался Дикен идти потише, ботинки у него были слишком тяжелые и стучали. Колин и Мэри слушали эти шаги, как музыку. А потом дверь открылась, и Марта ввела в комнату Дикена.

– Вот, сэр, – почтительно обратилась она к Колину. – Это Дикен, – указала она пальцем на брата, – а это все Дикеновы друзья.

Дикен расплылся в улыбке. На правом плече у него сидел Нат, на левом – Уголек. Шелл с любопытством выглядывал из кармана куртки. Ягненок мальчик держал на руках. А лисенок чинно примостился у его ног.

Колин смотрел на Дикена во все глаза. Сколь ни много он слышал о нем и его зверях, действительность показалась ему выше рассказов Мэри.

Звери были послушны и преданы хозяину, а от него самого веяло такой добротой, какой Колин даже не подозревал в людях. Ему хотелось как можно скорее завести беседу, но он никогда в жизни не разговаривал с мальчиками и, не зная с чего начать, смущенно молчал. Зато Дикен не растерялся. Звери и птицы, с которыми он знакомился в пустоши, тоже сперва вели себя странно, а иногда и боялись его. Но он-то хорошо знал, что стоит проявить немного ласки и завяжется настоящая дружба. Так Дикен решил поступить и на этот раз. Подойдя к дивану, он бережно опустил ягненка Колина на колени. Ягненок тут же зарылся поглубже носом в складки бархатного халата и требовательно потыкал в ногу Колина лбом.

– По-моему, он что-то просит, – боясь спугнуть ягненка, прошептал Колин.

– Точно, просит, – усмехнулся Дикен. – Он думает, будто ты его мама. Ему пришла охота попить молочка. Ему уж давно есть пора. Но я решил подождать до тебя, Колин. Наверное, тебе интересно, как этот ягненок ест?

– Еще как! – подался поближе к Дикену Колин.

– Ну, тогда и начнем, – деловито ответил тот и опустился на колени возле дивана.

Он извлек из куртки бутылочку с соской.

– Ну-ка, давай сюда, – повернул он ягненка к бутылке. – Тут тебе достанется больше, чем от халата.

Пока ягненок, причмокивая, сосал молоко, мальчики незаметно разговорились, и Колин задал Дикену столько вопросов, что у того голова пошла кругом. Потом Дикен устроился на коврике возле камина. Пока он рассказывал Колину о повадках зверей, Уголек несколько раз слетал на улицу, а Нат вместе с Шеллом вдоволь полазили по большим деревьям, которые росли возле распахнутого окна. Только лисенок с ягненком никуда не стремились. Они крепко спали. Один – на коврике возле Дикена, другой – крепко прижавшись к ноге Колина.

Дикен подробно поведал о том, как ему удалось найти в пустоши такого замечательного ягненка. Вообще-то Колин обо всем этом знал со слов Мэри, но и второй раз ему было интересно послушать. Когда же беседа немного увяла, были извлечены на свет книги о садоводстве. Все трое принялись самым внимательным образом разглядывать цветные картинки и читать подписи.

– Ну и ну! – вдруг удивленно ткнул пальцем Дикен в слово «Aquilegia». – Как странно. Я это название даже выговорить не могу. А растение знаю. Оно у нас называется водосбором. А вот это, – показал он

на другой цветок, – львиный зев. Он бывает полевой и садовый. Садовый, конечно, и покрупней и красивей. Мы с Мэри много посадили и водосбора и львиного зева. Вот распустятся, и красота будет. Словно бабочки над клумбами запорхают.

– И я их увижу? Увижу? – с надеждой взглянул Колин на Мэри и Дикена.

– Конечно, – решительно тряхнула головой девочка. – Тебе обязательно надо увидеть. И так слишком много времени потратил зря, пока тут сидел взаперти.

Глава XX

Я БУДУ ЖИТЬ ДОЛГО-ДОЛГО

Несмотря на то что времени никому терять не хотелось, прошло больше недели, а Колина так еще и не вывозили на улицу. Сначала несколько дней подряд стояла ветреная погода. Потом Колин слегка простудился. Еще недавно две такие неприятности повергли бы Колина в ярость, но сейчас он даже не обратил на них особенного внимания. Слишком уж занимали его планы, которые они с Мэри намеревались осуществить в самом ближайшем будущем. Дикен теперь забегал к нему хоть на несколько минут почти каждый день, чтобы в подробностях изложить, как обстоят дела в пустоши и по берегам ручьев. Его рассказы о барсуках и бобрах, о домиках водяных крыс и птичьих гнездах приводили Колина в полный восторг. Так день ото дня Колин постигал, сколь огромный мир простирается там за стенами дома. В этом мире повсюду прячется жизнь; она – в траве, на кустах и деревьях, под водой, под землей...

– А вообще они все похожи на нас, – однажды сказал про зверей Дикен. – Только им с жильем труднее приходится. Каждый год изволь строй себе новый дом. Потому они вечно так суетятся. Не поторопишься – не успеешь все вовремя сделать.

Изо дня в день Колин, Мэри и Дикен обсуждали, как сохранить все в секрете. Ибо чем больше Колин размышлял о саде, который удалось отыскать Мэри Леннокс, тем яснее себе отдавал отчет, сколь привлекательна тайна. Ее непременно следует сохранить. Нельзя, чтобы хоть кто-нибудь, кроме них троих, узнал про Таинственный сад. Пускай остальные думают, будто он просто гуляет с Мэри и Дикеном, потому что они ему нравятся.

Втроем они наметили маршрут. Было решено сперва возить Колина по дорожкам, которые видны из дома. Затем они свернут к клумбе, где мистер Роуч, главный садовник, уже высадил цветы из оранжереи. Они объедут клумбу несколько раз, делая вид, что просто любуются цветами. После чего наступит самый ответственный момент. Лавируя между кустов, они должны быстро достигнуть двери в Таинственный сад и скрыться за ней. Все это обсуждалось по многу раз столь же серьезно и тщательно, как обсуждают полководцы план грядущего боя.

Удивительные сборища в комнатах Колина стали предметом всеобщего обсуждения не только в доме, но и на всей территории Мисселтуэйта. О них говорили в комнатах для слуг, на конюшнях и среди садовников. Всем было ясно, что мальчик, несколько лет подряд наводивший ужас своими выходками, теперь день ото дня меняется к лучшему. Он стал несравненно общительней, со слугами ведет себя куда вежливее, чем прежде, да и здоровье его вроде окрепло. Но даже зная все это, мистер Роуч, главный садовник, был страшно удивлен, когда ему передали, что юный мистер Крейвен «просит явиться для переговоров».

– Вот чудеса-то, – меняя рабочую куртку на чистый пиджак, бормотал мистер Роуч. – То он приказывает строго-настрого вообще никому незнакомому на него не глядеть, а то вроде как сам на знакомство напрашивается.

Главный садовник относился к числу людей любопытных. Он был совсем не прочь взглянуть хоть разок на мальчика, у которого, по слухам, руки и ноги совсем не работают, на спине вырос горб, да и умрет он, скорее всего, еще в детстве. Словом, едва получив приказ, мистер Роуч переоделся и влетел в дом.

– Как у него теперь настроение, мэм? – пытался выяснить главный садовник у экономки, пока та вела его по длинному коридору к комнате Колина.

– О, мистер Роуч! Все меняется в этом мире, – многозначительно отвечала та. – Все-все меняется.

– Надеюсь, меняется-то все к лучшему, а, миссис Мэдлок?

– Да уж, наверное, к лучшему, если уж хуже, чем раньше, было некуда, – не стала больше темнить экономка. – Сейчас мы все немного вздохнули. Только предупреждаю: не удивляйтесь, когда войдете к нему, что там целый зверинец. И Дикену, брату Марты Соуэрби, в этой комнате куда свободнее, чем нам с вами.

– Куда нам с вами до Дикена, миссис Мэдлок! – улыбнулся садовник. – Он везде будет как дома – и в Букингемском дворце, и в угольной шахте. Такой уж он, этот Дикен, по врожденному своему характеру, что всех к себе абсолютно располагает.

С этими словами мистер Роуч вошел в комнату. Даже несмотря на предупреждения экономки, он вздрогнул от неожиданности, когда Уголек в знак приветствия разразился оглушительным карканьем.

– Мистер Роуч! – провозгласила тем временем миссис Мэдлок. – Вы просили его зайти, сэр.

Сэр пребывал сегодня не в постели и даже не на диване. Он сидел в

кресле. Дикен опустился рядом с ним на колени и поил из бутылки ягненка. Тот чмокал и усиленно вертел хвостом, как делают почти все ягнята на свете, когда едят.

Узнав о прибытии главного садовника, Колин вновь превратился в юного раджу.

– Вот вы, значит, какой, Роуч, – одарил он садовника снисходительным взглядом. – Я позвал вас, чтобы отдать очень важные указания.

У садовника похолодело внутри. Зная о свирепом нраве мистера Крейвена-младшего, он уже представил себе, что тот велит сейчас вырубить рощу, или вырыть пруд вместо сада, или сравнять клумбы с землей...

– Слушаю, сэр, – тщательно скрывая тревогу, произнес он.

– Сегодня во второй половине дня я выеду на улицу в кресле-каталке, – еще более величественно, чем прежде, заговорил Колин. – Если я приду к убеждению, что мне свежий воздух полезен, то стану выходить каждый день. Так вот, Роуч, во время моих прогулок никто из садовников не должен появляться на дорожках, которые идут вдоль стен сада. На улице я окажусь часа в два. С этого времени все ваши подчиненные должны держаться подальше от меня до тех пор, пока я не отдам распоряжения, что они могут вновь приступить к работе.

– Слушаюсь, сэр, – с облегчением выдохнул мистер Роуч. «По крайней мере, сады и деревья останутся целы», – подумал он.

– Ну, тогда... – Колин запнулся. – Мэри, – поглядел он на девочку, – что там говорят у вас в Индии, когда кто-нибудь тебе больше не нужен.

– В Индии говорят: «Можете теперь быть свободны», – ответила Мэри.

– Можете теперь быть свободны, Роуч! – звонко проговорил Колин. – И, пожалуйста, постарайтесь не упустить ничего. Все, что я вам сказал, очень важно.

Тут Уголек скосил черный глаз на мистера Роуча и, словно подчеркивая значительность момента, трижды громко прокаркал.

– Слушаюсь, сэр, – поспешно ответил главный садовник. – Все будет исполнено в точности, как вы велели.

Едва они с экономкой отошли подальше от комнаты, мистер Роуч расхохотался.

– Ну и величественный же у нас молодой хозяин, – добродушно заметил он. – У меня сейчас чувство, будто я с целым королевским семейством побеседовать удостоился.

– Иначе и не бывает, – развела экономка руками. – Возьмите любое дитя, дайте ему с первых лет жизни всеми командовать, и вы получите

такого же Колина. Он ведь думает, мы все только и созданы для его указаний.

– Хорошо бы он все-таки слишком рано не помер, – сказал с надеждой главный садовник. – Глядишь, подрастет и в чем-нибудь разберется.

– Я только одно точно знаю, – сказала, выпроваживая на улицу мистера Роуча, экономка. – Если эта девчонка из Индии здесь задержится, она уж втолкует Колину, что даже ему нельзя владеть апельсином целиком. Да, да, Мари Леннокс покажет, на какую дольку он вправе рассчитывать.

С этими словами миссис Мэдлок снова ушла в дом. Мистер Роуч медленно брел по саду. Все эти апельсины и дольки не произвели на него впечатления. Но с одним он был совершенно согласен: чем дольше Мэри Леннокс проживет в Мисселтуэйте, тем полезнее будет им всем. И, главное, конечно, Колину.

Тем временем в комнате Колина велись последние приготовления.

– Кажется, со слугами я предусмотрел все, – с беспокойством взглянул на друзей мальчик. – Неужели я правда увижу сегодня сад?

– Конечно, если только не будешь так волноваться, – ответила Мэри. – Успокойся и наберись сил. Они тебе на прогулке понадобятся.

Дикен со своими зверями вскоре ушел на улицу, а Мэри продолжала сидеть у Колина. Вроде теперь он чуть-чуть успокоился, только уж очень стал молчалив. За все время, которое оставалось еще до обеда, и пока они ели, он едва произнес несколько фраз.

– О чем ты все время думаешь? – спросила наконец девочка.

– О том, как это в действительности будет выглядеть, – ответил он.

– Что будет выглядеть? Сад? – не поняла Мэри.

– Да нет, весна. Я ведь ее никогда не видел. Выходил-то я очень редко. А даже когда выходил, то так злился, что не замечал ничего.

– Я тоже в Индии всегда на улице злилась, – ответила Мэри. – Но даже если бы я не злилась, все равно там я такой бы весны не увидела. Я даже представить себе не могла, что такое бывает.

– Представлять-то я представлял, – сказал Колин, воображение которого благодаря книгам с картинками было развито куда больше, чем у кузины. – Когда ты сказала мне, что весна пришла, я сразу вспомнил одну картинку, которая так и называлась «Весна». Там много-много веселых людей – и взрослых, и таких, как ты или я, и совсем маленьких. Они идут с венками на головах, и в руках у них цветущие ветви. А музыканты играют на волынках и золотых трубах. Поэтому я и попросил тебя сразу открыть окно. Я думал: «Вдруг там действительно играют на трубах?»

– Вообще-то ты очень похоже себе представил, – удивилась Мэри. –

Если бы все цветы, звери и птицы начали танцевать, вышло бы так же, как на твоей картинке. И музыка, конечно, была бы громкой.

Дети понимающе переглянулись, и мальчик снова о чем-то надолго задумался.

Около двух пришла сиделка, чтобы одеть Колина для прогулки. Он вновь заставил ее удивиться. Обычно, когда его одевали, он был неподвижен, как манекен. Сейчас же сиделка лишь подавала одежду, а одевался Колин самостоятельно. При этом он вел себя очень вежливо и даже умудрился весело поболтать с сиделкой.

– По-моему, состояние у него сегодня еще улучшилось, – чуть позже шепнула она доктору Крейвену, который явился осмотреть пациента перед прогулкой. – Он мне даже ни разу не надерзил!

– Я еще зайду ближе к вечеру, – стараясь, чтобы Колин его не услышал, ответил доктор. – Надо проверить, как подействует на него свежий воздух. Только вам все-таки надо пойти вместе с ним.

– Если вы, сэр, собираетесь предложить это мистеру Колину, я лучше сперва уволюсь, – решительно заявила сиделка.

– Да ведь я не настаиваю, – оробел доктор Крейвен. – Ладно, пусть будет все как есть. В общем-то Дикену Соуэрби можно доверить даже новорожденного.

Самый крепкий слуга в доме снес Колина на руках по лестнице и усадил в кресло-каталку, возле которого уже стоял наготове Дикен. Потом больного обложили подушками, и в довершение процедуры он был тщательно укутан в плед.

– Вы пока можете быть свободными. Отдыхайте! – заявил Колин слуге и сиделке, дополнив эту краткую речь жестом, которому мог позавидовать любой юный раджа в Индии.

Слуга и сиделка стремительно ретировались и, едва за ними закрылась дверь в дом, громко захохотали. Дикен толкнул каталку, и она плавно покатилась к садам. Мэри шла рядом. Колин откинул голову и любовался голубым небом. Порывы теплого ветра с пустоши несли запахи трав и цветов. Колин шумно вдыхал этот воздух. Вдоволь налюбовавшись небом, он принялся усиленно вертеть головой. Каждый побег, или узорчатый лист на дереве, или птица, пролетевшая мимо, – все было вновь для этого затворника, который до сих пор изучал мир по цветным картинкам. В особенности поражало его обилие звуков.

– И жужжит, и поет, и стрекочет! Не хуже, чем тот оркестр с волынками и золотыми трубами! – И он засмеялся.

На дорожках дети не встретили ни единого человека. Мистер Роуч

четко исполнил приказ, и всех садовников как ветром сдуло. Тем не менее Мэри, Дикен и Колин неукоснительно следовали своему плану. Они кружили вдоль клумб и фонтанов, тщательно запутывали следы, то уходили вдаль, то возвращались обратно, соблюдая все меры предосторожности. Наконец они позволили себе свернуть на дорожку, которая шла вдоль заросшей плющом стены сада.

– Вот здесь, – едва слышно проговорила Мэри, – здесь я долго ходила туда и сюда и пыталась понять, где дверь.

– Здесь? – задохнулся от волнения Колин. – Но я не вижу никакой двери.

– Я тоже сперва не видела. Долго не видела, – шепотом отозвалась девочка.

Они вновь умолкли, и Дикен покатил кресло Колина дальше.

– А вот в этом саду работает старый Бен Уэзерстафф, – чуть погодя объяснила Мэри.

Еще через несколько ярдов она шепнула:

– Тут Робин перелетал через стену.

– Если бы он перелетел сейчас снова! – мечтательно поглядел вверх Колин.

Мэри прошла еще с десяток шагов и остановилась.

– Видишь эту сирень, Колин? Когда Робин сел возле нее, я увидела ключ.

– Где? Где? – резко подался вперед мальчик, и Мэри с Дикеном показалось, что он на мгновение встал на ноги.

– А вот здесь! – подошла Мэри к плющу. – Робин мне зачирикал, я остановилась с ним поболтать, а ветер вдруг как подует! Ну, смотри! – И она жестом фокусника отогнула ковер из плюща.

Колин вздрогнул от неожиданности: прямо перед ним была дверь! Отомкнув замок, Мэри повернулась к Дикену:

– Ввози его поскорее внутрь!

Дикен плавным движением провез Колина в проем. Тот плотно закрыл глаза руками и решил их опустить лишь после того, как кресло снова остановилось. То, что он испытал, походило на ощущения Мэри и Дикена при первом знакомстве с Таинственным садом. С той только разницей, что чувства Колина из-за длительного затворничества были куда острее, а сад заметно похорошел! По стенам, земле и деревьям стелилось зеленое кружево листьев. В вазах из серого камня и на земле ярко сияли цветы. Фруктовые деревья тоже были в цвету. Запахи тут показались Колину гораздо гуще и ароматнее, чем в прочих садах. И птицы тут пели громче. А

лучи солнца как-то особенно ласково согревали лицо.

Мэри Леннокс и Дикена охватило не меньшее изумление. Колин вдруг так изменился! Лицо его порозовело, глаза обрели живость и блеск. Если бы не кресло-каталка, можно было вообще подумать, будто он вдруг совершенно поправился. И тут, словно читая их мысли, Колин закричал на весь сад:

– Я выздоровлю! Мэри! Дикен! Я выздоровлю! Я буду жить долго-долго!

Глава XXI

БЕН УЭЗЕРСТАФФ

Тот, кто хоть раз просыпался ранним утром и, встретив розовую зарю, замирал от восторга при виде восходящего солнца, мог, как и Колин, воскликнуть: «Я буду жить долго-долго!» И если однажды оказался в лесу на закате, мог испытать те же чувства. Потому что в последние мгновения уходящего дня листья подсвечены золотом, и сама тишина, которая наступает вокруг, безмолвно говорит с тобою о вечности. Тихо шепчут о вечности и звездные ночи. Вглядитесь попристальней в темно-синее небо. Чувствуете, как оно роднит нас с прошлым и будущим? А глаза... Глаза верного друга, в которых черпаешь веру... Вот вам еще один залог долгой жизни.

Попав в Таинственный сад, Колин увидел весну, глаза друзей, и, казалось, весь мир старался ему понравиться. А природа, по милости Божьей, именно в этот день явила все свои прелести на тесных подмостках Таинственного сада. Даже Дикен, привыкший к красотам пустоши, сегодня то и дело удивленно вертел головой:

– Тринадцатый год уже на свете живу, но никогда такого прекрасного дня не видал!

– Прямо как в сказке, – подхватила Мэри. – По-моему, такого вообще не было с самого Сотворения Мира.

– А вдруг это специально, чтобы я увидал? – раздался вдруг шепот Колина. – Тогда, значит, действительно...

Не решившись договорить, он умолк. Но в душе его поселилась надежда, что сегодняшней день для него вроде знака, и теперь, если он сам постарается, то, наверное, сможет стать таким же здоровым, как Дикен и Мэри. Пока он размышлял об этом, Дикен поставил его кресло под сливовым деревом. Слива была вся в цвету. В ее ветвях хором гудели пчелы. Колин прищурил глаза, и ему вдруг показалось, будто это совсем и не дерево, а балдахин какого-то сказочного короля. Лазурное небо, просвечивающее точками сквозь листву, представилось мальчику голубыми глазами существ, населяющих это волшебное королевство.

– Вот бы еще и Робина увидеть! – мечтательно проговорил он.

– Если даже сегодня нам Робин не попадется, потом ты обязательно с ним познакомишься, – отозвался Дикен. – Потому что с птенцами у всех

родителей появляется уйма дел. Первое время Робин только и будет сновать мимо нас с кормом для своих деток.

– А что, у них всегда так? – удивился Колин.

– Конечно, – кивнул Дикен. – Ты только представь себе... – И он подался чуть ближе к коляске Колина. – Сидит в гнезде много птенцов. Все разинули клювы, громко пищат и есть просят. И Робин, когда прилетает в гнездо с червем, никак не может решить, в чей клюв этого червяка положить нужнее. Потому моя матушка и говорит всегда: «Как подумаю, сколько птицам работать приходится, чтобы всех птенцов накормить, так самой себе сразу бездельницей начинаю казаться. Да будь эти несчастные птицы людьми, с них должен непрерывно пот градом литься».

Слова миссис Соуэрби всем троим детям очень понравились. Стоило им только представить себе Робина, с которого катится градом пот, и они, забыв о предосторожностях, громко захохотали. Дольше всех сдерживал смех Колин. Для верности он даже зажал рот руками. Но когда двое твоих друзей изнывают от хохота, ничего поделать с собой невозможно.

Потом Дикен и Мэри решили провезти Колина в кресле по всему саду. То и дело они останавливались, чтобы показать ему какое-нибудь особенно красивое дерево, или цветок, или причудливо изогнувшуюся ветку, или яркий бутон, или перо, которое уронил дятел на землю. Все это Мэри и Дикен проделывали так торжественно, словно были правителями королевства Таинственный сад, и теперь, принимая важного иностранца по имени Колин, старались продемонстрировать все свои достопримечательности и богатства.

Когда солнце начало припекать, Колина вновь отвезли под сень сливового дерева. Дикен опустился на траву рядом с креслом, вынул дудочку из кармана и уже поднес ее к губам, когда Колин вдруг резко простер вперед руку.

– Какое странное дерево! – громко прошептал он.

Дикен взглянул на дерево. И Мэри – тоже. Впрочем, они и так знали, какое дерево он имеет в виду, и им обоим стало не очень уютно.

– Да-а! – безо всякого воодушевления протянул Дикен.

А Мэри вообще предпочла промолчать.

– У него ветки серые и ни одного листка нет, – снова заговорил Колин. – Наверное, совсем погибло, а, Дикен?

– Да, – согласился тот. – Зато его снизу доверху оплели ползучие розы. Как только они расцветут, это дерево станет самым красивым в саду.

Мэри не сводила глаз со старого дерева, и говорить ей по-прежнему ничего не хотелось.

– По-моему, от него отломали большую ветку, – заметил еще одну странность Колин. – Кто это интересно мог сделать?

– Это уже давно сделали, – отозвался уклончиво Дикен. – Ой! Ты лучше погляди вон туда, Колин! Робин летит! – с облегчением перевел разговор он. – Видишь? Похоже, он песет что-то вкусное для своей подружки.

– Где? Где? – завертел во все стороны головой Колин и вдруг увидел красногрудую птичку, у которой было что-то зажато в клюве.

Робин нырнул в кустарник и исчез в самом заросшем уголке сада.

– Полдничать полетел! – откинувшись на спинку кресла, захохотал Колин. – Ну да, – вынул он из кармана часы. – Сейчас как раз пять. Что-то я тоже немного проголодался.

Похоже, он пока забыл про старое дерево. Улучив момент, когда он что-то с интересом разглядывал, Мэри украдкой шепнула Дикену:

– Робина сегодня нам уж точно волшебник прислал. Иначе просто не знаю, что мы бы ответили Колину про ветку и дерево.

– Ну, – задумчиво потер лоб рыжий мальчик, – по-моему, и ты и я должны делать для него вид, будто про это дерево нам вообще ничего не известно. Нельзя расстраивать Колина правдой.

– По-моему, тоже, – согласилась девочка.

– Я слышал, миссис Крейвен была очень хорошая и красивая леди, – украдкой поглядывая на Колина, прошептал Дикен. – Матушка говорит, что она наверняка часто является сюда с того света и приглядывает за Колином наподобие всех матерей, которых Бог прибрал к себе слишком рано. Надо же им узнать, как их дети растут. Вот они и приходят, только никто из нас их увидеть не может.

– И что же миссис Крейвен тут делает? – любопытствовала Мэри Леннокс.

– Кто знает? – пожал Дикен плечами. – Может быть, это она нас с тобой заставила работать в своем саду. А когда мы наладили тут все как следует, подсказала, что пора Колина сюда привезти в его кресле.

– По-моему, мы с тобой, Дикен, все время о чудесах думаем, – вдруг осенило Мэри. – И ждем их. И ведь действительно у нас получается!

– Вообще-то правда, – улыбнулся Дикен.

Они умолкли и надолго задумались. Оба верили в чудеса, но воспринимали их немного по-разному. Дикен считал чудом почти все, что его окружает, ибо сызмальства везде находил красоту. Мэри предъявляла к чудесам куда большие требования. Она думала, что на них способны лишь высшие существа и волшебники, и не сомневалась, что Дикен – один из

них. Разве не чудо, что его доброта простирается чуть не на всех в округе! И то, что его любят самые разные люди и звери, конечно же, тоже чудо. И Робина, наверное, Дикен сейчас позвал именно в тот момент, когда Колин заинтересовался деревом, – продолжала размышлять девочка. И как только она об этом подумала, ей вдруг показалось, что и день выдался благодаря Дикену просто чудесным. И вполне может быть, что Колин себя почувствовал лучше из-за него. Во всяком случае, подобное объяснение все ставило на свои места. Потому что Мэри Леннокс никогда не поверила бы, что Колин просто так, сам по себе, из полубезумного существа, вопящего на весь дом, вдруг превратился в почти нормального мальчика.

Между тем Колин, со щек которого по-прежнему не сходил румянец, был всецело увлечен Робинотом. Тот еще несколько раз пролетал мимо, неизменно скрываясь с новой добычей в кустарнике.

– Слушайте! – засмеялся Колин. – Эта птица возбуждает у меня аппетит. По-моему, нам просто необходимо попопдничать!

Мэри и Дикену не пришлось уговаривать. Как только Колин напомнил им о еде, они почувствовали ужасный голод.

– Иди в дом, Мэри, – сказал Колин. – Скажешь слугам, пусть уложат в корзину три попдника и оставят у дорожки в саду, где рододендроны растут. А потом вы с Дикенотом оттуда их заберете.

Замысел Колина был встречен с большим воодушевлением, и Мэри тут же его претворила в жизнь. Не прошло и двадцати минут, как дети, расстелив на траве скатерть, наслаждались промасленными гренками и булочками. Птицы сажались рядом и с интересом изучали крошки. Нату и Шеллу досталось по куску булки, а Уголек получил целую половину. Ворон вначале сосредоточенно ее разглядывал. Потом легонько потыкал клювом. Затем высказал несколько весьма пространных замечаний, после чего жадно накинулся на угощение, и оно мгновенно исчезло.

Пополдничава, дети заметили, что солнце вот-вот закатится за деревья. Дикен и Мэри засобирались домой. Когда посуда, оставшаяся после попдника, была аккуратно уложена в корзину, Колин с грустью сказал:

– Хорошо бы, если бы этот день длился всегда.

Дикен в ответ лишь развел руками. А Мэри понимающе поглядела на Дикену. Уж она-то прекрасно знала, что заставить день длиться вечно никто не может. Тут Дикену и пытаться нечего.

Колин после еды разругмянился еще больше, глаза его заблестели.

– Ну, день-то, конечно, нам не остановить, – улыбнулся он. – Зато я увидел весну. И завтра, и послезавтра снова увижу.

– И снова будешь дышать свежим воздухом, – подхватила Мэри.

– Ну да, – обстоятельно проговорил Колин. – Я увидел сегодня весну и хочу ее видеть вновь. А потом ведь настанет лето. Его тоже нужно увидеть. А перед этим я постараюсь набраться сил. Может быть, даже немного вырасту. Ты ведь говорил, Дикен, что на свежем воздухе люди гораздо быстрее растут.

– Конечно, – отозвался тот. – Если будешь дышать свежим воздухом, думаю, тебе скоро и коляска твоя не понадобится. На своих двоих не хуже нас с Мэри забегаешь, и тогда мы все втроем станем работать в саду.

– Ходить? Работать в саду? Неужели у меня выйдет? – окинул сияющим взором друзей Колин.

Дикен украдкой взглянул Колину на ноги. И Мэри, не стовариваясь с ним, сделала то же самое. Они оба вдруг вспомнили, что просто не знают, в каком состоянии у него ноги. Тем не менее Дикен с прежней уверенностью ответил:

– Конечно, выйдет. Ноги-то у тебя вроде такие же, как у всех остальных?

Мальчик и девочка замерли, с надеждой и страхом ожидая, что скажет на это Колин.

– Вообще-то такие же, – к облегчению обоих друзей произнес он. – Просто они очень худые и слабые, вот я на них вставать и боюсь.

– Тогда тебе просто надо перестать бояться, – весело сказал Дикен. – Как перестанешь, так сразу на собственных ногах и пойдешь. Я думаю, у тебя скоро получится.

А потом наступил миг, когда лучше всего помолчать. Потому что на исходе дня мир словно бы замирает, и трое друзей благоговейно внимали тишине, предвещающей вечер. Ни ветерка, ни звука, даже птицы затихли. Колин, полуприкрыв глаза, еще раз в воображении пережил все события этого дня. Животные Дикена тоже затихли. Уголек неподвижно сидел на ветке, поджав под себя одну ногу. Глаза его подернулись серой пленкой, и Мэри казалось, что он вот-вот захрапит.

– А это еще кто такой? – первым нарушил молчание Колин.

– Кто? Кто? Кого ты там увидел? – тут же вскочили на ноги Мэри и Дикен, а Уголек, проснувшись, закаркал.

– Вот там, на стене, какой-то мужчина, – дрожа от волнения, проговорил Колин.

Мэри и Дикен взглянули туда, куда он показывал пальцем. Над стеной возвышалась разъяренная голова старого Бена Уэзерстаффа. К внешней стороне стены была приставлена лестница, на которой и стоял этот почтенный джентльмен. Он просто кипел от гнева и возмущения.

– Будь у меня жена и родила бы она мне такую же дочь, как ты, уж я бы тебе задал! – яростно сотрясая кулаком, крикнул он Мэри.

Он поднялся еще на ступеньку выше, словно собираясь перелезть через стену и привести приговор в исполнение. Но Мэри смело шагнула вперед, и садовник почему-то снова застыл на месте. Правда, словоохотливости у него от этого не убавилось.

– Я с самого начала тебя сильно подозревать начал! – бушевал он. – Первый раз на тебя взглянул, и сразу ты мне не понравилась. Кислая барышня! – презрительно фыркнул садовник. – Так прямо и липла ко мне с вопросами и не в свои дела вечно совалась. Не понимаю, как я мог вообще с тобой разговаривать. Видать, это все из-за Робина.

– Ну да, – ничуть не оробев, подтвердила Мэри. – Из-за Робина мы с вами и подружились, а потом Робин мне показал дорогу в Таинственный сад.

Услышав это, садовник едва не ринулся на Мэри прямо с вершины стены.

– И ты! И ты! – выкатил он покрасневшие глаза на девочку. – Ты еще смеешь поклеп возводить на невинную птицу! Робин ей показал! И не совестно врать-то! Но как... как... – замялся садовник. – Как тебе все-таки удалось пробраться сюда?

И Мэри, которая все это время не сводила со старого Бена глаз, вдруг поняла, что он просто сгорает от любопытства.

– Я же вам говорю: дорогу сюда показал мне Робин, – упрямо сжав губы, повторила она. – Может быть, Робин, конечно, не знал, что он ее мне показывает, но я догадалась. А если вы хотите узнать, лучше перестаньте размахивать кулаками и спускайтесь вниз.

Бен Уэзерстафф тут же опустил кулак. Но Мэри напрасно приписала победу себе. Просто именно в этот момент садовник наконец посмотрел поверх головы девочки и встретился взглядом с молодым хозяином. Старый Бен широко раскрыл рот и на какое-то время утратил дар речи.

Вначале растерявшись от появления незнакомца, Колин быстро пришел в себя. Когда же Бен Уэзерстафф позволил себе говорить так грубо с его кузиной, Колин вновь обрел черты юного раджи. Величественно откинувшись в кресле, он громко сказал Дикену:

– Вези меня прямо к стене. Я хочу кое-что объяснить этому человеку.

Бен Уэзерстафф, застыв в прежней позе, следил, как Колина все ближе подвозят к нему. Кресло молодого хозяина было обложено подушками из яркого шелка, застлано красивым пледом и из-за этого чем-то смахивало на колесницу какого-нибудь восточного царька.

– Догадываешься, кто я? – величественно спросил Колин, когда «колесница» осадила неслышимый свой ход прямо перед носом садовника.

Бен Уэзерстафф посмотрел на мальчика так, будто ему явилось вдруг привидение. Не отводя от Колина глаз, он шумно сглатывал, но язык совершенно отказывался ему подчиняться.

– Догадываешься, кто я? – повторил юный мистер Крейвен, и на этот раз голос его звучал не только величественно, но и грозно.

– Он еще спрашивает! – сумел наконец хрипло произнести старый Бен. – Да ведь глаза твоей мамы так и глядят на меня с твоего лица. Вот только Бог тебя знает, как ты-то попал сюда? Ты же вроде бы инвалид.

За день, проведенный в саду, Колин успел настолько забыть и о больной спине и о прочих своих недугах, что слова садовника привели его в ярость.

– Никакой я не инвалид! – крикнул он.

– Правильно, не инвалид! – тут же встала на его защиту Мэри. – У Колина на спине ни одного даже маленького горбика нет. Я сама проверяла.

Бен Уэзерстафф с силой провел по лицу ладонью и уставился вновь на Колина.

– Не инвалид, – нараспев произнес он и недоверчиво повертел головой. – Значит, спина у тебя не горбатая?

– Нет! Нет! Нет! Не горбатая! – что было мочи завопил Колин.

Бен Уэзерстафф вдруг с ног до головы задрожал.

– И колченогости нету? – еще тише прежнего прохрипел он.

Новый вопрос садовника привел Колина в ту степень гнева, за которой обычно следовали ужасающие истерики. Однако сейчас ярость его вылилась самым неожиданным для всех образом.

– Иди сюда! – выпутываясь из пледа, подозвал он Дикена. – Скорее, скорее сюда!

И, как только мальчик приблизился, Колин, чувствуя прилив сверхъестественной силы, поднялся на ноги. Дикен лишь слегка придерживал его за руку. Поначалу ноги Колина немного подрагивали, затем он выпрямился и, гордо подняв голову, крикнул:

– Ну что, Уэзерстафф? Где моя колченогость?

– Он может стоять, как все! Может! Может! – размахивала руками Мэри.

А Дикен солидно добавил:

– Да ты, я вижу, стоять умеешь не хуже, чем я или какой другой мальчишка в Йоркшире.

Но неожиданней всех повел себя старый Бен Уэзерстафф. Из груди его

вырвался тихий стон, глаза наполнились слезами, и он вдруг изо всех сил захлопал в ладоши.

– Ну до чего же все врать-то любят, я вам скажу! – весело закричал он. – Может быть, ты и худой и не так чтобы особенно мускулистый, но ведь в остальном-то совсем нормальный. И мужчина из тебя вырастет хоть куда!

Колин по-прежнему держался на ногах очень уверенно, и его даже не качнуло ни разу.

– Учти! – строго взглянул он на садовника. – Когда моего отца нет, я тут твой главный хозяин. Мой приказ для тебя – закон. Ты не должен никому говорить, что мы все знаем про этот сад. А теперь спускайся и иди на длинную дорожку вдоль изгороди. Мэри встретит тебя снаружи и покажет вход. Конечно, мы бы и без тебя могли обойтись, но раз уж ты обо всем узнал, так и быть, посвящу тебя в тайну.

На щеках Бена Уэзерстаффа еще не высохли слезы. И он все никак не мог наглядеться на Колина, который вполне крепко стоял на ногах.

– Да, да, мой мальчик, – тихо шептал садовник, – конечно, все будет по-твоему.

Так продолжалось еще с минуту. Потом Бен Уэзерстафф вытер ладонью лицо и, рявкнув: «Слушаюсь, сэр!», исчез по ту сторону садовой ограды.

Глава XXII

НА ЗАКАТЕ

– Встреть его у калитки, Мэри, – попросил Колин, едва только голова садовника скрылась.

Мэри побежала к калитке, увитой плющом, и исчезла за ней. Дикен внимательно наблюдал за Колином. Лицо его от напряжения покрылось красными пятнами, но на ногах он стоял по-прежнему твердо.

– Я еще вполне могу постоять, – понял он беспокойство Дикена.

– Говорил же тебе! – с гордостью отозвался тот. – Как только перестанешь бояться, сразу же и пойдешь.

– Вот я бояться и перестал, – подтвердил Колин.

Тут ему вспомнилось, как Мэри говорила, что Дикен наверняка волшебник, и он напрямую спросил:

– Наверное, это твое волшебство?

– Нет, – засмеялся рыжеволосый мальчик. – Это не мое, это твое собственное волшебство, мистер Колин! И, если ты хочешь знать, оно очень смахивает на то, из-за которого крокусы вдруг взяли и сегодня из-под земли повылазили.

– Да-а, – внимательно поглядел на крокусы Колин, – по-моему, лучшего волшебства и не надо. Он встал, как только мог, прямо.

– Мне сейчас надо дойти вон до того дерева, – показал он Дикену на дерево, стоявшее в нескольких шагах от них. – К тому времени, как сюда подойдет Уэзерстафф, я хочу уже быть там. Тогда даже если я и устану, пока буду с ним разговаривать, то смогу опереться о ствол. А в кресло я сяду только когда сам захочу! – упрямо добавил он.

Держа Дикена за руку, Колин безо всяких происшествий достиг дерева. Было не похоже, что переход его утомил, да и прислонился спиной к стволу Колин, казалось, не из-за усталости. Просто ему так было удобней.

Тем временем Мэри пропустила старого Бена сквозь дверь в стене и заперла замок. Садовник издали увидел молодого хозяина, который как ни в чем не бывало стоял под деревом. Мэри тоже заметила Колина и, тихо бормоча что-то себе под нос, двинулась вслед за садовником.

– Ты чего там еще бубнишь? – хмыкнул Бен Уэзерстафф.

Но Мэри ему не ответила. То, что она говорила, было обращено к

одному лишь Колину. «Ты сможешь! Сможешь! Обязательно сможешь! – словно заклинание шептала она. – Я же давно говорила: у тебя все, что захочешь, получится!» В этот момент Мэри Леннокс вдруг почувствовала себя волшебницей, вроде Дикена, и старалась изо всех сил, ибо никак нельзя было допустить, чтобы Колин сплоховал перед старым Беном. Но Колин и не думал сдаваться. Он стоял себе и стоял под своим деревом и гордо поглядывал на садовника, а Мэри Леннокс, которая, кажется, первый раз так внимательно приглядывалась к кузену, вдруг поняла: несмотря на болезненность и худобу, Колин Крейвен очень красив!

– Ну, вот ты и пришел, Бен Уэзерстафф! – важно произнес молодой хозяин. – Теперь говори: я горбун? А может быть, ты у меня колченогость увидел?

Бен Уэзерстафф еще не совсем оправился от потрясения. Но уже обрел брюзгливую свою манеру.

– Да вроде бы ни колченогости, ни горбатости в тебе не видать, – пробубнил он. – Но тогда, скажи мне на милость, зачем ты столько времени ото всех прятался? Из-за того все и думали, что ты мало что инвалид, так у тебя еще и не все дома.

– Не все дома? – сердито переспросил Колин. – Кто это посмел такое вообразить?

– Мало ли дураков в мире? – махнул рукой Бен Уэзерстафф. – Слушать их всех – уши завянут. Но ты-то зачем ото всех таился?

– Потому, что раньше все думали, что я умру, – отозвался скороговоркой Колин. – А теперь, – повысил он голос, – я умирать больше не собираюсь.

– Куда уж тебе умирать! – ехидно сощурил глаза садовник. – У тебя жизненных сил полно. Ты как сегодня ноги со своего кресла на землю опустил, так я и понял: с кем с кем, а уж с тобой все в порядке. Ну а теперь, молодой хозяин, садись-ка отдохни чуть-чуть в кресле, а я послушаю, какие ты дашь мне приказы.

И, как ни странно, наш юный раджа покорно последовал совету старого Бена. Может быть, это случилось из-за того, что Мэри, пока провожала Бена до двери в Таинственный сад, успела объяснить, какое чудо произошло с Колином и насколько осторожно следует с ним обращаться. А может быть, Колин почувствовал за грубоватостью тона садовника настоящую нежность и понял, что перед ним друг. Во всяком случае, опускаясь в кресло, он очень ласковым тоном осведомился:

– Какую работу ты делаешь в нашем саду, Уэзерстафф?

– Какую прикажут, – стал объяснять Бен. – Меня тут вообще держат из

милости. И все потому, что... она ко мне очень хорошо относилась.

– Она? – переспросил Колин.

– Ну да, твоя мама.

– Моя мама? – оглянулся вокруг Колин. – Это был ее сад, да?

– Да, – кивнул старый Бен. – Твоя мама тут так все любила.

– А теперь тут все любить буду я! – тоном полноправного наследника заявил Колин. – Только учти, Уэзерстафф. Пока это надо держать в тайне. Никто не должен узнать, что мы ходим сюда. Это приказ, Уэзерстафф. Понимаешь, Дикен с моей кузиной Мэри работали тут, и сад ожил. А теперь мы будем иногда посылать за тобой, чтобы ты нам помог. Но, чур, смотри в оба, пока за дверью не скроешься.

– Я и прежде в оба смотрел, – усмехнулся садовник. – За все годы никто меня еще в этом саду не застукал.

– В этом саду? – ушам своим не поверил Колин. – Ты здесь был?

– Был, – ответил Бен Уэзерстафф. – Последний раз я работал тут два года назад. И вот сегодня пришел опять.

– Но тут же никого не было все десять лет, – все еще не мог поверить Колин – Вход ведь закрыли.

– Значит, я «никто» и есть, – спокойно отозвался старик. – И проходил я сюда не в дверь, а через стену. Но два года назад меня ревматизм замучил. Вот и пришлось столько ждать. Потому как, если ревматизм скрутит, такую стену одолеть невозможно.

– Значит, вы приходили работать сюда! – хлопнул себя по лбу Дикен. – Тогда все понятно. А то я ломал, ломал голову и никак не мог разобраться.

– Она так любила свой сад, – хриплым голосом отвечал садовник. – Какая же она была хорошенькая и молоденькая. А однажды она вдруг засмеялась и говорит: «Если я вдруг заболею или куда-то уеду, ты уж, Бен, позаботься о моих розах!» Я и думать тогда не мог, что она скоро уйдет навсегда. А как беда приключилась, и хозяин никому не велел в этот сад приходить, я все равно его не послушался. Миссис Крейвен-то мне совсем другое велела, и я сюда стал приходить, и все! – упрямо сжал рот старый Бен Уэзерстафф. – Мистер Крейвен дверь напрочь замкнул, а я через верх лазил. Потому что такая была воля моей хозяйки!

– Мистер Бен, если бы вы сюда не ходили, сад нипочем бы не выжил, – раздался проникновенный шепот Дикена.

– Спасибо тебе, Уэзерстафф, – несколько свысока произнес Колин, но все почувствовали, что он очень растроган. – Ты поступил правильно, – продолжал юный хозяин. – Теперь я вижу: ты умеешь хранить настоящие тайны.

– Стараюсь, сэр, – едва заметно улыбнулся старик. – Рад, что теперь мне придется полегче. В мои годы совсем не одно и то же ходить в сад через дверь или карабкаться через такие вот стены.

Возле дерева на траве остались лежать вилы, которыми днем Мэри рыхлила землю. Нагнувшись, Колин цепко схватился за рукоять, легонько поскреб вилами землю и вдруг с силой вонзил их в грунт. Для его слабых рук получилось совсем неплохо. Вилы ушли в землю чуть ли не до половины. Колин нажал на рукоять и вывернул комья земли.

– Я знала! Я знала! – тут же послышался голос Мэри. – Колин будет работать с нами в саду.

И Бен Уэзерстафф и Дикен молча наблюдали за юным мистером Крейвеном. Вывернув вилами еще несколько комьев земли, тот посмотрел в глаза Дикену.

– Ты пообещал мне сегодня утром, что я буду ходить и работать в саду, как все нормальные люди, – медленно произнес он. – День еще не кончился, а я уже ходил, а теперь копаю.

– Истинная правда, мой мальчик, – громко расхохотался Бен Уэзерстафф. – Теперь-то я точно вижу: с тобой все в порядке. Ты – настоящий йоркширец! А если желаешь чего посадить по-серьезному, у меня как раз есть роза в горшке.

– Неси ее! – затрясся от нетерпения Колин. – Неси эту розу скорее!

Его азарт передался садовнику. Забыв о преклонном возрасте и ревматизме, он ринулся с мальчишеской прытью к теплицам. Дикен взял в руки лопату и выровнял ямку, которую сумел проделать вилами Колин. Мэри принесла в лейке воды.

– Как вы думаете, сумею я посадить розу, пока еще солнце светит? – умоляюще взглянул на друзей Колин. – Мне так бы хотелось успеть!

В это время сквозь садовую дверь промчался на всех парах Бен Уэзерстафф. Еще миг – и он уже встал на колени перед ямой. Он очень спешил. Ему не меньше, чем Колину, хотелось успеть до захода солнца. Бережно вынув саженец из горшка, он протянул его мальчику. Колин взял розу. Руки его дрожали.

– Сажай только сам, – строго сказал старый Бен. – Так следует всегда поступать, когда попадаешь на новое место.

Колин послушно опустил розу в ямку. Потом он придерживал стебель, а Бен Уэзерстафф сыпал землю. Затем землю примяли самым тщательным образом.

– Успели! Успели! – закричал Колин. – Солнце еще не село! Оно еще чуть-чуть светит! Помогите мне встать, Дикен! Я хочу увидеть, как оно

скроется!

Дикен помог. Чувствуя важность момента, Уголек слетел с дерева и уселся подле только что посаженной розы. Нат и Шелл остались на ветке вишни, но они явно обсуждали происходящее. А Колин уже снова стоял на ногах. То ли по волшебству, то ли еще по какой-то причине, это ему не было трудно. И провожая взглядом заходящее солнце, он беззаботно смеялся.

Глава XXIII

ВОЛШЕБСТВО

Вернувшись в дом, дети обнаружили, что их давно ждет доктор Крейвен. Как раз в тот момент, когда Колина ввели в комнату, доктор подумывал, не послать ли кого-нибудь в сад на поиски.

– Тебе нельзя было оставаться так долго на воздухе! – тщательно осматривая мальчика, говорил он. – Никогда не забывай: малейшее утомление может губительно сказаться на твоём организме!

– Утомление? – презрительно фыркнул Колин. – Но я не устал. Даже наоборот. Завтра я буду гораздо дольше гулять. Сперва после завтрака, а потом – во второй половине дня.

– Боюсь, не смогу тебе этого позволить, – покачал головой доктор. – Подумай немножко, и сам поймешь, что твоё решение не совсем разумно.

– По-моему, как раз ваше решение неразумно, – начал злиться Колин. – Только попробуйте меня завтра остановить. Я пойду! Пойду на улицу и останусь там, сколько мне надо!

И он с такой воинственностью воззрился на доктора Крейвена, что тот поспешно покинул комнату.

– Вот так я теперь и буду поступать со всеми его советами! – гордо объявил Колин Мэри и Дикену.

Дикен смущенно потупился. Мэри тоже кузена не поддержала. Ей совсем не понравилось, как он разговаривал с доктором. Именно в этот момент она отчетливо поняла, что самое неприятное в Колине – высокомерие. Видимо, он и сам не отдавал отчета себе, сколь груб с окружающими, как бесцеремонно раздает приказания всем и каждому. Ведь он всю свою жизнь провел словно на отрезанном от мира острове. А так как на этом острове Колин был единственным повелителем, то и не находилось ни одного человека, который мог бы его одернуть. Мэри обладала достаточно богатым опытом на этот счет. В Индии она вела себя не лучше, чем Колин. Приехав к дяде, она изменилась и теперь решила помочь кузену.

Когда доктор Крейвен ушел, Мэри пристально поглядела на Колина. «Пусть он сам спросит, почему я так странно смотрю на него», – решила она. Вопрос не замедлил последовать:

– Ты чего это на меня так смотришь?

– Я не совсем на тебя смотрю, – исподволь начала Мэри. – Я просто подумала, что, наверное, все-таки жалко доктора Крейвена.

– Еще бы не жалко! – не без злорадства воскликнул мальчик. – Я же теперь умирать не буду. Значит, ему уж точно Мисселтуэйт не достанется.

– Конечно, – согласилась девочка. – Но мне его жалко из-за другого. Наверное, ему очень противно десять лет подряд лечить мальчика, который все время дерзит. Я бы на месте доктора Крейвена давно бы не выдержала и как-нибудь проучила тебя.

– А я разве ему дерзил? – искренне удивился Колин.

– Ну... – не зная, как лучше выразить свои чувства, задумалась Мэри. – Вот если бы ты был, например, сыном доктора Крейвена и посмел бы с ним так разговаривать, он наверняка бы тебя отшлепал или еще как-нибудь наказал.

– Пусть только попробует! – вздернул голову Колин. – Да он мне и слова сказать не посмеет!

– Правильно, не посмеет, – согласилась кузина. – Ты разве не замечал? Тут вообще против тебя никто ничего не смеет. Ты ведь такой несчастный был и умирать собирался, и вообще...

– Никакой я теперь не несчастный! – перебил ее Колин. – Пусть хоть кто-нибудь попробует меня несчастным назвать после того, как я сегодня стоял!

– Опять он все хочет всем запретить, – проговорила Мэри так, словно обращалась не к Колину, а просто мыслила вслух. – Но вообще-то я понимаю, – продолжала она. – Ему все позволяли, вот он и стал таким странным.

– Разве я странный? – востропел мальчик.

– Очень странный, – немедленно подтвердила Мэри. – Но только ты не сердись. Я и сама тоже странная. И Бен Уэзерстафф – тоже. В Индии я была совсем странной. А потом мне тут стали нравиться люди, и Таинственный сад появился. И теперь я, по-моему, стала странной гораздо меньше.

– Не хочу быть странным! – упрямо выпятил подбородок Колин. – И я им не буду!

Тут Мэри открылась еще одна черта Колина Крейвена: он был очень гордым мальчиком! Минуты две он молчал, напряженно о чем-то думая.

Вдруг лицо его озарила улыбка, и Мэри второй раз за сегодняшний день залюбовалась им.

– Я знаю! Знаю! – воскликнул он. – Я обязательно перестану быть странным! Но для этого мне нужно все время ходить вместе с вами в

Таинственный сад. Потому что там правда творится какое-то волшебство. Да, да, – схватил он за руку Мэри, – оно там есть. Я уверен!

– И я уверена, Колин! – без тени сомнения отвечала девочка.

Так кончился этот день. А в последующие дни сад открыл им новые чудеса, и вера Мэри и Колина в волшебные силы, которые там таятся, лишь укрепилась. Сначала дети находили каждое утро новые ростки. Когда же им стало казаться, что этому не будет конца, появились бутоны и начали один за другим раскрываться. Теперь Таинственный сад ослеплял обилием красок. Старый Бен Уэзерстафф удовлетворенно кивал головой. По его словам, такого количества разных цветов тут не было «даже в лучшие дни». И он тяжело вздыхал, вспоминая как работал тут, пока жива была миссис Крейвен. Это еще тогда он выдолбил углубления в стенах, насыпал в них земли и посадил вьюны разного цвета. А в нишах росли полчища голубых и белых дельфиниумов. Но ведь в этом году распустились и новые цветы, которые посадили Дикен и Мэри!

– Если бы она только видела! Если бы только видела! – однажды сказал старый Бен. – Она так любила все, что тянется к небу! Конечно, она и к земле относилась неплохо, но небо ей нравилось больше. Оно ей как-то радостней представлялось!

И Мэри со знанием дела ответила:

– Настоящие волшебства бывают добрые, а бывают злые. Но тут у нас теперь только добрые.

Все остальные с ней согласились. Достаточно было взглянуть на разноцветные маки, которые под музыку ветра с пустоши словно кружились в танце. Эти маки посадили Мэри и Дикен, и они выросли такими красивыми, каким не вырастет ни одно растение, если его не возьмут под свое покровительство добрые феи. Молодые цветы танцевали столь заразительно, что цветы-ветераны, еще видевшие, подобно старому Бену, в живых миссис Крейвен, тоже пустились в пляс. А розы, любимые ее розы, как они дивно цвели и благоухали в эту весну! Одни из них гордо поднимались из земли на прямых стеблях. Другие причудливо увили стволы и ветви деревьев, и солнечные часы, и даже залезли на высокую стену и с удивлением разглядывали оттуда новых людей, которые теперь по многу часов проводили в саду.

Каждый день, выходя на прогулку, Колин Крейвен находил какое-нибудь новое чудо. Даже в пасмурную погоду он наслаждался. Нагнувшись над самой землей, он наблюдал за поведением насекомых. Большинство из них куда-то очень спешило. Многие волокли домой кусочки соломы, или какие-то перышки, или еду, но больше всего нравились Колину те, которые

бесстрашно залезали на самые вершины травинок. Колин думал, что для насекомых эти травинки все равно что деревья для человека. И он пытался себе представить ощущения этих маленьких существ, когда с вершины такой вот травинки они глядят на раскинувшийся внизу мир. А однажды Колин целое утро не двигался с места, потому что заметил, как крот выбрасывает на поверхность комья земли. Долготерпение мальчика было вознаграждено сполна, когда зверек вышел наконец из норы. Никогда еще Колин не видел существа забавнее. Черная бархатистая шкурка, лапки с длинными коготками... Казалось, из-под земли появился не крот, а кто-то из эльфов.

Поначалу Колин довольствовался собственными наблюдениями. Когда же Дикен рассказал ему все, что сам знает о птицах, рыбах, насекомых, лисах, бобрах, хорьках, белках, водяных крысах и барсуках, Колин увлекся еще сильнее. Он стал читать книги о великих исследователях и ученых. Теперь Колин наблюдал не только за природой. То и дело он возвращался мыслями к тому первому дню в Таинственном саду, когда неожиданно для самого себя смог встать на ноги. Из всех волшебств это для него было главным, и он чувствовал, что непременно должен понять, как оно действует. Когда же Мэри призналась, что, пока он стоял на ногах, все время призывала волшебные силы, Колин словами ученого из прочитанной книги удовлетворенно подумал: «Итак, в цепи моих рассуждений есть логика!»

– Ты произносила для волшебства какие-нибудь слова? – тут же полюбопытствовал наш юный исследователь.

– Да, Колин, – ответила Мэри. – Я тогда все время шептала: «Ты сможешь! Сможешь! Обязательно сможешь! У тебя все, что захочешь, получится!» И ты ведь действительно смог! – окинула она мальчика торжествующим взглядом.

– Смог, Мэри, – задумчиво отозвался Колин. – Это и убеждает меня, – продолжал он с многозначительным видом, – что в мире существует много всякого волшебства. Просто большинство людей никогда им не пользуется. Они не знают, как это сделать, – сожалея о недалёковидности человечества, покачал головой мальчик. – А я, по-моему, на пороге открытия. Полагаю, главное тут – повторять, повторять, повторять то, что ты хочешь, чтобы произошло, и самому верить. Тогда волшебство заработает, и все выйдет, как надо. Завтра же надо проверить. Это будет научный эксперимент.

На следующее утро, едва попав в Таинственный сад, Колин попросил Дикена:

– Постарайся как можно скорее доставить сюда Уэзерстаффа. Дело

важное и отлагательств не терпит.

Дикен еще не знал, в чем дело, но по голосу юного мистера Крейвена почувствовал, что сейчас произойдет что-то важное, и справился с поручением очень проворно.

– Доброе утро, Бен Уэзерстафф! – торжественно и одновременно ласково приветствовал садовника Колин.

– Доброе утро, сэр, – слегка приподнял фуражку Бен.

– Сейчас я хочу, чтобы ты, Мэри и Дикен встали в ряд и выслушали очень важное сообщение, – еще более торжественным тоном произнес юный мистер Крейвен.

– Есть, сэр! – неожиданно на весь сад грянул садовник и, словно заправский морской волк, вытянулся во фрунт.

Впрочем, Бен Уэзерстафф и впрямь бороздил когда-то моря. Он мальчишкой сбежал из семьи на корабль, был сперва юнгой, потом – матросом, и в наиболее торжественные минуты жизни бравый моряк всегда в нем одерживал верх над старым брюзгой.

Когда все стали так, как того требовал Колин, он произнес старательно отрететированную заранее Ученую Речь:

– Сейчас, друзья и коллеги, я хочу провести научный эксперимент. Думаю, когда вырасту, я совершу много важных открытий в науке. А этот эксперимент пусть положит начало.

Никогда еще старому Бену Уэзерстаффу не предлагали участвовать в научном эксперименте. Да он и не особенно понимал, что это такое. Но в голосе юного хозяина слышалась столь заразительная торжественность, что садовник почувствовал себя так же, как в молодости перед капитаном корабля. И, забыв обо всем, вновь завопил на весь сад:

– Есть, сэр!

Мэри тоже ничего не знала о научных экспериментах. Но и она не могла отвести от Колина глаз. Сегодня он говорил особенно убедительно. Может, все дело тут было в том, что он много читал об ученых и изо всех сил старался произнести Настоящую Взрослую Речь, а может быть, в чем-то другом, но Мэри верила каждому его слову.

– Все великие открытия, которые я собираюсь сделать, – развивал свои научные положения Колин, – будут связаны с волшебствами. Волшебства – великая вещь. Но о них почти ничего не упоминается в научных книгах. Только в нескольких очень старых. Еще немного о волшебствах знает кухня Мэри, потому что она жила в Индии. Дикен вообще-то тоже волшебство чуть-чуть знает, но, мне кажется, он и сам не знает, что знает. Просто зачаровывает зверей и людей, и все. Если бы он не умел

зачаровывать и заклинать, я никогда бы таким, как был раньше, не пригласил его к себе в комнату. Но в том-то и дело, – поднял вверх указательный палец Колин, – что у Дикена существует дар заклинателя всех животных, а значит, и мальчиков. Ведь мальчик, с научной точки зрения, это тоже животное. Я уверен, во всем есть волшебство. Только мы не умеем им пока управлять, чтобы оно нам служило вроде лошадей, пара и электричества.

Последнее утверждение Колина прозвучало настолько внушительно, что в жилах старого Бена вновь забурлила морская кровь.

– Есть, сэр! – раздалось в третий раз на весь сад.

– Когда Мэри обнаружила дверь, сквозь которую все мы теперь проходим сюда, – чрезвычайно воодушевился успехом у Бена Колин, – тут же какая-то сила начала выталкивать из земли все растения. Появилось много зеленых побегов. Их не было, но они появились, – с особой выразительностью произнес наш юный ученый. – Было время, когда я не обращал ни на что внимания. Но ученые ведь всегда всем интересуются. А я теперь хочу стать ученым. И когда я начал наблюдать, я все время себя спрашивал: «Как же так? Как же так? Не может же все расти просто из ничего?» Значит, тут тоже есть волшебство. Я еще никогда не видел, как встает солнце. Но кузина Мэри видела и мне рассказала. Тут, конечно, просто тоже самое настоящее волшебство. Ведь что-то толкает и поднимает солнце! И когда я прихожу в Таинственный сад, меня что-то толкает в грудь, и я начинаю по-другому дышать, и мне становится так хорошо!

Тут Колин выдержал паузу, как делали все ученые в книгах перед тем, как ошеломить других ученых мужей великим открытием.

– И вот, суммируя все свои наблюдения, – приступил наконец юный мистер Крейвен к главной части доклада, – я пришел к выводу, что волшебство – это то, что толкает, поднимает и вообще делает вещи из ничего. Из волшебства сделаны листья и деревья, цветы и птицы, барсуки, лисы, белки и даже люди. Значит, волшебство просто везде – и вокруг нас, и во всех остальных местах тоже. А волшебство, которое живет в этом саду, заставило меня понять, что я не умру и буду жить долго-долго. И как только я это понял, я даже встал на ноги. Поэтому научный эксперимент, который я намереваюсь провести сейчас вместе с вами, будет своего рода попыткой попросить волшебство проникнуть в меня, поднять и сделать так, чтобы я стал сильнее. Результаты эксперимента покажут, правильна ли моя догадка, но я полагаю, что, если все время думать о том, чего хочешь, я призывать волшебство, и верить, что оно придет, может, тогда все и получится. Может быть, это и есть самый простой и наиболее эффективный способ вызова

волшебства. Вспомните, о чем я говорил вам вначале. Когда я впервые встал на ноги, Мэри шептала: «Ты сможешь! Сможешь! Обязательно сможешь! У тебя все, что захочешь, получится!» Конечно, самому мне тоже пришлось постараться, но волшебство Мэри и волшебство Дикена мне помогли. С тех пор я стараюсь утром, днем, а иногда даже вечером повторять про себя: «Волшебство во мне! Волшебство во мне! Оно мне поможет стать таким же сильным, как Дикен!» Сегодня вы все будете повторять то же самое. Таковы условия этого эксперимента.

И, поочередно глядя на своих изумленных слушателей, Колин спросил: – Ты ведь сможешь мне, Дикен? И ты, Мэри? И ты, Бен Уэзерстафф?

В ответ раздалось два пламенных «Конечно, Колин!» и одно громогласное «Есть, сэр!».

– Работа вам предстоит нелегкая, – счел своим долгом предупредить автор эксперимента. – Призывать волшебство надо будет и сегодня, и завтра, и еще много дней подряд. Только если мы все добьемся слаженных действий, как солдаты на строевой подготовке, эксперимент сможет принести плоды. Это как когда мы что-нибудь учим. Надо повторять, повторять, пока не запомнишь. По моим наблюдениям, эта закономерность должна распространяться и на волшебство.

– Однажды я слышала, как один офицер в Индии рассказывал моей маме про одного факира. Этот факир тоже повторял свои заклинания по многу-многу тысяч раз подряд, и у него что-то такое потом выходило, – поделилась старым воспоминанием Мэри.

– Вот, вот, – с важностью закивал головой Колин. – Это еще одно доказательство моей научной гипотезы.

– А я слышал, – неожиданно вмешался в дискуссию старый Бен, – как женошка Джема Феттлуорта уж никак не меньше тысячи раз повторяла одно и то же: «Пьяная скотина! Пьяная скотина!» И что же, вы думаете, делал в ответ Джем? Ну, сперва он, как водится, учил жену тумаками, а потом и впрямь напивался в трактире «Голубой лев».

Колин с неодобрением взглянул на садовника и задумался. Но замешательство длилось всего лишь миг. Лицо его вдруг просветлело.

– Видите? Значит, все верно! – воскликнул он. – Эта жена пользовалась злым волшебством. И, конечно же, ее муж себя вел неправильно. А если бы эта жена повторяла тысячу раз доброе волшебство, ее мужу не захотелось бы напиваться. Наоборот, он бы пошел и купил этой жене новый капор.

– Да ты мало того что не колченогий, а, выходит, еще и умный! – восхищенно проговорил Бен Уэзерстафф. – Как увижу в следующий раз

Бесс Феттлуорт, непременно ей намекну, какое полезное дело для нее может волшебство совершить. Если у них с Джемом научный эксперимент сработает, она будет рада, и Джем тоже, думаю, не станет протестовать.

Дикен стоял и слушал, и глаза его светились от радости. Пат и Шелл внимательно следили за происходящим с плеч мальчика. А на руках Дикен держал прелестного белого кролика. Он ласково гладил его, и длинноухий зверек даже глаза зажмурил от удовольствия.

– А ты-то, Дикен, как думаешь? – с явным волнением спросил будущий великий ученый. – Сработает эксперимент?

Дикен всегда оставался для Колина загадкой. Он часто с волнением следил, как рыжий мальчик, глядя куда-то вдаль, таинственно улыбается. А как Колину хотелось понять, о чем в такие минуты думает Дикен. Может быть, именно тогда он и творит свои заклинания? Как бы там ни было, Колин во всем беспрекословно слушался Дикена и сейчас, затаив дыхание, ждал, что тот ответит.

– Думаю, да, – утвердительно тряхнул головой тот. – Твой этот эксперимент должен сработать, как семена выпускают побеги, когда на них светит солнце. Если ты, Колин, не против, я предлагаю прямо сейчас и начать.

– Конечно! – обрадовался Колин.

В памяти его всплыли картины из книги о факирах, и он тут же решил рассадить всех так же, словно он сам – факир, а остальные – его ученики.

– По-моему, это дерево, – указал Колин на сливу, к стволу которой сейчас прислонился, – вполне может быть вроде храма. Мы все сейчас сядем под ним, скрестив ноги. Так будет по волшебным правилам. И еще, – смущенно добавил он, – я что-то устал. Мне хочется посидеть.

– Так не годится, – осуждающе произнес Дикен. – Нельзя начинать волшебство с того, что устал. Посидеть под деревом можно, но ты, Колин, все время должен думать только о волшебстве.

Колин смутился, покраснел и тихо ответил:

– Правильно. Я как-то забыл, что сейчас уставать не имею права. Я буду думать только о волшебстве.

Он с очень сосредоточенным видом опустился на землю под самым стволом и скрестил ноги. Остальные последовали его примеру. Как только они по-факирски расселись в кружок, их словно окутал покров тайны. Проняло даже старого Бена, и он почувствовал такую тоску, словно его завели на собрание секты. Ко всяким молитвенным сборищам старый Бен относился с большим подозрением и предпочитал на них не ходить. Но сегодня все обстояло совсем по-другому. Этот какой-то эксперимент связан

со здоровьем молодого хозяина. Бен очень гордился, что его позвали на помощь, и готов был терпеть до конца.

Мэри Леннокс, в отличие от него, ничего не надо было терпеть. Глаза ее горели от счастья, и она предвкушала удивительные события. Тем более что рядом с ней сидел Дикен со своим кроликом на руках! С минуту назад рыжий мальчик уже успел совершить одно небольшое чудо. Во всяком случае, Мэри не сомневалась, что это именно он подал своим зверям тайный сигнал заклинателя. Иначе не объяснишь, почему, стоило детям рассестись по-факирски в кружок, как ворон, лисенок, бельчата и ягненок подошли к дереву и тоже сели в кружок. Колин сразу это заметил.

– Звери пришли помогать нам, – без тени сомнения произнес он.

«Какой Колин сейчас красивый! – подумала Мэри. – Он просто как жрец. И солнце на него светит совсем по-особенному!»

– Ну, начинаем! – послышался голос «жреца». – Я вот только хочу обсудить одну важную вещь. Мы будем просто призывать волшебство, как раньше договорились, или стоит еще раскачиваться взад и вперед, будто бы мы дервиши?

– Не могу я раскачиваться взад и вперед! – взмолился Бен Уэзерстафф. – У меня ревматизм!

– Вообще-то волшебство твой ревматизм тоже должно излечить, – немедленно констатировал руководитель эксперимента. – Но пока этого не случилось, мы, пожалуй, воздержимся от способа дервишей. Просто будем произносить слова нараспев.

– Петь я тоже не стану! – опять запротестовал старый Бен. – Я уже раз в жизни попробовал. Тут-то меня и выставили из церковного хора.

Никому из детей даже в голову не пришло засмеяться. Каждый из них сознавал огромную важность момента, и все трое были настроены на такой торжественный лад, что комические стороны жизни были не в силах сейчас пробиться в их души.

– Ну, тогда нараспев буду говорить один я, – нашел выход из положения Колин. – Я начинаю:

Солнце светит, солнце светит.

Это волшебство.

Цветы растут, и корни растут.

Это волшебство.

Жизнь – волшебство.

И сила – волшебство.

Волшебство во мне!

Во мне, во мне и во всех нас!
Оно – в спине Бена Уэзерстаффа.
Волшебство, волшебство!
Приди и помоги!

Мэри слушала Колина и могла бы слушать еще и еще. Песнь его представлялась ей дивной. Конечно же, ни одно волшебство не устоит перед таким и откликнется!

Бен Уэзерстафф внимал молодому хозяину в соответствии со своим восприятием мира. Почти с первых слов голос Колина слился в его ушах с гудением пчел, и садовника охватила дремота. Голова его свесилась безвольно на грудь, и явь стала мешаться с сонными грезами.

Дикен вел себя с обстоятельностью человека, знающего кое-какой толк в волшебствах. Он кивал в такт каждому слову Колина. На одной руке Дикена сидел кролик, другой он поглаживал по спине ягненка. А Уголек, потеснив одного из бельчат, устроился у хозяина на плече.

Колин все повторял и повторял нараспев то же самое. Если он и не дошел до тысячи раз, то лишь самую малость. Наконец он умолк.

– А теперь я пойду прогуляться по саду, – чуть помолчав, объявил он.

Бен Уэзерстафф вдруг сонно уставился на молодого хозяина.

– Ты заснул! – укоряюще произнес тот.

– Никак нет, сэр, – явно засыпая опять, пробормотал старый Бен. – Отменно хорошая была проповедь. Теперь только успеть бы уйти до того, как пожертвованье потребуют.

– Уэзерстафф, ты не в церкви! – очень строго сказал юный мистер Крейвен.

– Какое там, в церкви! – наконец окончательно пробудился садовник. – Я все слышал. Ты говорил, что волшебство у меня в спине. Тут я вроде во всем разобрался. По-моему, это волшебство то же самое с тем, которое доктор мне ревматизмом назвал.

– Да, и это неправильное волшебство, – величественно повел рукой юный ученый и чародей. – Надеюсь, Уэзерстафф, после моего эксперимента тебе станет лучше. Сейчас можешь идти. А завтра обязательно приходи опять.

– Не-ет, – заартачился Бен Уэзерстафф. – Мне сейчас уходить не с руки. Уж я сперва, с твоего позволения, погляжу, как ты станешь прогуливаться по саду. Мне тоже следует удостовериться, как это твое волшебство заработало. Даже если ты меня и прогонишь, – угрожающе пробубнил он, – я все равно наблюдения за тобой не оставлю. Встану с той

стороны на лестницу и буду глядеть. А если с тобой что случится, тут же кинусь на помощь, несмотря на весь ревматизм.

Заранее готовый обидеться, старый Бен сделал шаг в сторону. Но уйти ему Колин не дал. Он ничего не имел против того, чтобы Бен Уэзерстафф остался.

– Наоборот, – объяснил он садовнику, – с тобой сопроводительная процессия будет еще торжественней.

После того как этот маленький конфликт был улажен, участники эксперимента выстроились следующим образом. Впереди, придерживая Дикена за руку, шел Колин. С другой стороны от него, отстав всего на какой-нибудь шаг, шла Мэри, а за ней – Бен Уэзерстафф. За старым садовником шла процессия зверей с ягненком и лисенком во главе. Самым независимым образом держали себя кролик и ворон. Кролик делал вид, что просто пощипывает травку, а Уголек хоть и вышагивал самым последним, однако по его гордой походке можно было подумать, что только ради него и затеяли эту прогулку по саду.

Через каждые пять шагов процессия останавливалась для отдыха. Затем Колин снова шел вперед. Дикен готов был в любую минуту подхватить его, если он вдруг споткнется. Бен Уэзерстафф тоже держался настороже. Но Колину пока помощи явно не требовалось. Наоборот, он то и дело отпускал руку Дикена, чтобы хоть два-три шага сделать самостоятельно. Стоило видеть, как гордо в такие моменты он держал голову!

– Волшебство во мне! – непрерывно нашептывал он. – Оно во мне! Оно делает меня сильным! Я его чувствую! Чувствую! Чувствую!

Казалось, это тщедушное тело и впрямь удерживает какая-то сила. Конечно, он не упускал ни единого случая, чтобы присесть для отдыха на скамейку или в нишу садовой стены. Но ведь он все-таки обошел весь сад целиком, и при этом не падал и даже не оступился!

– Вышло! – вернувшись к сливовому дереву, воскликнул он. – У меня это вышло! Волшебство сработало!

Щеки его алели. И, обведя друзей сияющим взором, он прошептал:

– Мой первый научный эксперимент удался.

– Интересно, что скажет теперь доктор Крейвен? – с улыбкой проговорила Мэри.

– Ничего он не скажет, – ответил Колин. – Он пока не должен ничего знать. От него это будет секрет. Вообще никто из них не должен ничего знать, пока во мне не прибавится столько силы, как у всех остальных мальчиков. А пока я буду каждый день приезжать сюда и уезжать в своем

кресле. Иначе все станут шептаться, болтать, и отец прежде времени обо всем узнает. Пусть лучше он спокойно вернется себе в Мисселтуэйт, а я войду к нему в кабинет, побегая, попрыгаю и скажу: «Вот и я! Я такой же, как все остальные мальчишки. Я буду жить и стану взрослым». После этого можно и доктору Крейвену рассказать. Наверное, он будет очень забавно себя вести! – засмеялся мальчик.

– Он глазам не поверит. И решит, что ему все снится, – сказала Мэри.

– Да, – согласился Колин.

Сегодня был его день. Он мог по праву торжествовать, ибо сумел поверить, что выздоровеет. В конечном итоге именно это решило судьбу Колина Крейвена. Отныне он знал, что непременно станет по-настоящему сильным и стройным. Станет хотя бы затем, чтобы отец понял: его сын не хуже, чем сыновья у других отцов.

– Да, Мэри, придется и папе, и доктору Крейвену поверить своим глазам, – повторил он. – Потому что, еще прежде, чем я начну совершать великие открытия, я стану атлетом.

– Если у тебя так хорошо и дальше пойдет, – вмешался Бен Уэзерстафф, – ты скоро сможешь даже боксером стать. Ты у нас еще завоеешь чемпионский пояс всей Англии!

– Бен Уэзерстафф! – осуждающе произнес в ответ Колин. – То, что тебе доверили тайну, еще не дает права на всякие вольности. Как бы там волшебство ни сработало, в боксеры-профессионалы я никогда не пойду. Непочтительно с твоей стороны даже предлагать мне такое. Я ведь сказал, что буду... ученым!

– Виноват, сэр! – немедленно отдал честь старый Бен и потупился. Однако глаза у него при этом лукаво блеснули.

Глава XXIV

ПУСТЬ СМЕЮТСЯ!

Дикен работал не только в Таинственном саду. Вокруг коттеджа на пустоши у него был собственный огород, окруженный низкой стеной из камней. Рано утром, и по вечерам, и все дни, в которые Дикен по каким-то причинам не встречался с Мэри и Колином, он проводил на своем огороде. Чего у него только тут ни росло! И картошка, и капуста, и репа, и морковь, и самая разнообразная зелень. На огород Дикен обычно являлся в компании своих ручных друзей. За работой он то и дело с ними переговаривался или напевал йоркширские песенки, а руки его творили сущие чудеса. Он копал, полон, сажал, выкорчевывал и, казалось, не ведал усталости. И все росло на его огороде словно по мановению волшебства.

– Если бы не Дикен со своим огородом, нам бы жилось куда хуже, – говорила миссис Соуэрби. – Он что ни посадит, у него и примется, и вырастет на целую нашу семью. А уж вкусной капусты, такой, как у Дикена, или картошки во всей округе не сыщешь.

Дни сейчас стояли самые длинные, после ужина было еще долго светло, и Дикен до темноты возился на огороде. Когда у матери выдавалась свободная минутка, она шла к сыну, и они заводили беседу.

Устроившись поудобнее на каменной стене, миссис Соуэрби расспрашивала Дикена, как он провел день, и у него всегда находилось для матери хоть что-нибудь интересное. Подобные вечера миссис Соуэрби любила больше всего на свете. Огород Дикена радовал глаз. Там ведь росли не только овощи. Он накупил в Туэйте семян, и теперь среди кустов крыжовника и даже между капустными грядками распускались и благоухали цветы. Кроме этого, Дикен проделал дорожки и засадил их по краям резедой, гвоздикой, анютиными глазками и еще кое-какими цветами. Одни из них были однолетними, но Дикен тщательно собирал их семена и по весне высаживал вновь. А другие, многолетние, и на зиму оставались в земле, чтобы потом из лета в лето радовать все семейство Соуэрби.

В щелях между каменной кладкой стены Дикен тоже насадил самых разных растений. Как только наступало тепло, стена сплошь покрывалась зеленью, словно какой-нибудь горный кряж, и камни лишь редкими островками проглядывали сквозь это обилие цветов, вьюна и кустарника.

Когда мать восхищенно оглядывалась вокруг, Дикен ей объяснял:

– Надо просто все растения полюбить. Тогда они и принимаются так как надо. Это как с животными. Надо им пить – напои. Поесть – корми. Ведь они не менее нас хотят жизни радоваться. Если кто-нибудь из них умрет, виноват буду я, потому что не проявил заботы.

Именно в эти часы перед сумерками миссис Соуэрби узнавала от сына, что делается в Мисселтуэйте. Сперва Дикен просто ей рассказал, что мистеру Колину понравилось гулять вместе с ним и мисс Мэри. Потом, посоветовавшись с друзьями, которые выказали полное доверие миссис Соуэрби, мальчик однажды вечером посвятил ее в тайну. Он начал с того, как Мэри нашла ключ от сада, и изложил по порядку события, о которых мы с вами узнали из предыдущих глав.

Миссис Соуэрби слушала сына, и на лице ее отражалось все большее изумление.

– Это же надо! – дождавшись конца истории, воскликнула достойная мать семейства. – Просто великое счастье для всех, что девочка Мэри приехала в Мисселтуэйт Мэнор. И самой ей на пользу пошло, и для мистера Колина стало спасением. Подумать, он теперь даже ходит! А мы-то считали, что он бедный полоумный мальчишка и вообще у него все скособочено. И что же там, в Мэноре, обо всем этом думают, а, Дикен? – полюбопытствовала она. – Колин-то вроде совсем успокоился и теперь жизнью доволен.

– А они не знают, что он успокоился и теперь доволен, – принялся объяснять Дикен. – Конечно, он теперь стал покрепче и щеки порозовели. Но он продолжает капризничать и на что-нибудь жаловаться.

– Это еще зачем? – не поняла миссис Соуэрби.

– Специально! – весело произнес Дикен. – Это чтобы пока никто ни о чем не догадывался. Если доктор Крейвен узнает, что Колин уже может стоять, то мигом отпишет мистеру Крейвену. А Колин не хочет. Он мечтает лично свою здоровость отцу показать. А пока отец не вернулся, Колин воздействует каждый день на свой организм волшебством. Потому что хочет мистеру Крейвену доказать, что такой же сильный и статный, как мальчишки у других отцов. Сейчас идет к этому подготовка, и мисс Мэри с Колином говорят: «Лучше еще чуть-чуть поскандалить. Тогда всех уж точно с толку собьешь».

– Полагаю, эта парочка от души наслаждается! – засмеялась миссис Соуэрби. – Все дети обожают играть какую-то роль. Ну, расскажи-ка мне, Дикен, еще, что они там творят?

Дикен отложил тяпку и, устроившись на стене рядом с матерью, стал рассказывать дальше.

– Колина каждый раз выносят из комнаты на руках и сажают в кресло. И еще ни разу так не случилось, чтобы он не использовал случай покричать на слугу Джона. Слышала бы ты, матушка, как этот хитрец заводится! Он и постанывает, и упрекает Джона в неосторожности, когда его в кресло сажают. И там-то его, бедняжку, не так повернули, и тут-то болит! Да Колин вообще при других людях изображает совсем беспомощного. Он даже голову старается не поднимать, пока хоть один человек из дома его может заметить. А мисс Мэри над ним причитает: «Ах, Колин! Ах, бедненький! Ах, как тебе больно!» Но внутри Мэри и Колина такой смех душит, что они едва сдерживаются. Зато уж, как мы доберемся до сада и дверь запрем, они дают себе волю и хохочут вовсю.

Миссис Соуэрби тоже смеялась вовсю.

– Ну, Дикен, ну, вы даете! – сквозь смех бормотала она. – Пусть себе, пусть хохочут. Получается, у этой парочки все к тому идет, что они скоро станут здоровей некуда. Ведь смех организму превыше любого лекарства. Так и запомни.

– Да я и сам вижу, что там на поправку идет, – подтвердил Дикен. – Мэри и Колина такой аппетит разбирает, что они уже опасаться стали, как бы кто в доме не заметил и не впал в подозрение. Колин однажды мне так прямо и заявляет: «Если я еще больше буду просить есть, они перестанут верить, что я инвалид». Мисс Мэри даже предложила ему такой выход, чтобы съесть ее долю, но он этой жертвы не принял. Он говорит, что тогда она ослабеет, а они должны укрепляться вместе.

Миссис Соуэрби сделалось так смешно, что она чуть со стены не упала. Глядя на нее, Дикен тоже захохотал.

– Я знаю, что мы с тобой сделаем, – чуть погодя проговорила матушка. – Когда утром будешь к ним уходить, бери с собой ведерко парного молока. А я испеку свежий хлебец или булочки точно такие, как делаю вам. Нет ничего полезнее, чем вовремя подзакусить молочком с хлебом. Это немного умерит их аппетит, и из сада домой они будут возвращаться не такими голодными. А уж дома тогда доедят как следует.

– Какая же ты у меня умная! – восхищенно воскликнул Дикен. – А то я вчера прямо не знал, что и делать. Всю вторую половину дня Мэри и Колин стонали, что так больше не могут, потому что у них внутри совсем пусто.

– Все правильно, – отозвалась мать. – Здоровье к ним возвращается, а здоровые дети в их возрасте – как молодые волчата, и без корма им никуда. Но даже и при таких муках голода они от игры своей удовольствие получают. Ох, как представлю, что твой этот Колин всех там одурачил, опять смех разбирает! – И миссис Соуэрби засмеялась снова.

Она была, как всегда, права, мудрая матушка Дикена! Игра доставляла Мэри и Колину огромное наслаждение. Оба были совершенно захвачены ею. А идею, сами того не желая, подали сиделка и доктор Крейвен.

Однажды сиделка сказала:

– Мистер Колин, а у вас аппетит немного улучшился. Раньше вам ото всего становилось плохо, а теперь наворачиваете что подадут, и безо всяких последствий.

– Безо всяких, – подтвердил мальчик.

Увидев, однако, с каким любопытством глядит на него сиделка, он спохватился. Ведь ему до приезда отца ни в коем случае не надо выказывать никаких улучшений. И Колин тут же с кислой миной добавил:

– Иногда после еды у меня ухудшается самочувствие.

– Может, и так, – по-прежнему не сводя с него глаз, задумчиво проговорила сиделка, – но все равно я должна обсудить это с доктором Крейвеном.

Когда она наконец-то ушла, Колин с тревогой воззрился на Мэри. Причина его волнений была девочке понятна без слов.

– Сиделка с ужасным любопытством тебя разглядывала, – прошептала она. – Похоже, ее что-то насторожило.

– Нельзя, чтобы она догадалась! Никто ничего пока знать не должен!

Вскоре пришел доктор Крейвен. Сперва он как-то странно разглядывал пациента. Потом, к великому неудовольствию Колина, принялся задавать вопросы.

– Ты много времени проводишь в саду, Колин. Наверное, у тебя там есть любимые уголки, а?

– Может быть, есть, а может, и нет, – высокомерно отвечал тот. – Я никому не обязан докладывать, где бываю. И слугам приказано держаться подальше. Вы же знаете: ненавижу, когда за мной наблюдают.

– Хорошо, хорошо, милый, – тут же смирился доктор, – я просто имел в виду, что ты целыми днями теперь на воздухе и, по-моему, это принесло тебе пользу. Вот и сиделка сказала, что аппетит у тебя куда лучше прежнего.

И тогда Колин, просияв от внезапной находки, сказал:

– А может быть, у меня какой-нибудь ненормальный болезненный аппетит?

– Нет, нет, – возразил доктор, – аппетит у тебя вполне здоровый. Ты потолстел, и цвет лица у тебя улучшился.

– Наверное, это я просто распух и температуру, – продолжал развивать свою линию Колин. – Я читал, с умирающими так часто бывает.

Доктор Крейвен взял его за руку и сосчитал пульс.

– Температура нормальная, – задумчиво произнес он. – И вид у тебя здоровый, как никогда. Если так и дальше пойдет, ты можешь, мой мальчик, надолго забыть о смерти. Твой папа очень обрадуется, когда получит наше письмо.

– Я не позволю! Я не позволю! – затряс кулаками Колин. – Нельзя ему писать обо мне! Вдруг мне потом станет хуже? Может быть, у меня уже этой ночью будет ужасная лихорадка? Я даже сейчас чувствую наступление чего-то плохого, – весьма радостным тоном уточнил он. – Вы же знаете, как на мне отражается любое волнение! А вы сейчас очень разволновали меня этим письмом к отцу. Я уже весь горю! Запомните: я ненавижу, когда обо мне пишут или шепчутся! Ненавижу так же сильно, как когда на меня незнакомые смотрят!

– Тише, тише, мой мальчик, – принялся успокаивать его доктор. – Без твоего разрешения мы папе ничего не напишем. Тем более если ты так болезненно это воспринял. Я вовсе не хочу, чтобы тебе стало хуже.

О письме мистеру Крейвену доктор больше ни разу не упоминал. Сиделка была тоже строго-настрого предупреждена о недопустимости подобных бесед с пациентом.

– У него невероятное улучшение, – говорил ей доктор. – Это почти что чудо. Правда, он еще не избавился от повышенной раздражительности. Тут нам с вами следует проявлять особую осторожность. Нельзя, нельзя, чтобы он сейчас волновался!

Маленькая победа над доктором Крейвеном Мэри и Колина не успокоила, и они тут же принялись за разработку дальнейших военных действий.

– Наверное, все-таки мне придется устроить истерику! – с сожалением проговорил мальчик. – Если бы ты, Мэри, знала, как мне не хочется! У меня может вообще ничего не выйти. Ведь я теперь думаю о хорошем, а не о плохом. И испортить себе настроение так, как раньше, уже не смогу. Но должен же я принимать какие-то меры, чтобы они папе не написали!

Обсудив все и взвесив, оба заговорщика решили поменьше есть. Однако осуществить эту задачу не удалось. Каждое утро Мэри и Колин просыпались ужасно голодными. А завтрак, как назло, подавали великолепный. Могли ли они удержаться, видя перед собой горячий хлеб, белоснежные яйца, малиновый джем и густые топлёные сливки! Особенно тяжело Мэри и Колину, которые ели теперь всегда вместе, приходилось, когда на завтрак подавали ломтики поджаренной ветчины. Учувя их благоухание из-под серебряной крышки, мальчик и девочка скорбно качали

головами.

– Боюсь, мы сейчас с тобой это съедим, Мэри, – говорил в таких случаях Колин. – Ничего, мы еще можем попробовать отказаться от обеда. Или от ужина.

Но за обедом, а после – за ужином повторялась та же история. И когда на кухню из комнаты юного мистера Крейвена приносили совершенно пустые тарелки, слугам было о чем посудачить.

– Если бы эти куски ветчины хотя бы немного потолще резали, – однажды мечтательно произнес Колин. – А по одной булочке на человека, я считаю, вообще слишком мало.

– Конечно! – подхватила Мэри. – Такая малость годится только для умирающих. Если собираешься жить, нужно булок гораздо больше. Я бы их целых три съела.

Неизвестно, чем бы кончились эти муки, если бы на другой день после беседы с матушкой Дикен не пришел им на помощь. Поработав как следует вместе с Мэри в саду, он вдруг скрылся в кустах и извлек оттуда два жестяных ведерка. Одно из них было полно жирным парным молоком. А в другом лежали домашние булки с изюмом. Миссис Соуэрби так плотно укрыла их сине-белой салфеткой, что они даже не успели остыть. Мэри и Колину булочки с молоком показались чуть ли не райской пищей.

– В твоей маме, как и в тебе, есть что-то волшебное, – уверенно произнес с полным ртом Колин, – и в ее булочках тоже. Так ей и передай, пожалуйста, Дикен. Мы с Мэри очень ей благодарны.

Произнося эту короткую речь, Колин умудрился дожевать булочку и тут же запихнул в рот следующую. Мэри делала то же самое, и они не останавливались до тех пор, пока оба ведерка Дикена не стали совершенно пустыми.

Так было положено начало съестным сюрпризам от миссис Соуэрби. Несколько дней спустя до Мэри и Колина вдруг дошло, что они наносят семейству Дикена ощутимый урон. Получалось, что его матушка теперь, кроме своих, кормит еще двух детей. Но выход быстро нашелся. Мэри и Колин стали посылать с Дикеном деньги, чтобы миссис Соуэрби могла купить еды на их долю. Еще через несколько дней Дикен довел питание Мэри и Колина до совершенства. Найдя неподалеку от парка, где они первый раз увиделись с Мэри, овраг, он сложил там из камней жаровню. В ней они пекли картошку и яйца. Печеных яиц Мэри и Колин до сих пор никогда не пробовали, и они им очень понравились. А печеная картошка со свежим маслом была не только вкусна, но и, в сочетании с посылками миссис Соуэрби, замечательно утоляла голод.

Каждое утро Тайное научное общество под сливовым деревом продолжало эксперимент юного мистера Крейвена. Призвав волшебство уже известным нам способом, Колин начинал упражняться в ходьбе. С каждым днем у него получалось все лучше, а с этим крепла и вера его в волшебство. Раз от раза Колин пытался увеличить нагрузку, и вскоре мог, не опираясь на руку Дикена, пройти уже много метров подряд.

Однажды Дикен целый день где-то пропадал. Придя на следующее утро в Таинственный сад, он опустил на траву, горделиво взглянул на Колина и начал рассказывать:

– Вчера матушка послала меня за покупками в Туэйт. Там-то и повстречался мне Боб Хейуорт. Он отдыхал возле кабачка «Голубая корова». Боб – самый сильный у нас в округе. Он и среди борцов чемпион, и прыгать умеет лучше других, и молот всегда дальше всех закинет. Даже в Шотландию однажды ездил соревноваться. Все господа называют Боба «атлетом», и ты, Колин, тоже в атлетике успехов задумал добиться. А так как мы с Бобом давно подружились, я и решил с ним насчет тебя посоветоваться. Ну, вначале я, конечно, просто спросил, как он достиг, что у него мускулы отовсюду так красиво торчат? Боб ответил, что однажды в Туэйте был цирк с силачом. Этот силач и показал ему, как упражнять руки, ноги и вообще все мышцы в теле. Ну, тут, Колин, я и приступил напрямую к тебе. «Как ты думаешь, Боб, – говорю, – для очень слабого человека упражнения такие сгодятся?» Боб засмеялся и ткнул мне пальцем в живот. «Это что, ты себя слабым считаешь?» – спрашивает. Пришлось ему объяснить, что дело совсем не во мне, а в одном юном джентльмене, который только недавно выздоровел от болезни и теперь хочет придать себе силы. Имени я, конечно, не называл. А Боб не настаивал. У него своих занятий хватает, и чужие имена ему ни к чему, вот он и стал сразу показывать упражнения. Сейчас все увидишь, Колин. Я хорошо запомнил.

– Покажи, покажи скорее! – разволновался тот.

– Сейчас, – поднялся Дикен с земли. – Только Боб говорит, сначала надо быть осторожным. Никак переутомляться нельзя.

– Я буду осторожным! – заверил Колин. – Показывай, показывай, Дикен! Все-таки ты – самый волшебный на свете!

Дикен показал несколько упражнений. Некоторые из них можно было делать даже сидя, и Колин повторил их следом за рыжим мальчиком. Затем он осторожно поднялся на ноги и попробовал проделать все остальное. Это было так заразительно, что Мэри тоже вскочила с земли и принялась упражняться. Не поддерживал нового начинания лишь Уголек. Слетев со своей любимой ветки, он принялся с мрачным видом расхаживать вокруг

детей. То, что они сейчас делали, явно казалось ему глупым и совершенно ненужным. Он-то ведь сам обходился без этого, и ничего!

Поупражнявшись, Колин пришел к выводу, что Дикен сегодня явил им еще одно волшебство, которое теперь должно стать частью научного эксперимента. Отныне и ежедневно вслед за обращением к волшебству Тайное научное общество переходило к гимнастике по методу Боба Хейурта, а потом уже Колин упражнялся в ходьбе. От этого аппетит у Мэри и Колина увеличился. Если бы не корзинка с провизией, которую доставлял ежедневно в сад Дикен, им бы пришлось плохо. Но маленькая жаровня в овраге и посылки заботливой миссис Соуэрби прекрасно насыщали двух заговорщиков. Наконец-то им удалось в полной мере запутать сиделку и доктора Крейвена! Потому что, если набить животы печеными яйцами, картошкой, парным молоком, овсяными лепешками, булочками, медом и топлеными сливками, можно потом и позволить себе пренебречь обедом и ужином, и даже не очень сильно наедаться за завтраком.

– Они почти ничего не едят! – сокрушенно говорила сиделка. – Если мы с вами их как-нибудь не заставим, оба могут погибнуть от истощения. Прямо не понимаю, как они еще умудряются при этом так хорошо выглядеть?

– Эти дети мне надоели! – с возмущением отозвалась миссис Мэдлок. – Словно бес в них какой-то вселился! То едят так, что одежда лопается, а теперь воротят носы от всего, что может им предложить наша кухарка. Вчера, например, даже кусочка не съели курочки в хлебном соусе! Кухарка пудинг новый для них сочинила. И что же вы думаете? Эти двое его весь обратно на кухню отправили. Бедная женщина, как посмотрела, заплакала. Ясное дело, если им станет плохо от голода, ее первую обвинят.

Поговорив еще чуть-чуть с экономкой, сиделка сочла своим долгом поставить в известность доктора Крейвена. Как доказательство своей правоты, она представила поднос с почти нетронутым завтраком. Доктор встревожился и с особенной тщательностью осмотрел Колина.

Недоумение его после этого лишь возросло. Две недели он провел в Лондоне, и своего юного пациента не видел. За это время Колин, как и все дети в мире, когда они выздоравливают, стремительно набирал форму. Кожа его совсем утратила желтизну, лицо округлилось, глаза весело блестели.

– Жаль, что ты ничего не ешь, – изо всех сил теребя подбородок, проговорил доктор. – Этим ты можешь свести на нет все, чего достиг за полмесяца. А достиг ты почти невозможного. Странно, что при таком

состоянии у тебя совсем нет аппетита. Еще недавно ты так хорошо ел!

– А вы мне тогда не поверили! – с укоризной произнес Колин. – Теперь-то вы сами видите, что это был болезненный аппетит умирающего!

Не успел он это сказать, как Мэри, сидевшая рядом, издала какой-то ужасающий стон, вслед за чем принялась усиленно кашлять.

– Что с тобой? – повернулся к ней доктор Крейвен.

Мэри откашлялась и с большим достоинством проговорила:

– Что-то вроде кашля и чиха. Но теперь уже все прошло.

Когда позже Колин ее отчитывал за несдержанность, она смущенно ответила:

– Сам бы попробовал не засмеяться! Я просто вспомнила, как ты в нашем саду съел огромную картофелину, а потом запихнул в рот целую горбушку хлеба с джемом и топлеными сливками. Болезненный аппетит умирающего!

Как раз в это время доктор Крейвен, кажется, начал о чем-то догадываться.

– Интересно, – расспрашивал он экономку, – Мэри и Колин нигде не могут тайком добывать еду?

– Кто их там знает? – пожала плечами вечно во всем сомневающаяся миссис Мэдлок. – Но вообще, по всей видимости, пищу им, кроме как на кухне, брать негде. Они же целыми днями в садах и в парке гуляют. А там в это время чего? Разве из-под земли какой сырой овощ выкопаешь или веточку пожуюшь. Эти две таким питаться не станут. Да и зачем? Целая кухня с самой разнообразной кулинарией у них под боком.

– Н-да, – пробормотал доктор и на некоторое время умолк. – Впрочем, – уже веселее добавил он, – что это мы все так волнуемся? Даже если они действительно ничего не едят, видимо, это им только на пользу. Колин будто родился заново.

– Девочка тоже в полном порядке, – подхватила миссис Мэдлок. – Такая стала хорошенькая! Угрюмость прежнюю у нее как рукой сняло. Только послушать, как они с Колином вечно смеются. Может, это смех у них на здоровье так действует?

– Пусть, пусть смеются, – рассеянно отозвался доктор.

Глава XXV

ЗАНАВЕСКА

В Таинственном саду творились все новые чудеса. Робин достроил гнездо. Вскоре подружка его снесла яйца и стала высидывать птенцов. Первое время она очень настороженно относилась к трем детям, которые каждый день приходили сюда. Видя это, никто из компании не решался подходить к гнезду в заросшем уголке сада. Даже Дикен. Он терпеливо ждал, пока Робин с подружкой сами не убедятся, что никто из детей им не угрожает. Ибо не только он, но и Мэри, и Колин понимали, сколь ответственный момент настает сейчас для семейства Робина, и готовы были в любое время прийти на помощь. Если бы хоть кто-нибудь из троих вел себя по отношению к Робину по-другому, вероятно, истории, которую вы читаете, не существовало бы вовсе. Ибо в том-то и смысл, что на всех обитателей Таинственного сада расплескивалось счастье.

Именно в этой истине следовало убедиться Робину. А пока он с волнением наблюдал за Мэри и Колином. К Дикену у Робина было свое отношение. Этот мальчик представлялся ему большой малиновкой, только без клюва и перьев. Тем более что Дикен прекрасно владел их языком. Робин очень его уважал за это, потому что язык малиновок не похож ни на какие другие. Ничего, по мнению Робина, не существовало звучнее и выразительнее. Оставалось только сочувствовать Дикену, который, зная такой прекрасный язык, вынужден был большую часть времени разговаривать по-человечьи со своими друзьями. «Ничего не поделаешь, – размышлял Робин. – Видно, для двух других людей говорить по-нашему слишком сложно! Не все же такие способные».

Если Дикен не вызывал ни у Робина, ни у его подружки ровно никаких сомнений, то с Мэри и Колином они соблюдали предельную осторожность. В особенности странным казался им Колин. Во-первых, он появлялся в саду не на ногах. Его привозили в какой-то тачке. Он сидел в ней, укутанный в звериные шкуры, что вызывало у семейства малиновок еще большее подозрение. Когда он начал ходить, Робин не на шутку встревожился, ибо тут же вспомнил, что так же медленно подбираются к птицам кошки. «Вдруг Колин сейчас тоже прыгнет?» – со страхом подумал он. Он поделился своими опасениями с подружкой. Та начала волноваться, и Робин решил больше ее не пугать. Ведь нервозность могла передаваться

птенцам, которых она сейчас высиживает!

Немного спустя мальчик стал ходить быстрее и уверенней. Робин несколько успокоился, но у него еще оставалась масса сомнений. Этот мальчик вел себя так непохоже на остальных людей! Например, во время прогулки по саду то и дело садился, а иногда даже лежал на траве. А потом Робину вспомнилось, как родители учили летать его самого. Ведь он делал на первых порах почти то же, что Колин: пролетит немного, отдохнет и опять поднимется в воздух. Только этот мальчик учится не летать, а ходить. Робин сообщил свои соображения подруге, и она стала с интересом следить за Колином. Робин сказал ей, что их птенцы, когда вылупятся и подрастут, вероятно, будут поступать точно так же. Но подружка Робина сомневалась. Их дети, конечно же, полетят гораздо быстрее. Сравнить птиц и людей просто нельзя. Люди такие неловкие! Сколько они ни учатся, летать ни один из них не умеет. Никогда еще она не встречала в воздухе ни одного человека!

Еще некоторое время спустя Колин стал наконец нормально ходить, и Робин понял, что не ошибся на его счет. Правда, трое детей начали вести себя совсем странно. Каждое утро они вместе выдвигали что-то ногами и руками, приседали, крутились. Сколько Робин на них ни смотрел, он отказывался что-либо понимать. Ни он, ни его подружка никогда не слышали о знаменитом атлете Бобе Хейуорте и его упражнениях. Одно, правда, Робин знал точно. Если вместе со всеми эти странные движения делает Дикен, значит, никакой опасности для малиновок тут нет. Так и было доложено подружке в гнезде. Еще Робин добавил, что их дети, конечно же, никогда такой ерундой заниматься не будут.

Когда Колин стал бегать, прыгать и работать в саду вместе с Мэри и Дикеном, Робин и его суженая окончательно успокоились. Теперь подружку Робина даже развлекало следить за людьми в саду, и в дождливые дни, когда те оставались дома, она чувствовала, что ей не хватает их общества.

Мэри и Колину в дождливые дни тоже приходилось несладко. Ведь дома Колин по-прежнему вынужден был лежать на диване, отчего, разумеется, очень страдал.

– Я же стал теперь настоящим мальчиком, – глядя однажды на окно, в которое барабанил дождь, пожаловался он Мэри. – Во мне столько волшебной энергии, что я не могу спокойно сидеть. Руки и ноги все время хотят что-то делать. Утром я просыпаюсь, и мне кажется, что птицы, и деревья, и даже какие-то существа, которых мы не видим и не слышим, кричат от радости. И мне тоже хочется подбежать к окну и крикнуть что-то веселое. Представь, что началось бы в доме, если бы я хоть раз не

сдержался.

– К тебе бы прибежали сиделка и миссис Мэдлок! – засмеялась Мэри. – Воображаю, что бы с ними произошло от того, что ты сам стоишь на ногах. Они, конечно, тут же решили бы, что ты помешался, и тогда сюда прибежал бы еще доктор Крейвен.

– Вот, вот, – захохотал Колин, который очень живо представил себе эту картину. – По-моему, мы с тобой скоро не сможем по-прежнему их обманывать, – с грустью добавил он. – Скорее бы папа приехал, я так хочу, чтобы он от меня самого узнал, в какого нормального мальчика я превратился. А если он вскорости не приедет, тут все раньше него обо всем догадаются. Ведь я изменился. И притворяться мне очень трудно. И еще этот дождь идет, и выйти мы с тобой никуда не можем.

Тут Мэри вдруг осенило.

– А ты знаешь, сколько комнат у тебя в доме, Колин?

– Наверное, тысяча, – отозвался он.

– Всех вместе, может, и тысяча, – с загадочным видом произнесла Мэри Леннокс. – Но я хочу сказать тебе совсем о другом! Тут есть почти сто комнат, в которые вообще никогда не заходят. Однажды тоже шел дождь, и я в некоторые из них заглянула. Никто ничего не узнал. Только когда я уже возвращалась, миссис Мэдлок меня поймала, потому что я случайно вместо своего пришла в твой коридор. Тогда я во второй раз и услышала, как ты плачешь.

– Сто комнат, в которые никто не заходит! – заерзал от волнения по дивану Колин. – По-моему, это почти так же здорово, как Таинственный сад. Пошли, поглядим. Ты ведь можешь отвезти меня туда в кресле. Никто и не узнает, куда мы отправились.

– Я как раз так и хотела, – ответила Мэри. – Ведь ты запретил слугам следить. Там есть одна галерея, где ты побегаешь и можешь сделать все свои упражнения. А еще там есть индийская комната со слониками из кости, и еще много всего интересного.

Колин тут же позвонил в колокольчик.

– Мне нужно кресло, – сказал он, когда сиделка вошла. – Мы с кухней Мэри хотим осмотреть ту часть дома, которой сейчас не пользуются. Джон должен довести меня до картинной галереи, потому что там есть ступени. Потом пусть уйдет и дожидается, пока я его снова не вызову. Дальше кухня Мэри меня повезет сама.

Когда Джон, преодолев вместе с креслом ступени, ушел, дети радостно переглянулись. Колин немедленно вылез из кресла.

– Сейчас я пробегу эту галерею несколько раз из конца в конец, потом

попрыгаю, а потом мы с тобой вместе сделаем упражнения для атлетов, – наметил план действий он.

Так они и поступили. Затем стали разглядывать многочисленные портреты. Нашли и портрет некрасивой девочки в платье из зеленой парчи, на пальце у которой сидел попугай.

– Это все мои родственники, – величественно обвел Колин рукою картинную галерею. – Они жили очень давно. А эта, – остановился он перед девочкой с попугаем, – приходится мне прапрабабушкой. Она на тебя, Мэри, очень похожа. Только не на такую, как ты теперь, а какой ты была, когда приходила ко мне в первый раз. Ты очень с тех пор изменилась.

– Ты тоже, – улыбнувшись, ответила Мэри.

Потом они вошли в индийскую комнату и долго играли в слоников. Комната, где раньше лежала подушка с мышатами, немного разочаровала. Мышата, наверное, выросли и разбежались. Во всяком случае, дырявая подушка была пуста. Они пошли дальше. Теперь Мэри на каждом шагу убеждалась, что многого во время своей первой вылазки попросту не заметила. Оказывается, тут были еще коридоры, и галереи с замечательными картинами, и какие-то старинные предметы, о назначении которых ни она, ни Колин не могли догадаться.

– Хорошо, что мы попали сюда, – удовлетворенно произнес мальчик. – Тут так много нового. Всего этого нам хватит на много дождливых дней. Теперь мы сможем убегать сюда в плохую погоду, прямо как на необитаемый остров.

Мэри кивнула. Она вспомнила, как сама в первый раз удивилась, когда почувствовала себя в этих коридорах совершенно отрезанной ото всех остальных домочадцев.

За это утро мальчик и девочка нагуляли такой аппетит, что отказаться от обеда не было никаких сил.

Чтобы порадовать кухарку, сиделка сама спустилась на кухню и продемонстрировала поднос с дочиста вылизанной посудой.

– Я, конечно, давно понимаю, что этот дом вообще не такой, как принято, – привлекая внимание кухарки к подносу, проговорила она, – но самая большая загадка в нем – Колин и Мэри.

– Да уж, – отозвалась кухарка, которая была сегодня очень довольна собой.

– Теперь мне неудивительно, – скорбно созерцая все тот же поднос, сказал слуга Джон, – что мистер Колин стал тяжелее в два раза, чем месяц назад. Если он еще в весе прибавит, придется мне начисто увольняться отсюда. Иначе организм надорвать можно.

А Мэри, сидя у Колина после обеда, заметила кое-что необычное. Впрочем, увидела она это уже вчера. Просто тогда ей показалось, что Колин случайно не задернул портрет мамы занавеской. Но сегодня портрет вновь оставался открытым, и Мэри с удовольствием на него глядела.

– Не знаю, что тебе и сказать, – словно прочел ее мысли Колин. – Тебе интересно, почему я ее больше не занавешиваю?

– Почему? – тут же спросила кузина.

– А я больше не сержусь на маму за то, что она смеется, – тихо ответил мальчик. – Позавчера ночью я вдруг проснулся. За окном светила луна, и мне показалось, что вся моя комната наполнена волшебством. Вдруг какая-то сила потянула меня к занавеске, и я открыл мамин портрет. Она смотрела мне прямо в глаза и смеялась, будто бы была рада, что я теперь стою и хожу. И мне первый раз понравилось смотреть на нее. Теперь я всегда хочу видеть, как моя мама смеется. По-моему, в ней тоже есть волшебство.

– Ты сейчас очень похож на нее! – воскликнула Мэри. – Как будто бы твоя мама не умерла, а просто вдруг превратилась в своего сына.

Колин выслушал это с большим удовольствием. Однако, немного подумав, с сомнением произнес:

– Если я действительно так похож, папа меня бы любил.

– Раньше ты был по-другому похож, а теперь он тебя полюбит, – уверенно ответила Мэри.

– Если бы! – внезапно прорвало Колина. – Я ведь и злился на всех потому, что он меня не любил! А теперь мы вместе с папой управляли бы волшебством, и он перестал бы быть таким мрачным!

Глава XXVI

ВОТ НАША МАТУШКА!

Теперь, когда юный мистер Крейвен достаточно окреп, деятельность Тайного научного общества под сливовым деревом строилась несколько по-другому. Начиналось утро в Таинственном саду, как и раньше, призывами волшебства и гимнастикой для атлетов. А потом Колин иногда читал почтенному собранию лекции о волшебстве.

– Мне нравится это делать, – с солидным видом говорил он друзьям. – Когда я вырасту и совершу великие открытия, мне все равно придется выступать с лекциями. А пока я на вас практикуюсь. Правда, сейчас я могу делать только короткие сообщения. Для длинных я, во-первых, недостаточно много знаю. А во-вторых, Бен Уэзерстафф все равно их не выдержит. Он даже от коротких лекций спит, потому что ему начинает казаться, будто он в церкви.

– Никак нет, сэр! – отозвался немедленно старый Бен. – Мне твои лекции очень пришлись. Встанешь и говори себе, что угодно. И все обязаны тебя слушать. Я бы и сам такими лекциями с удовольствием занялся бы.

С той поры Колин заметил, что старый Бен действительно во время лекций глаз от него не отводит. Мальчика это заинтриговало. «Вероятно, у Бена возникают какие-то мысли, когда он меня слушает», – не без гордости заключил юный ученый. Ему было любопытно, что думает садовник по поводу его лекций. Но тот изо дня в день отмалчивался. Наконец Колин не выдержал.

– Тебе интересно, Бен Уэзерстафф? – осведомился он после очередной лекции.

– Еще бы! – восхищенно ответил тот. – За эту неделю ты не меньше чем на четыре фунта поправился. А ноги с плечами какие у тебя крепкие стали! Ни разу еще не видел, чтобы больной мальчик так хорошо поправлялся.

– И это все, что ты понял из моей лекции о волшебстве? – был немного разочарован Колин.

– Все! – с гордостью произнес старый Бен.

Зачем ему было слушать лекции, когда самая большая радость и волшебство – любоваться на молодого хозяина! По земле мистер Колин

отныне ходил твердо и прямо. И лицо, еще недавно столь изможденное, округлилось. И, главное, у юного мистера Крейвена так весело заблестели глаза! Иногда во время лекции старый Бен впадал в полудрему, и ему вдруг казалось, будто он смотрит совсем не на Колина, а на дорогую свою госпожу. И тут садовник окончательно убеждался, что в этом саду творятся «удивительные чудеса».

Однажды Дикен явился в Таинственный сад много позже обычного и был весел как никогда.

– Ну, – потирая руки, объявил он друзьям, – сегодня придется же нам поработать! Смотрите, как от дождя растения все взыграли. Но и сорняк ведь тоже растение. Если мы сегодня его не повыдергиваем, он корни в земле распустит и весь сад нам забьет.

Колин, который давно уже работал в саду наравне с Мэри и Дикеном, опустил с тяпкой на корточки. Но ему было скучно полоть просто так, и он прочел еще одну лекцию о волшебстве.

– Лучше всего волшебство работает тогда, когда сам работаешь, – изо всех сил орудуя тяпкой, заметил он. – Вот я сейчас прямо чувствую волшебство у себя в костях и во всех мышцах. Надо потом где-нибудь почитать о костях и мышцах. А сам я напишу книгу о волшебстве. Вообще-то я уже ее начал. Но кончу не очень скоро, потому что данных у меня появляется все больше и больше.

Вдруг Колин умолк и, положив тяпку, резко вскочил на ноги. Вообще-то он иногда так делал, когда обдумывал, что скажет в своей лекции дальше. Однако на этот раз юный мистер Крейвен повел себя странно. Повинуясь какой-то неведомой силе, он поднялся на цыпочки и воздел руки к небу.

– Мэри! Дикен! – издал он вдруг исполненный ликования вопль. – Я только сейчас понял! Я понял! Смотрите! Смотрите же на меня!

Мэри и Дикен тоже поднялись на ноги и с изумлением поглядели на Колина. Глаза его сияли. Лицо светилось от счастья.

– Помните, как вы первый раз меня сюда привезли? – спросил он.

– Помним, – ответил Дикен, который сразу почувствовал, что сейчас произойдет что-то важное.

– И я тоже, пока полыл, вспомнил. И только тогда до меня дошло. Ведь я выздоровел! Совсем-совсем выздоровел!

– Ну да, выздоровел, – подтвердил Дикен.

– Выздоровел! Выздоровел! – с такой силой возопил Колин, что лицо его от натуги побагровело.

Конечно, он и до этого чувствовал себя с каждым днем лучше. Но одно

дело ощущать прилив сил после болезни и совсем другое – когда внезапно тебя осенит, что стал совершенно здоров. Вот почему, осознав это, Колин не смог сдержать радостных возгласов.

– Я буду жить долго-долго! – вопил он что было мочи. – Сколько нового я успею узнать о людях, и о разных других существах, и обо всем-всем на свете! И волшебство всегда-всегда будет со мной! Я здоров! Я здоров!

Несколько успокоившись, Колин сказал:

– А теперь мне хотелось бы поблагодарить волшебство. Только я никак не придумую, как это сделать.

Услышав, о чем говорит молодой хозяин, Бен Уэзерстафф, возившийся с кустом розы, встал и подошел к остальным.

– По-моему, тебе, мистер Колин, следует пропеть прославление, – посоветовал он.

– Прославление? – удивился Колин. – А что это?

– Дикен наверняка тебе может спеть, – ответил старый садовник.

– Прославление поют в церкви, – стал тут же объяснять Дикен. – Матушка наша считает, что даже жаворонки по утрам поют это вместе с людьми.

– Если она так говорит, – с очень серьезным видом произнес Колин, – значит, это прославление плохим быть не может. Я... я просто никогда в церкви не был и почти ничего про нее не знаю. Спой, пожалуйста, Дикен.

Дикен в ответ улыбнулся и снял с головы фуражку.

– Тебе, Колин, тоже надо снять шляпу, – сказал он. – И тебе, Бен, тоже, – повернулся Дикен к садовнику. – Ты-то ведь должен знать.

Колин снял шляпу. Бен Уэзерстафф, недоуменно бубня что-то под нос, последовал его примеру. Старый садовник сам себе удивлялся: он словно все делал сейчас помимо собственной воли. И вот Дикен, стоя среди деревьев и кустов роз, запел:

Восславьте Господа, ибо от Него благодать!

Восславьте Его все существа на земле!

Восславьте Его ангелы на небесах!

Восславьте Отца и Сына и Святого Духа!

Аминь!

Когда Дикен умолк, старый Бен, поджав губы, с тревогой взглянул на Колина.

Тот опустил голову и, казалось, что-то обдумывал.

– Какое хорошее прославление! – выдохнул наконец он. – Как раз именно это я собирался сказать волшебству.

Еще чуть-чуть помолчав, Колин добавил:

– Наверное, волшебство и Тот, о Ком прославление – вообще одно и то же. Просто я назвал по-другому. Дикен, спой еще раз. А мы с Мэри попробуем с тобой вместе.

И они хором запели гимн. Мэри и Колин старались изо всех сил. Голос Дикена звучал громко и чисто. На второй строке Бен Уэзерстафф, который никогда ничего не пел с тех самых пор, как его выгнали из церковного хора, вдруг громко откашлялся. Третью строку он пропел вместе со всеми, и воодушевление его было таково, что он начисто заглушил голоса детей. Мэри на него внимательно поглядела. Подбородок у старого Бена дрожал, глаза как-то странно блестели, морщинистые щеки были мокры от слез. Тут Мэри вспомнила: что-то похожее уже происходило со старым садовником, когда Колин впервые встал на ноги.

– Никогда раньше в прославлении этом никакого смысла не видел, – допев гимн, хрипло проговорил Бен Уэзерстафф. – Но теперь-то мне по-другому кажется. Потому как без этого тебе, мистер Колин, нипочем не набрать бы пять фунтов всего за неделю.

В это время внимание юного мистера Крейвена привлекла какая-то тень, мелькнувшая меж деревьев.

– Там... Там кто-то ходит в нашем саду, – испуганно проговорил он.

Колину не пригрезилось. Потому что, когда дети, при мощной поддержке садовника, пели последние слова гимна, дверь в увитой плющом стене тихонько открылась, и в сад вошла женщина в голубой накидке. Ее свежее и привлекательное лицо озаряла улыбка. Остановившись под деревом, она слушала. Блики солнца освещали ее, и она была очень похожа на добрых женщин из книжек с цветными картинками Колина.

Дослушав гимн, она пошла туда, где стояли дети и старый садовник. Тут ее и заметил Колин. Мгновение спустя увидал и Дикен.

– Да это же наша матушка, вот это кто! – крикнул он и бросился ей навстречу.

Колин и Мэри кинулись следом.

– Вот наша матушка! – повторил Дикен, когда все остановились перед миссис Соуэрби. – Вы же давно хотели ее увидеть. Потому я и подсказал ей, как проникнуть сюда.

Не в силах оторвать взгляда от лица миссис Соуэрби, Колин простер к ней руки.

– Я хотел вас увидеть, даже когда был больной, – тихо проговорил он. – Вас, Дикена и Таинственный сад. А больше мне в то время не хотелось никого видеть, кроме кузины Мэри, конечно.

Миссис Соуэрби внимательно на него смотрела. Вдруг губы ее задрожали, а в глазах появились слезы.

– Мальчик! Милый мой мальчик! – с чувством произнесла она.

Это прозвучало с подлинно материнской лаской. Точно так же миссис Соуэрби могла обратиться и к Дикену, и к остальным своим детям. Колину это очень пришлось по душе.

– Вы рады, что я теперь выздоровел? – спросил он.

– Еще бы! – воскликнула добрая женщина. – И как ты на свою маму похож! У меня даже сердце дрожит.

– И папа теперь сможет меня полюбить? – без колебаний поделился мальчик самой сокровенной своей тревогой.

– Ну конечно! – ласково потрепала миссис Соуэрби его по плечу. – Пора, пора папе твоему возвращаться.

Не успела она это сказать, как к ним подошел старый Бен Уэзерстафф.

– Сьюзен Соуэрби! – грянул он на весь сад. – Ты только на ноги, на ноги его посмотри! А ведь недавно совсем это были просто какие-то барабанные палочки под чулками. Про мистера Колина из-за этого даже мнение в колченогости утвердилось.

– Ну, теперь у него с ногами все позади, – звонко откликнулась женщина. – Они как у всех настоящих мальчиков. Главный рецепт сейчас для него – побольше играть, в саду над растениями работать, есть вдоволь и молоко пить, и тогда здоровее его мальчишки во всем Йоркшире не будет. И слава Богу!

Потом миссис Соуэрби положила руки на плечи Мэри.

– Ты тоже сильно поздоровела, – любуясь ее лицом, сказала она. – Теперь ты никак не слабее, чем наша Элизабет Элен. А хорошенькая-то какая! Думаю, ты тоже стала на свою маму похожа. Мне про нее миссис Мэдлок рассказывала. Она от кого-то там слышала, что твоя мама очень красивой была. Вот вырастешь, Мэри Леннокс, и тоже будешь хороша, словно роза.

Миссис Соуэрби умолчала лишь об одном. Она помнила, как Марта, явившись на выходной первый раз после приезда девочки в Мисселтуэйт, сказала, что никогда не поверит рассказам о красоте миссис Леннокс. «Не может, – твердила Марта, – не может красивая женщина родить настолько безобразную девочку!»

Сама Мэри Леннокс мало обращала внимания на свое лицо. На это у

нее просто не оставалось времени. Конечно же, она чувствовала, что окрепла и изменилась. Но она даже мечтать не могла, что когда-нибудь станет похожа на прекрасную Мэмсахибу, и теперь, слушая миссис Соуэрби, зарделась от радости.

Вдоволь наговорившись, дети и старый Бен обошли с миссис Соуэрби Таинственный сад. Ее привлекала каждая мелочь, каждый спасенный куст, и она с удовольствием еще раз выслушала в подробностях историю сада, которую ей уже рассказывал Дикен. Колин держал ее за правую руку, а Мэри за левую. Оба то и дело поднимали глаза и подолгу любовались ее лицом, от которого, казалось, исходит сочувствие и поддержка всем их планам и замыслам. Ибо миссис Соуэрби понимала их так, как, кроме нее, умел понимать и людей и все живое вокруг только Дикен. Недаром ведь Уголек, несколько раз громко каркнув, взлетел на ее плечо и устроился там точно так же, как на плече любимого своего хозяина.

Когда миссис Соуэрби рассказали, как Робин учит летать птенцов, она, смеясь, отвечала:

– Это приблизительно то же, что мы с детьми делаем, когда учим ходить. Только я лично за своих детей куда больше бы беспокоилась, если бы они у меня были с крыльями.

Она внушала такое доверие Мэри и Колину, что они рассказали ей даже про научный эксперимент с волшебством.

– Вы тоже, конечно, верите в волшебство, – без тени сомнения проговорил Колин.

– Ну да, – кивнула миссис Соуэрби. – Правда, я называю это другими словами. Но разве это так важно? Вон в разных странах люди говорят на других языках, но они же не становятся от этого хуже, чем мы! Нет, тут не в словах дело. Главное, мы с тобой, Колин, мой мальчик, верим в силу одну и ту же. От нее и листва растет на деревьях, и твое здоровье от нее вернулось, и все-все вообще от нее, и главное, конечно, Добро в мире. Никогда не переставай верить в ту силу Колин. Ею полон весь мир. Недаром же вы так хорошо прославление пели, когда я вошла сюда.

– Это мы пели от радости, – объяснил Колин. – Я вдруг понял, что совсем-совсем выздоровел. И тогда какая-то сила подняла меня на ноги от грядки, которую я полел, и мне стало просто необходимо, чтобы волшебство услышало мою благодарность.

– Ну, вы так прочувствованно гимн пели, что уж наверное были услышаны, – ответила миссис Соуэрби. – Но даже если бы ты какие другие слова возносил в благодарность, тебя бы тоже услышали. Главное, чтобы душа у тебя была радостна и чиста. А слова... Не такая уж сильная в них и

важность, мой мальчик. – И она вновь потрепала Колина по плечу.

Затем миссис Соуэрби подала знак Дикену. Тот отправился к дальним кустам, откуда извлек корзинку с едой. Сегодня угощение было даже вкуснее обычного, и Мэри с Колином уплетали за обе щеки. Добрая женщина любовалась на них и рассказывала сказки и разные смешные истории, которые на йоркширском диалекте звучали особенно хорошо. Когда же дети подчистили съестные припасы, настала очередь хохотать до слез самой миссис Соуэрби, ибо они разыграли в лицах несколько сцен, в которых Колин изображал перед домашними из себя капризного инвалида.

– Теперь-то вы сами видите, миссис Соуэрби: нам приходится очень трудно, – пожаловался Колин. – Когда мы вместе, нас с Мэри все время смех разбирает. Но больные ведь редко смеются. Вот мы и пытаемся себя как-то сдерживать.

– Конечно, пытаемся, – подтвердила Мэри. – Только как раз когда надо сдерживаться, я совсем против воли начинаю думать о том, что, если Колин и дальше будет каждый день понемногу толстеть, лицо у него делается круглое, прямо как полная луна. И когда я так начинаю думать, я уже ничего не смогу поделать со своим смехом.

– Уж теперь-то я вижу: нелегко вам играть эти роли! – посочувствовала миссис Соуэрби. – Но долго вам это делать и не придется. Мистер Крейвен скоро приедет.

– Откуда вы знаете? – спросил Колин.

Миссис Соуэрби усмехнулась.

– Вижу, ты сильно расстроишься, Колин, если папа узнает о твоём улучшении раньше, чем ты сам его увидишь. Наверное, даже ночами обдумываешь иногда, как лучше преподнести сюрприз мистеру Крейвену?

– Да, – не стал скрывать Колин. – Почти каждую ночь придумываю что-нибудь новое. Просто не знаю, что делать, если ему расскажет кто-то другой! – в отчаянии воскликнул он.

– Не беспокойся, мой мальчик. Все должно быть, как надо, – отвечала с уверенностью миссис Соуэрби. – Представляю, как папа твой удивится. Мне и самой бы хотелось тогда поглядеть на его выражение. Он скоро, скоро вернется.

Затем она пригласила Мэри и Колина в гости. Детально обсудив предстоящий визит, выработали такой план действий. В пустошь детей отвезут на пролетке. Там они устроят пикник, после чего познакомятся со всеми братьями и сестрами Дикена, а Дикен им покажет свой сад. Вечером они в той же пролетке вернутся домой.

– А теперь мне пора, – поднялась с травы миссис Соуэрби. – Я еще

хочу повидать миссис Мэдлок.

Впрочем, Колина уже тоже надо было возвращать в кресле домой. Но прежде чем усесться в него, мальчик встал рядом с матушкой Дикена и, теребя от смущения полу ее голубой накидки, сказал:

– Как мне хотелось бы, чтобы вы и моей мамой были!

Миссис Соуэрби склонилась к нему и обняла так крепко и ласково, будто он приходится Дикену родным братом.

– Милый мой мальчик, – усиленно пряча глаза, прошептала она. – Твой папа скоро вернется к тебе.

Глава XXVII

В САДУ

С тех пор как стоит мир, каждый век приносит какие-то удивительные открытия. Прошое столетие, например, было богато открытиями куда больше, чем все предыдущие. А нынешнее, двадцатое от Рождества Христова, наверняка их подарит такое множество, что люди будут вынуждены удивляться на каждом шагу. Ибо когда открывают новое, большинство просто не может поверить, что это возможно. Но идут годы, и новое властно утверждается в жизни. И наконец наступает момент, когда всем остается лишь недоумевать, как же их предки много лет обходились, не зная об этом открытии?

Одним из открытий минувшего века было то, что человечество наконец осознало: наши мысли таят не меньше энергии, чем заряд электричества. Добрые мысли подобны свету, а злые могут убить или безвозвратно испортить жизнь, если люди их вовремя не изгонят.

Мы с вами лишь смутно помним издерганную некрасивую девочку, которая, живя в Индии, злилась чуть ли не на весь свет. Полно! Неужели такой была Мэри Леннокс? Была! Ибо злые помыслы, подобно опасной болезни, разъедали не только ее душу, но даже тело. Потом сама жизнь заставила Мэри перемениться, и в этом было спасение. Она избавилась от дурных мыслей, и душа ее постепенно оттаяла.

Колин Крейвен изменился еще сильнее, чем Мэри. Пока, скрываясь у себя в детской, он думал лишь о близкой кончине, впереди его не ждало ничего. Не попадись на его пути Мэри, вероятно, он так и терзал бы до смерти слуг и доктора ужасающими своими скандалами и, уж конечно, ничем бы не выздоровел. Но Мэри открыла Колину весну, и солнечный свет, и пение птиц. А попав в Таинственный сад, он поверил, что будет жить. И вот, стоило ему избавиться от мыслей о смерти, как сила стала прибывать с каждым днем. «Научный эксперимент», который Колин позже поставил, и даже то, как он сумел вдруг подняться на ноги с инвалидного кресла, – куда меньшие чудеса в сравнении с тем, что ему удалось изменить образ мыслей. Ибо именно это было залогом всех остальных чудодейственных превращений юного мистера Крейвена.

Только там расцветут пышно розы,

мой мальчик,
Где ты выполол все сорняки!

Пока оживал Таинственный сад, а Мэри и Колин на глазах хорошели и крепили, далеко от Йоркшира путешествовал человек, которого вот уже десять лет держали в плену беспросветно мрачные мысли. Он бродил по прекрасным норвежским фиордам, по горам и долинам Швейцарии, но нигде не мог забыть, что глубоко несчастен и жизнь его кончена. Даже возле озер с голубою водой и на горных склонах, утопающих под коврами душистых цветов, тоска не отпускала его. Ужасное несчастье отняло у этого человека покой и надежду на будущее. Жизнь свою он считал безвозвратно загубленной. Забросив дом и обязанности, он больше не хотел ни о чем знать и скитался по свету. Но и в путешествиях порою впадал в такую отчаянную тоску, что случайные спутники старались скорее избавиться от его общества. Одним он казался помешанным, другие считали, что он совершил какое-то преступление и оно теперь тяжким бременем лежит на его душе.

Высокий, с изможденным лицом и согбенной спиной, он словно пытался обойти стороной жизнь. Остановившись в гостиницах, он аккуратно записывал в книгах: «Арчибальд Крейвен, Мисселтуэйт Мэнор, Йоркшир, Англия». Пробыв в каком-нибудь дивном краю день, два, неделю, он со столь же опустошенным сердцем следовал дальше, чтобы в новой стране по-прежнему не найти покоя. Так длилось уже десять лет. И нынешний год не принес никаких перемен. Даже глядя утром на пики гор, когда на них светит восходящее солнце, мистер Крейвен не ощущал ни красоты, ни величия мира, который словно рождался у него на глазах.

Однажды, бредя по прекрасной долине в Тироле, мистер Крейвен сел отдохнуть на берегу ручейка, который весело журчал среди густой зелени. Течение было быстрым. Вода перекачивала по дну камешки, и казалось, кто-то тихо и нежно смеется. К ручейку то и дело слетались птицы, чтобы попить, и на мистера Крейвена вдруг снизошел почти забытый покой. Будто бы тяжесть страданий, давившая его много лет подряд, внезапно свалилась. Он с облегчением вдыхал полной грудью чудесный воздух, любовался подсвеченной солнцем водой, и ему казалось, что он вот-вот погрузится в сон. Но он не заснул, а начал разглядывать цветы и деревья вокруг. На краю берега, у самой воды, росло множество голубых незабудок, и мистер Крейвен, сам удивляясь, поймал себя внезапно на том, что цветы эти доставляют ему почти такое же наслаждение, как в те годы, когда он еще был счастлив. «Да тут же прекрасно!» – подумал он, и это была первая

светлая мысль, которая посетила его с тех пор, как не стало его дорогой жены. Едва родившись, мысль эта стала расти, вытесняя из его головы все остальное. Так свежий ключ, забив в застойном пруду, вытесняет гнилую воду. Разумеется, мистер Крейвен пока не осознавал этого. Он просто по-прежнему любовался чудесным видом и чувствовал себя все лучше и лучше.

– Что это? Что это? Что случилось со мной? – удивленно повторял он.

Мистер Крейвен так и не понял, что с ним случилось. Лишь позже он узнает с удивлением, что сел передохнуть на берег ручья именно в тот момент, когда далеко в Йоркшире Колин на весь Таинственный сад закричал: «Я буду жить долго-долго!»

Необычайное спокойствие, которое снизошло на мистера Крейвена, длилось до конца дня. И сон его в эту ночь был спокоен и крепок. Правда, мистер Крейвен еще не знал, как удержать такое состояние духа. К концу следующего дня тяжесть страданий вновь его одолела, и он, покинув долину, пустился в дальнейшие странствия. Но с тех пор тяжелые думы уже меньше владели им. Минуты же просветления наступали все чаще и чаще. Он будто бы оживал вместе с Таинственным садом.

Когда лето сменилось осенью, мистер Крейвен поспешил в Италию на озеро Комо. В этот год погода стояла прекрасная, и отец Колина любовался дни напролет прозрачной голубизной озера или уходил на прогулки в Альпы. Приходя домой только к вечеру, он ужинал и почти тотчас же засыпал. Он и сам удивлялся, что стал теперь хорошо спать. Ведь целых десять лет ему было страшно, что, едва он сомкнет глаза, вновь приснятся и сад, и сломанная ветка дерева, с которой упала на землю Лилиэс. И вот он избавился от своих страшных снов. Пробуждаясь утром, он чувствовал небывалую бодрость и думал, что, наверное, это все потому, что его организм за последнее время окреп.

В общем-то мистер Крейвен был прав: он действительно становился крепче. А главное, окреп его дух. Все чаще вспоминал он о Мисселтуэйте, думая, не пора ли вернуться? Временами он даже смутно вспоминал Колина. Мистер Крейвен пытался представить себе, какие чувства его охватят, когда он вновь увидится с сыном. Но тут воображение отказывало ему. Он не хотел думать о мальчике.

Однажды мистер Крейвен настолько увлекся прогулкой, что подходил к дому уже при свете полной луны, когда, казалось, весь мир отлит из серебра с прочернью. В лесу на озере Комо и по берегам стояла столь пленительная тишина, что мистер Крейвен не захотел идти сразу в дом. Войдя в беседку у самой воды, он удобно устроился на скамье. Ночной

воздух и гладь озера, подсвеченная луной, настолько пленили его, что он все сидел и сидел.

Может быть, он в результате уснул, а может быть, это случилось на самом деле... Мистер Крейвен и сам потом точно не мог сказать. Он только всегда повторял, что если его и охватила дремота, то он этого совсем не почувствовал. Напротив, ему отчетливо слышался плеск воды, он полной грудью вдыхал запах роз, которые всегда дивно пахнут, как только жару сменяет ночная прохлада. Вдруг мистериу Крейвену послышался женский голос. Он доносился издалека, однако звучал столь ясно, словно говорившая сидела в той же беседке.

– Арчи! Арчи! Арчи! – позвала трижды она.

Какая-то сила подняла со скамьи мистера Крейвена, и, встав на ноги, он закричал:

– Лилиэс! Лилиэс! Где ты?

– В саду! В саду! – чисто, как золотая свирель, отозвался голос.

На этом все кончилось, и мистер Крейвен без сновидений проспал всю ночь. Поутру он проснулся от яркого солнца. Рядом с его скамьей, держа на подносе письма, стоял слуга. Этот итальянец, как, впрочем, и остальные слуги на вилле, свылся с эксцентричностью мистера Крейвена и не был ничуть удивлен, что тот предпочел сегодняшней ночью беседку уютной спальне.

Слуга вручил мистериу Крейвену почту и удалился. Тот, глядя на озеро, вспомнил все, что произошло с ним минувшей ночью. Его охватила удивительная легкость. Он улыбнулся и задумчиво прошептал:

– В саду... в саду... Но ведь я же зарыл ключ.

Потом он посмотрел на стопку конвертов. Самое верхнее письмо было из Англии. Мистера Крейвена сразу привлек четкий почерк. Он не был ему знаком. Разорвав конверт, мистер Крейвен прочел:

«Дорогой сэр!

Пишет Вам Сьюзен Соуэрби, которая имела смелость заговорить с Вами однажды в деревне. Тогда мы вели с Вами речь о мисс Мэри, а теперь мне опять надо с Вами кое о чем посоветоваться. Вы уж послушайте меня, сор: будь я сейчас, как и Вы, так далеко от дома, я мигом бы возвратилась обратно, чего желаю и Вам. Думаю, Вы будете рады, если скорее вернетесь. И, с Вашего позволения, покойная Ваша бедняжка жена тоже сейчас неизбежно попросила бы Вас о том же, если, конечно, еще пребывала бы с нами здесь на земле.

Ваша покорная слуга Сьюзен Соуэрби».

Прежде чем положить послание миссис Соуэрби в карман, мистер Крейвен еще два раза внимательно перечитал его.

– Я возвращаюсь, – наконец произнес он. – Сегодня же возвращаюсь.

Войдя быстрым шагом в дом, он приказал верному Питчеру немедленно собирать чемоданы.

Днем мистер Крейвен уже был в пути. На протяжении всей длинной поездки он, не переставая, думал о Колине. Это было само по себе удивительно, ибо с самого рождения мальчика мистер Крейвен старался не думать о нем вообще. Сейчас же память его невольно воскрешала все, что было связано с сыном. Те ужасные дни, когда мистер Крейвен бесновался как сумасшедший, проклиная судьбу за то, что этот ребенок отнял жизнь у жены. Поначалу он не хотел даже смотреть на сына. Когда же наконец увидел, ему стало жаль себя еще больше. Мальчик был очень слаб. Никто даже не сомневался, что жить ему на свете от силы несколько дней. Но ребенок, вопреки общему мнению, выжил. Правда, радости это не принесло никому. Потому что люди, которые за ним ухаживали, были убеждены, что он на всю жизнь останется инвалидом.

Мистер Крейвен обеспечивал сына лучшими докторами, окружил его слугами и дорогими вещами. Однако каждый раз, когда они виделись с Колином, отец чувствовал себя еще несчастней обычного и ничего не мог поделать с собой.

Особенно остро он ощутил это год спустя после смерти жены. Вернувшись тогда из путешествия, он зашел к сыну. Больной ребенок поднял на него огромные серые глаза. Точь-в-точь глаза Лилиэс, но какая усталость и какое равнодушие вместо счастья и радости! Побледнев, мистер Крейвен вышел из детской. С тех пор он старался заходить к сыну, только когда тот спал. А все, что сообщали о нем другие, приводило мистера Крейвена в еще большее отчаяние. Ибо никто, кроме доктора из Лондона, не сомневался, что мальчик на всю жизнь инвалид и, в довершение ко всему, с ужасным характером. Чтобы избавить Колина от приступов ярости, отец велел во всем ему потакать, ибо боялся, как бы истерики не усугубили и так незавидного его состояния.

Сейчас, когда поезд мчался сквозь позолоченные солнцем долины, мистер Крейвен шаг за шагом вспоминал все свои встречи с сыном. Но, как ни странно, эти сцены больше не повергали его в отчаяние. Наоборот, чем ближе он подъезжал к Йоркширу, тем большая нежность к больному сыну охватывала его. Мало того, в нем крепла вера, что Колина еще можно вылечить.

– Только бы не было слишком поздно, – виновато бормотал мистер Крейвен. – Десять лет! Я упустил десять лет! Это ведь очень много!

Будь рядом с ним в поезде Колин, он мигом бы объяснил, что, когда обращаешься к волшебству, нельзя сомневаться в успехе и оставлять в голове всякие «только бы». Но мистер Крейвен о волшебстве пока ничего не знал. Он просто впервые испытал чувство отцовства и немедленно исполнился тревоги за сына. Страшное опасение внезапно заставило его вздрогнуть. Что, если здоровье Колина резко ухудшилось и миссис Соуэрби вызвала его к умирающему? Но неожиданно для себя самого мистер Крейвен быстро отогнал от себя эту мысль. «Может быть, миссис Соуэрби знает, как помочь Колину? – подумал он. – Непременно заеду к ней по пути в Мисселтуэйт».

Так он и поступил. Однако восемь детей миссис Соуэрби, обступивших тут же его карету, сказали, что матушки, к сожалению, нет сейчас дома. Она ушла на другой конец пустоши помочь какой-то женщине с новорожденным.

– И Дикена тоже нет, – добавили они хором. – Он пошел в Мисселтуэйт поработать в каком-то саду. Он почти каждый день туда ходит.

Мистер Крейвен внимательно оглядел всю компанию. От детей миссис Соуэрби веяло таким весельем и доброжелательностью, что он улыбнулся. Вынув из кармана золотой соверен, мистер Крейвен вручил его старшей девочке, которую остальные представили ему как «нашу Элизабет Элен».

– Если вы разделите это на восемь частей, каждому достанется по полкроны, – объяснил он.

Слова его вызвали бурное ликование, и карета тронулась в путь под ликующие возгласы детей миссис Соуэрби. А мистер Крейвен глядел на осеннюю пустошь, и сердце его исполнялось все большей радости и покоя. Когда же вдаль показался Мисселтуэйт Мэнор, отец Колина с неожиданной для самого себя лаской, глядя на дом, тихо сказал:

– Подумать только, Крейвены живут здесь уже шестьсот лет!

Он бы удивился сейчас тому отращению, с которым еще совсем недавно покидал родные места. Все тут тогда казалось ему беспросветно унылым, а одна мысль о множестве нежилых комнат заставляла его содрогаться. Но чудесный сон на берегу озера не прошел для мистера Крейвена даром, и, когда карета остановилась у входа, ему снова вспомнился голос жены.

Слуги, встретившие его в доме с обычными почестями, удивились. Хозяин выглядел намного бодрее и взирал на мир куда веселей. Когда же он, вместо того чтобы скрыться от посторонних глаз в комнаты, которые

доверялось обслуживать только Питчеру, направился в библиотеку да еще попросил немедля прийти миссис Мэдлок, всех охватило еще большее изумление.

– Как себя чувствует Колин? – спросил мистер Крейвен у запыхавшейся экономки.

– Знаете, сэр, прямо не знаю, как и сказать, – отвечала та. – Но с ним теперь совсем по-другому, чем раньше, стало.

– Ему хуже? – встревожился мистер Крейвен.

– Да в том-то и затруднение, – забормотала растерянно миссис Мэдлок, – что ни доктор, ни сиделка, ни я просто ничего не можем понять.

– Это еще почему? – поглядел ей в глаза хозяин.

– Потому что, сэр, мистеру Колину, может, лучше, а может, и хуже. Appetit у него какой-то неясный, а уж поведение...

– Значит, он стал еще страннее, чем раньше?

– Именно, сэр. Он стал очень странным, но не таким, как раньше. Наоборот, он стал очень странным, если сравнивать с тем, каким он до этого был. Раньше мистер Колин ел очень плохо. Потом вдруг стал есть абсолютно все, что дают. А потом наладился вообще возвращать на кухню блюда нетронутыми. Теперь дальше, сэр. В прежнее время, каким вы сами Колина видели, он даже слушать ничего не хотел о прогулках на улице. Уж чего мы только ни делали, чтобы уговорить его! А теперь он сам взял и потребовал, чтобы Мэри и Дикен, сын Сьюзен Соуэрби, вывозили его на улицу в инвалидном кресле. Мистер Колин так привязался, сэр, к Мэри и Дикену! А Дикен еще ручных зверей своих к нам приводит. Вот мистер Колин и торчит вместе с ними со всеми целые дни на улице.

– А выглядит-то он как? – последовал новый вопрос мистера Крейвена.

– Если бы он ел, как все люди, я бы сказала, что он сильно поправился. А без этого мы опасаемся, как бы это с ним не был просто отек. Когда они вместе с мисс Мэри все время смеются, это тоже вызывает у нас подозрение. Раньше-то он никогда не смеялся. Да вы сами, сэр, у доктора Крейвена все узнайте. Он в последнее время чуть что за голову хватается и говорит: «Никто из больных меня еще до такой степени не озадачивал».

– Где сейчас Колин? – осведомился отец.

– В саду, сэр. Он все время в саду. Хотя подходить близко кому-нибудь воспрещается. Мистер Колин не хочет, как бы на него не посмотрел кто-нибудь незнакомый.

– В саду... в саду... – задумчиво проговорил мистер Крейвен. – В саду...

Потом, вернув себя силой к действительности, он отпустил экономку и, выйдя на улицу, направился к саду тем же путем, каким каждый день ходили Мэри, Колин и Дикен. «Надо найти ключ и отворить сад, – думал на ходу мистер Крейвен. – Не знаю уж почему, но чувствую, что это мой долг».

Миновав кусты лавра и клумбы, на которых росли сотни ярких осенних цветов, он обогнул фонтан, пересек лужайку и свернул на дорожку вдоль увитой плющом стены. Мистера Крейвена неумолимо тянуло войти в дверь, которой он столько лет избегал, и чем ближе он подходил к ней, тем чаще у него билось сердце. Несмотря на плотные заросли из плюща, он не мог ошибиться: дверь находится тут. А вот где зарыт ключ, мистер Крейвен не помнил.

Остановившись, он растерянно огляделся по сторонам. Вдруг до него донеслись какие-то странные звуки. Мистер Крейвен вздрогнул. Звуки слышались за садовой стеной. Но кто туда мог попасть, если дверь давно уже не открывается? Может быть, это ветер так странно шелестит листьями? Но нет: за оградой из камня явно кто-то бегал наперегонки. Временами мистер Крейвен слышал тихие возгласы и даже смех – так ведут себя дети, когда играют и веселятся, но не хотят, чтобы их обнаружили. И чье это имя они только что произнесли? Мистер Крейвен в полном замешательстве потряс головой. Может быть, он просто сошел с ума? Или ему недавно открылась возможность слышать потусторонние голоса, которые скрыты от ушей прочих смертных?

Неизвестно, сколько времени размышлял бы еще мистер Крейвен в подобном духе, если бы сдержанность не оставила вдруг троих детей за оградой сада. Теперь кто-то бежал стремглав прямо к двери. Мистер Крейвен все отчетливее слышал громкий смех, прерывистое дыхание и топот нескольких пар ног. Еще миг – и из заросшей плющом двери выскочил мальчик. Не заметив мистера Крейвена, он угодил прямо ему в объятия. Если бы тот вовремя не поймал его, мальчик от сильного толчка непременно бы грохнулся оземь. Мистер Крейвен взглянул на него и замер.

– Кто? Что? Кто? – ошеломленно выдавил он из себя.

Колин тоже не ожидал этой встречи. Он совсем не так все планировал, но тут же решил, что на деле получилось куда удачнее его замыслов.

– Папа! Папа! – закричал он. – Это ведь я, Колин! Я знаю, тебе, наверное, не верится. Я и сам с трудом верю, но все-таки это я!

– В саду... в саду... – тихо отозвался отец.

Колин сперва взглянул на него почти с таким же недоумением, как миссис Мэдлок. Потом торопливо проговорил:

– Ну да, в саду, папа. Все из-за сада и произошло. И еще – из-за Мэри и Дикена. И еще – тут, конечно же, волшебство. Но ты, папа, еще про него не знаешь. Мы специально скрывали, чтобы тебе первому все показать. Видишь? Я выздоровел! А сейчас я бежал наперегонки с Мэри Леннокс и победил. А стать я хочу ученым и еще – атлетом.

Мистер Крейвен слушал его со счастливой улыбкой. Потому что и сияющие глаза Колина, и покрасневшее от быстрого бега лицо, и жажда выпалить как можно больше слов, не переводя дыхания, – все свидетельствовало о том, что перед ним совершенно здоровый ребенок.

– Ты что, не рад, папа? – взяв мистера Крейвена за руку, продолжал Колин. – Неужели тебе не нравится, что я буду жить долго-долго?

Отец обнял мальчика и крепко прижал к себе. Какое-то время он не мог произнести ни слова. А когда смог, тихо сказал:

– Отведи меня в сад, Колин. Там и расскажешь все по порядку.

Таинственный сад сейчас был полон осеннего очарования. Повсюду виднелись красные и красно-белые лилии. Мистер Крейвен помнил, как их сажали с таким расчетом, чтобы они распускались именно этой порой. Поздние сорта ползучих роз недавно раскрыли бутоны, и казалось, деревья снова цветут. А желтая листва на ветвях, высвеченная ярким солнцем, сияла золотом.

– Я был уверен, что сад погиб, – изумленно озираясь вокруг, сказал мистер Крейвен.

– Мэри сначала тоже так думала, – отозвался Колин, – но Таинственный сад ожил.

Потом они расселись под деревом. Только Колин стоял по-прежнему. Он объяснил, что не хочет садиться, пока все-все не расскажет папе.

И он рассказал. И отец слушал его с широко раскрытыми от удивления глазами, ибо это была самая необыкновенная и самая прекрасная история в его жизни. Иногда мистер Крейвен смеялся до слез. А иногда его щеки и без смеха вдруг увлажнялись слезами.

– Ну, – облегченно выдохнул наконец наш Атлет и Ученый, – вроде больше нет тайн. Они, – показал он на дом, – очень, наверное, удивятся, потому что я в это кресло теперь никогда не сяду. Мы пойдем домой вместе, папа!

По роду своих обязанностей Бен Уэзерстафф редко показывался в хозяйском доме. Однако в тот день он просто не мог иначе. Собрав в огороде овощи, он сам принес их на кухню. Там была как раз миссис Мэдлок. Увидев садовника, она предложила ему выпить в комнате для слуг кружечку пива. Именно на это старый Бен и рассчитывал. Потому что одно

из окон комнаты для слуг выходило как раз туда, куда надо.

Миссис Мэдлок тоже преследовала свои интересы. Бен пришел прямо с огородов, а значит, вполне мог повстречать мистера Крейвена или вообще подсмотреть его встречу с сыном.

– Ты из господ никого не видел? – подав кружку пива, спросила она.

Старый Бен отпил солидный глоток.

– Кое-кого видел, – стирая ладонью пену с губ, многозначительно произнес он.

– Неужели обоих? – задрожала от любопытства миссис Мэдлок.

– Обоих, – согласно кивнул старый Бен. – Спасибо за пиво, мэм, но вообще-то я и еще от одной кружки не отказался бы.

Миссис Мэдлок взяла его кружку и пошла наливать.

– Ты видел обоих вместе? – не замечая, что пиво перелилось через край, спросила она.

– Вместе, мэм, – принял у нее из рук кружку садовник и одним глотком осушил половину.

– И... и что же Колин? – не мигая, глядела экономка на Бена. – Как он там выглядел? И говорили они что с папашей друг другу?

– Чего говорили, не слышал, – отозвался Бен Уэзерстафф. – Я стоял на лестнице и глядел на них через стену. А вам, мэм, только одно скажу: тут такие дела творились, о которых вы ничего не знаете. Ну да ладно. Скоро вам это откроется. – И, допив остаток своего пива, он простер пустую кружку к окну: – Взгляните-ка лучше на эту лужайку, мэм! Прямо странность какая-то.

Едва глянув в окно, миссис Мэдлок исторгла пронзительный вопль. Все слуги, находившиеся в то время поблизости, кинулись к ней. Мгновение спустя комната для слуг погрузилась в столь полную тишину, какой никогда не знала. Никто из присутствующих глаз не мог отвести от окна. По лужайке, сияя от счастья, шел хозяин Мисселтуэйт Мэнора. А рядом вышагивал Колин, и получалось у него это не хуже, чем у любого другого йоркширского мальчика.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)